

ВЕСТНИК

СВЯЩЕННОГО СИНОДА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Год издания третий.
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Самотека, 10, Троицкое подворье,
редакция „Вестника Синода“.

ИЗДАНИЕ
Священного Синода
Р. П. Ц.
№ 5—6 (18-19)
1927 год.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
на 10 №№ — 6 руб., за пять №№ — 3 руб.
Цена отдельного № — 75 коп.
Двойного — 1 р. 50 коп.
Наложенным платежом журнал высылается на сумму не менее 3 рублей.

СОДЕРЖАНИЕ:

Часть официальная.

1. Грамота Вселенского Патриарха Василия III с приветствием по случаю Праздника Пасхи и препроводительный циркуляр Св. Синода Епархиальным Управлениям.
2. Грамота Иерусалимского Патриарха Дамиана с приветствием по случаю праздника Св. Пасхи и препроводительный циркуляр Св. Синода Епархиальным Управлениям.
3. Обращение к Священному Синоду Временного Управления Грузинской Православной Церкви по случаю признания автокефалии Грузинской Церкви.
4. Приветствие Священного Синода Украинской Православной Церкви Всероссийскому Синоду с праздником Пасхи.
5. Телеграмма Украинского Священного Синода с приглашением представителей Всероссийского Синода на Предсоборное Состязание.
6. Ответ Священного Синода П. Р. Церкви Украинскому Св. Синоду на приглашение.
7. Бюллетень Организационно-Информационного Отдела № 9 от 15-го мая 1927 года.
8. Циркуляр того же Отдела от 27 мая 1927 года Епархиальным Управлениям по случаю исполнившегося пятилетия обновленческого движения Православной Российской Церкви.
9. Указ Священного Синода приходам Московской Епархии о порядке празднования пятилетнего юбилея обновленчества.
10. Акт торжественного Соборания в Москве по случаю пятилетнего юбилея обновленчества.
11. Циркуляр Священного Синода П. Р. Церкви об открытии юбилейного фонда.
12. Циркуляр Священного Синода настоятелям обновленческих общин г. Москвы об открытии миссионерских курсов.
13. Указ Священного Синода П. Р. Церкви Председателю Священного Синода Митрополиту Вениамину о перемещении его на Московскую кафедру.
14. Движения и передвижения по службе с 2-го февраля 1927 года.

Часть неофициальная.

ОТДЕЛ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ.

15. Кого следует разуметь под «камнем», на котором Христос обетовал создать Церковь свою (Мф. 16, 18 парал.).

ОТДЕЛ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

16. Празднование пятилетнего юбилея обновленчества в Москве.
17. Приветствия Священному Синоду по случаю юбилейного торжества.
18. Как и почему я сделался обновленцем (доклад на торжественном юбилейном собрании) Митрополита Вениамина.
19. Тезисы доклада на тему «Истоки обновленческого движения» Архиепископа Николая (Платонова).
20. Идеология обновленчества (доклад на юбилейном собрании) Профессора С. М. Зарина.
21. Об обновленчестве, его достижениях и перспективах (Конспективное изложение доклада на юбилейном собрании) Протопресвитера П. Н. Красотина.
22. Два раскола: тихоновщина и донатизм (очерк их сравнительной характеристики). Проф. А. И. Покровского.
23. О положении белого духовенства (заслуга белого духовенства Русской Церкви) — Протопресвитера А. Юницкого.
24. Каноны и церковная организация — А. Ельчанинова.
25. Из жизни Московской Богословской Академии.

МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ.

26. Типы современного сектанства. Проф. В. З. Белоликова.
27. Миссионерско-обновленческие курсы — 1-я лекция Профессора С. М. Зарина.

ОТДЕЛ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В ПРОВИНЦИИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

28. Мнение о текущем церковном моменте (идея установления праздника обновления) — Протоиерея Иоанна Орлова.
29. Алтайская церковная жизнь — Архиепископа Алтайского Александра.
30. Два письма о сборах на богословское просвещение.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция просит подписчиков при обращении в редакцию за справками или с подпиской указывать номер подписки, за которым высылается журнал.

Подписчикам рекомендуется самим следить за подпиской, во избежание перерыва в высылке журнала.

При новой подписке необходимо указывать, с какого номера высылать журнал.

Присылайте корреспонденции о местной церковной работе.

От Просветительного Отдела Священного Синода.

„Вестник Священного Синода“ необходим каждому пастырю. Выписывайте журнал!

Богословские школы необходимы Церкви. Собирайте пожертвования на нужды богословского образования!

Если каждый верующий даст копейку в месяц — школы будут обеспечены. Организуйте временные богословские курсы!

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

Циркулярно.

Епархиальному Управлению.

Священный Синод Православной Российской Церкви, при сем препровождая полученную 15-го мая с. г. грамоту Вселенского Патриарха Василия III, Архиепископа Константинополя и Нового Рима на имя Председателя Священного Синода Митрополита Вениамина, содержащую привет Вселенского Патриарха по случаю Светлого Праздника Митрополиту Вениамину, как Председателю Священного Синода Православной Российской Церкви, и Членам Священного Синода, — предлагает эту грамоту прочитать в церквах в первый воскресный день, с соответствующим разъяснением важности и значения этой грамоты, в ряду других актов, свидетельствующих о непрерывном каноническом общении Священного Синода с Православными Восточными Патриархами.

Копия.

Перевод с греческого языка.

БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ ВСЕЛЕНСКИЙ ПАТРИАРХ ВАСИЛИЙ III, АРХИЕПИСКОП КОНСТАНТИНОПОЛЯ И НОВОГО РИМА.

№ прот. 1083.

4 мая 1927 года.

Досточтимейший Митрополит Ленинградский, во Св. Духе возлюбленный брат и сослужитель нашей мерности Кир Вениамин, Председатель Священного Синода Российской Церкви, и прочие члены Синода. Благодать Вам и мир от Бога.

С великой радостью получили мы приветствие Вашей любви со Святою Пасхою.

Горячо благодарим и желаем, дабы преславно воскресший Господь и Спаситель наш ниспослал Вам богатую благодать и благословение Свое. С особенною благодарностью узнали мы о том, что Вы пишете в Вашем письме, свидетельствующее о постоянной и достойной заботе Вашей об установлении всеобщего мира и дружелюбия.

Господь да поведет и направит к совершенному благополучию добрые намерения Ваши и всех любящих мир и единение святой Его Церкви.

Благодать и беспредельная милость Его да пребудет непрерывно с Вами.

Возлюбленный о Христе брат Вселенский Патриарх
Василий III.

С подлинным верно:

Представитель Вселенского Патриарха и Архиепископа Синайского в С. С. С. Р. Архимандрит
Василий Димопуло.

— М. П. —

Духовно-Дипломатическая Миссия Константинопольского Вселенского патриарха в России.

Циркулярно.

Епархиальному Управлению.

Священный Синод Православной Российской Церкви при сем препровождает полученную 9-го с. г. грамоту Святейшего Патриарха Иерусалимского Дамиана на имя Председателя Священного Синода Митрополита Вениамина, подписанную Святейшим Патриархом в первый день Святой Пасхи, и содержащую привет Святейшего Патриарха по случаю Светлого Праздника Митрополиту Вениамину, как Председателю Священного Синода Православной Российской Церкви, Членам Священного Синода и всем чадам Право-

славной Церкви, находящимся в ведении Священного Синода, — предлагая эту грамоту прочитать в церквах в первый воскресный день, с соответствующим разъяснением важности и значения этой грамоты, в ряду других актов, свидетельствующих о непрерывном каноническом общении Священного Синода с Православными Восточными Патриархами.

№ 306.

Копия.

Высокопреосвященнейший Митрополит Ленинградский и Председатель Священного Синода Святейшей Православной Церкви в России, во Христе Боге возлюбленный и вожденный брат и сослужитель нашей мерности, — Кир Вениамин.

Ваше — нам весьма любезное и вожденное — Высокопреосвященство святым поцелуем лобзая, радостно приветствуем.

«Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же весь мир, видимый и невидимый», потому что Христос Спаситель восстал из гроба, как предрек, разрушив силу смерти и даровав всему миру жизнь вечную.

Святейшая Матерь Церковь, сорадуясь с теми, кои находятся на небесах, и веселясь вместе с находящимися на земле, ныне облачается в праздничную одежду, чтобы встретить восшедшее из гроба, как бы из царского чертога, Солнце Правды — Спаса Христа. Радуюсь и веселясь сему нареченному и святому дню, и мы, сподобившиеся Божиею милостию — священнодействовать в тех самых священных местах, в коих чудесно совершилось спасение людей, мы, вместе с окружающим нас священным братством, воспели полуночные гимны и песни воссиявшему из гроба тридневно, прославленному Спасу Христу, при большом стечении благочестивых паломников и обилии всякого христоименного народа, а затем совершили божественное и бескровное священнодействие на самом источившем жизнь Гробе Спасителя нашего, при чем с великою любовью вспомнили и почтенное имя Вашего Высокопреосвященства, испросив Вам всякую небесную благодать от Господа.

С братскою любовью достигши (до Вас) чрез это праздничное послание, радостно приветствуем Ваше Высокопреосвященство восхитительным и приятным благовестием — «Христос воскрес», и от всей души сорадуемся Вам, что смерть умерщвлена и ад нисповергнут, и от всего сердца молимся Спасу Христу, поправшему смертью смерть, — сохранить Вас на долгие годы в здравии, радости и мире, вместе со всем христоименным народом, празднующим этот великий праздник и торжество торжеств.

Братски просим передать наши пасхальные приветствия и молитвы всем составляющим Священный Синод возлюбленным во Христе братьям и снова Вас лобызаем во Христе воскреснем, и оканчиваем.

Во святом граде Иерусалиме, 1927 г. апреля 11-го

Возлюбленного нами Вашего Высокопреосвященства
Возлюбленный во Христе Брат и всегда благосклонный **Дамиан, Патриарх Иерусалимский.**

Копия верна:

Председатель Св. Синода Митрополит **Вениамин.**Зав. Админ. Отделом Протопресвитер **П. Красотин.**Секретарь — Член Св. Синода Профессор **С. Зарин.**

М. П.

13-го мая 1927 года.

№ 2081.

28 марта 1927 г.

№ 371.

Копия.

В СВЯЩЕННЫЙ СИНОД РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Временное Управление Грузинской Православной Церкви на заседании своем от 28 марта 1927 года, в составе следующих лиц: Председателя — Заместителя Католикоса — Патриарха Всея Грузии, Митрополита Сухумского Христофора и Членов: Митрополита Давида Кутатели и Епископов: Мельхиседека Алавердели, Стефана Бодвели, Симеона Урбнели, Нестора Чкондидели и Варлаама Маргвели, Архимандрита Ефрема, Протоиерея Д. Хахуташивили, Протоиерея Н. Мачарашвили, Протоиерея В. Канделаки, П. А., Готуа, Н. Заалишвили, К. Овимонишвили, и Д. И. Иагорашвили, — слушали акт Священного Синода Российской Православной Церкви от 8 февраля 1927 года, о признании Автокефалии Грузинской Церкви.

С чувством удовлетворения и признательности выслушало Управление Грузинской Церкви содержание означенного акта, имеющего историческое значение в жизни Вселенской Церкви.

Акт этот принимается нами, как свидетельство, что Священный Синод Российской Православной Церкви во взаимоотношениях с другими православными автокефальными церквями руководствуется чисто церковно-каноническими началами любви, справедливости и равноправия народов и церквей.

При сем Управление Грузинской Церкви заверяет Священный Синод Российской Православной Церкви, что церковная жизнь православных верующих, проживающих на территории Грузии, будет устроена с сохранением Богослужения и делопроизводства на родном языке, к чему обязывают нас общие цели Союзных Народов русского и грузинского в достижениях благ временных и вечных.

К сказанному Временное Управление Грузинской Церкви присовокупляет, что акт Священного Синода о признании Автокефалии Грузинской Церкви прочитан в Сионском Патриаршем Соборе 27 марта 1927 года пред молебствием по случаю десятой годовщины восстановления Автокефалии Грузинской Церкви с провозглашением многолетия Священному Синоду, признавшему неоспоримость законных прав Грузинской Церкви на Автокефалию, каковой она пользовалась издревле.

Господь наш Иисус Христос да содействует Священному Синоду Российской Православной Церкви в осуществлении возложенных на него великих задач в деле утверждения среди сынов и дочерей Российской Православной Церкви мира, единения, взаимной любви в деле достижения ими земного благополучия и вечной жизни под мудрым водительством Священного Синода.

1927 года марта « » дня, город Тифлис.

Председатель Временного Управления Грузинской Церкви — Заместитель Патриарха — Католикоса Всея Грузии Митрополит Христофор.

М. П.

Члены Временного Управления Грузинской Церкви: Епископ Симеон, Епископ Стефан Бадбели, Протоиереи Н. Мачарашвили, П. А. (подпись не разборчива).

Управляющий Делами Временного Управления Грузинской Церкви — Протоиерей М. Нацвилишвили.

СВЯЩЕННОМУ СИНОДУ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Христос Воскресе!

Священный Синод Украинской Православной Церкви приносит Всероссийскому Синоду свое братское приветствие с высокоторжественным праздником Светлого Христова Воскресения.

Полный глубокой уверенности, что тесная духовная связь, доселе неразрывно соединявшая Церковь Украинскую

с Церковью Всероссийской, пребудет и впредь нерасторжимой, Священный Украинский Синод возносит горячие молитвы к Воскресшему Спасителю, да поможет Он Всероссийскому Священному Синоду примирить и объединить и всех братий по вере, отпавших от вселенского единства.

Председатель Священного Синода Пимен, Митрополит Харьковский и всея Украины, Член — Секретарь Серафим, Епископ Ахтырский.

М. П.
Всеукраинский Православный Священный Синод.

10 апреля 1927 г., г. Харьков УССР. Ул. К. Либкнехта, 39.

С подлинным верно:

Секретарь — Член Св. Синода Профессор С. М. Зарин.

ВСЕУКРАИНСКОМУ ПРАВОСЛАВНОМУ СВЯЩЕННОМУ СИНОДУ.

Воистину Воскресе Христос!

Священный Синод Православной Российской Церкви приносит Всеукраинскому Священному Синоду свое братское приветствие с Великим и Светлым Праздником Христова Воскресения, даровавшего миру обновление жизни и истинную немеркнущую духовную радость.

Священный Синод Православной Российской Церкви от всей души радуется, получив в Пасхальном приветствии Всеукраинского Священного Синода уверение, что тесная духовная связь, доселе неразрывно соединявшая Церковь Украинскую с Церковью Всероссийской, пребудет и впредь нерасторжимой, и, в свою очередь, отвечает уверением в своей искренней готовности поддерживать и в будущем со Священным Синодом Всеукраинской Церкви, как вообще с Автокефальными Православными Церквями, — встечное «единение духа в союзе мира».

Воскресший Господь да вспомоществует Своею всеильною благодатью Всеукраинскому Священному Синоду в его великой и ответственной деятельности обновления Христовой Церкви в духе истинного Православия.

7/V—1927 года.

№ 1941.

Харькова 18.901, 38, 7, 15, 56. Москва, Самоотека, Троицкое подворье Синоду.

Пленум Украинского Священного Синода постановлением седьмого мая приглашает преосвященного Председателя Российского Священного Синода Митрополита Вениамина и Секретаря профессора Зарина принять участие предсоборном совещании открывающемся Харькове одиннадцатого мая — Председатель Митрополит Пимен Секретарь епископ Серафим.

ВСЕУКРАИНСКОМУ СВЯЩЕННОМУ СИНОДУ.

Священный Синод Православной Российской Церкви сердечно благодарит Всеукраинский Священный Синод за телеграфное приглашение представителей Священного Синода Православной Российской Церкви принять участие в предсоборном совещании, открывающемся в Харькове 11 мая, — видя в таковом приглашении выражение с стороны Всеукраинского Священного Синода истинно братских отношений к Православной Российской Церкви.

Однако, к сожалению, представители Священного Синода Православной Российской Церкви прибыть на Совещание к означенному времени не имеют возможности, в виду отсутствия в настоящее время двух Членов Президиума Св. Синода, при необходимости срочно подготовиться к торжеству празднования пятилетнего юбилея обновленчества, назначенному на 15 мая. Св. Синод, вследствие указанного обстоятельства, просит Всеукраинский Священный Синод принять горячие молитвенные пожелания плодотворной и успешной

работы в предстоящем весьма важном совещании на благо Святой Православной Церкви.

От 9/V—27 г.

№ 1976.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 9.

На 15 мая 1927 года.

Для Святой Пасхи принесли новые моменты радости и ободрения нашему деланию. Получены Пасхальные приветственные грамоты от Вселенского Патриарха Василия и Иерусалимского Патриарха Дамиана. И та и другая грамота содержат не только общие приветствия, но и одобрение работы Св. Синода, направленной к достижению единства и мира Церкви Русской, и свидетельство о молитвенном поминовении у самой святыни Гроба Господня и Председателя Св. Синода и Членов Синода в день Св. Пасхи.

Эти, все новые, доказательства действительного братского со Св. Синодом общения Восточных Православных иерархов больше всего беспокоят тихоновцев. Последние выдумывают и распространяют снова небывлицы о том, что Восточные Патриархи «раскаиваются о своем принятии обновленцев», что они об этом «готовят особую грамоту» — еще в марте староцерковники пустили об этом слух — и вот пасхальные приветствия...

В обоих посланиях подчеркивается, что приветствия направляются к председателю и всем членам Синода. Староцерковники иногда пытаются объяснить благожелательный характер патриарших грамот обычной восточной любезностью, но их заграничные друзья снова их выдают: в эмигрантской газете «Руль» напечатана беседа корреспондента с Константинопольским Патриархом по поводу заграничной церковной смуты, и патриарх подчеркивает, что он очень осторожен в своих письменных сношениях с архиереями, мнящими себя правителями Церкви. «Если мы и отвечали м. Антонию (Храповицкому) на его письма, то лишь как русскому архиерею, а отнюдь не как Председателю Синода» («Руль», 8 мая, 1927 г.).

По отношению же к нам видим совершенно противоположное.

Правда, нам самим нужно быть очень осторожным. То, что заслуживает похвалу Восточных Патриархов — забота о мире и единстве — нашими противниками истолковывается, как «капитуляция Синода перед тихоновцами» (Кострома), и поэтому вполне своевременно категорическое заявление Св. Синода, что никаких «принципиальных уступок» делать мы не собираемся, и что все верующие должны понять, что единение и мир Церкви возможны лишь вокруг незыблемой позиции Св. Синода, созданной Соборами 23 и 25 г.г. и признанной вполне православной и канонически-правильной представителями других Православных Церквей.

Пока староцерковники правильно не осознают всех предположений Синода о мире, — мира, конечно, не будет.

А что из этого происходит — свидетельства тому каждый день.

В горячности борьбы против обновления, архиереи староцерковнические доходят до того, что начинают поучать верующих правам не на основе Св. Писания и канонов Церкви, а на основе Советского законодательства.

Еп. Вениамин из Рыбинска решил лишить места священника церкви с. «Новинка», Б. Виноградова за сочувствие последнего обновленческому движению. Посылает уведомление Прих. Совету, что он запрещает священнослужение о. Виноградову. Приход, любящий своего священника, его не отпускает. Тогда епископ через верных людей посылает «поучение» Приходскому Совету от 9 апреля с. г. за № 125, в котором убеждает их, что они имеют право выгнать священника, на основании законов и инструкций, изданных гражданской властью — заранее благословляет всякого, кого выберут прихожане на место о. Виноградова. Вот какое ревностно «лояльное» отношение к Власти и какая «верность» своему архиерейскому долгу, заповеданному церковью, — ставить пресвитеров по своей архиерейской совести!..

Хорошо, что еп. Вениамин учил свою паству гражданским законам — придет время, и сознательный церковный народ,

на основании этих законов, освободит Церковь Христову от тех раздорников, которые теперь несут голод, слезы и скорби ревнителям св. обновления Церкви. Что это так будет, доказательство в жизни Рязанской епархии — там, по аналогичной же причине, староцерковнический Шацкий архиерей чрез верного себе священника «нажал» на Ямскую Религиозную общину Рязанской епархии, чтобы она не принимала Православного Епископа Николая Рязанского, в апостольских трудах своих вернувшего в лоно Православной Соборной Церкви в течение 3-х месяцев 60 приходов епархии.

Основательный, со всеми юридическими справками, протокол Общего Приходского Собрания с отказом принять еп. Николая, не только направили еп. Николаю, но и Губпрокурору, с просьбой привлечь еп. Николая к уголовной ответственности за вторжение в жизнь прихода. Следствие выяснило, что и протоколы-то писались и подписи по одиночке собирались — для многих неизвестно под чем — местным священником, а когда на собрании народу сообщили о действительном положении Церкви, община (до 200 ч.) 10 апреля вошла в каноническое общение Св. Синода и отказалась от своего прежнего Епископа.

Целый ряд тихоновских приходов, понявших вред для Церкви своей руководящей верхушки, сеющей раздор и развивающей религиозный фанатизм, по разным епархиам (особенно в Рыбинском у., Ярославской еп.) образует автономные общины.

И хорошо делают, что во время отмежевываются от своих вождей! Действительность обнаруживает, что последние под самым благородным и церковным видом «Комитетов взаимопомощи», «сборов на церковные нужды», «сестричеств» и пр. все еще организуют антисоветские организации, для оказания помощи видным колчаковцам (Иркутск), фабрикует слухи о войне, о скором возвращении прошлых привилегий и пр. и этим подвергают всяким страданиям (арестам и пр.) мало осведомленное рядовое и городское и сельское духовенство («Власть Труда», № 91, Иркутск) и отдельные Приходские Советы.

Правда, энергичная работа наших деятелей везде приносит свои плоды, и церковная сознательность народа крепнет.

Из далекого Владивостока доносят о колоссальном впечатлении, которое произвели лекции-диспуты Еп. Николая Хабаровского, совместно с митр. Василием на темы: «О спасении», «Имеет ли религиозная мысль сектанства вселенское знание Евангельской Истины по сравнению со святым Православием», «Христианское мирозерцание», устроенные платными в Кафедральном Соборе; Костромское ЕУ сообщает о блестящем впечатлении от лекций-бесед проф. С. М. Зарина и прот. П. Красотина на темы: «Есть ли Бог» и «Безсмертие души», и «Обновленчество во свете слова Божия». Благодаря выездам, образуются группы сочувствующих нам, и вливается бодрость в души рядовых работников.

Много способствует этому и организационная работа на местах. Совершенно правильно Еп. У. (Иркутское, Псковское и др.) дают директивы изучать материалы, посылаемые из Синода, делать их достоянием сознания всех верующих обновленцев — из целого ряда присылают сообщения, отмечающие значение «Информационных бюллетеней Синода», — необходимо сообщаемым материалом в сиюду пользоваться для агитационной работы.

Тихоновцам никак не найти себе центра. В. В. Ц. С. устроил в Москве съезд Своих Епископов; делает вид управления церковью. Сергей Нижегородский — живя в Москве — тоже управляет, посылая на места своих епископов.

Как же начинают относиться к его ставленникам — свидетельство факт, имевший место в Уральске с присланным туда известным Влад. Путятой. Получил он церковь для служения под самый день Св. Пасхи, пришел со своими «сергиевцами» к богослужению, а масса тихоновцев (вместе с певчими), бывшая в храме, увидя его, бросилась вон с криком: «антихрист», — рассыпалась по другим церквям города, не погнушалась и нашим Православным Городским Собором, с любовью для всех открывающим свои двери...

Дай Бог, чтобы, видя раздор между собою тихоновских иерархов, родной нам верующий народ скорее весь перешел бы в ограду Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви...

Сообщается к сведению:

Председатель Св. Синода Высокопреосвященный Митрополит Вениамин для пользы Церковного дела перемещен на кафедру Святителей Московских.

Зав. Админ. Отделом Св. Синода кооптирован Митрополит Кавказский Петр (Сергеев), который временно, соединит эту работу с управлением Кавказской Митрополии.

Митрополит Александр на летний период выехал в разные города для чтения разрешенных ему лекций: «Трагедия христианства» и «Где истина».

18 апреля скончался Митрополит Крымский Алексей.

15 мая в Москве был отпразднован 5-летний юбилей обновленчества торжественными богослужениями в Храме Христа-Спасителя и в храме Духовной Академии и докладами Членов Президиума Свящ. Синода Митрополита Вениамина, Архиепископа Николая (Гдовского), С. М. Зарина и протопр. П. Н. Красотина — на специальном юбилейном собрании.

Подробный отчет о юбилее будет дан в дальнейшем.

Циркулярно.

Епархиальному Управлению.

Пятилетний юбилей обновленчества, повсюду всколыхнувший, как видно из донесений с мест, наши ряды, подвел итоги прошлому.

На пороге нового пятилетия Организационный отдел при Священном Синоде считает долгом обратить внимание местных работников на следующее.

1. Общая линия, занятая Священным Синодом как в отношении к Вселенским Православным Церквам, так и к раздорничающей верхушке тихоновской иерархии, оказалось вполне оправданной жизнью и должна проводиться впредь.

Всем работникам надлежит помнить, что Члены Российской Церкви соборно — действуют в духовно-каноническом общении и молитвенном единении с Православной Вселенской Церковью, и потому, прежде всего, им надлежит оберегать высоту духовного облика Православного Епископа, пастыря и верующего человека, «ходя достойно своего звания».

В отношении к раздорникам из иерархии не должно быть никакого «соглашательства», но — честное, безбоязненное, чуждое злобы или недоброжелательства, раскрытие перед массами верующих — неправды их церковного делания.

2. Ударная работа должна по-прежнему вестись в направлении «Церковной грамотности народа». Прекрасно делают епархии (Тюменская, Псковская, Новгородская и др.), выпускающие свои информационные бюллетени епархиальной жизни по типу бюллетеней Синода. Тюменская епархия придала этой информации — «Хроника Епархиальной жизни» — характер письма правящего Архиепископа, и это дает возможность размножать и рассылать «Хронику» по приходам под личной ответственностью Епископа. (Вышло 5 номеров).

Но одной информации мало. Необходимо действительное понимание и усвоение того, что происходит в Церкви. Должно одобрить опыт Акмолинского ЕУ. Там, в целях церковно-общественного развития пастырства «вменено в обязанность, на основании литературных данных, изучать основательно историю обновленчества и тихоновщины, и познания по этому вопросу настоятелей проверяются епископом при посещении приходов. Всякому просителю — настоятелю, имеющему слабые познания в этой области — отказывается в просимом и, кроме того, таковым настоятелям ЕУ не дает никаких наград».

Настоятелям приходов, в свою очередь, необходимо всеми способами использовать в проповедях, собеседованиях, докладах и организационно-приходской работе — присылаемый материал.

3. Подготовка к очередному Собору Р. Ц. должна заключаться в действительном восприятии сознанием всей обновленческой массы достижений Соборов 23 и 25 гг., ибо всякий новый Собор должен органически вырастать из прошлого.

Если в Россию придут Вселенские Патриархи, или делегаты их, или произойдет в староцерковничестве что-либо, дающее возможность и обязанность поставить на общесобор-

ный суд происходящее в церкви нашей, — чрезвычайный собор будет созван, как о том и возведено Св. Синодом. Для продолжения же внутреннего строительства нашей церковной жизни время созыва собора тоже определится тем, когда и какие вопросы созреют для соборного уяснения.

Орган. Отдел обращает внимание работников мест на то, что успешность работ будущего Собора будет зависеть всецело от степени действительного проведения в жизнь решений прежних соборов.

4. Вопрос о мире в Церкви, основания для которого формулированы в 6 определенных тезисах, разосланных Св. Синодом, должен по-прежнему стоять в центре нашего внимания. Путь достижения его — развитие нами положительной работы и проявление наибольшей активности нашими архипастырями, пастырями и сознательными мирянами в миссионерском делании, с целью привлечения отдельных человеческих душ, без отступления от положений, установленных Соборами 1923—1925 гг.

5. Для настоящего момента — летнего периода крестных ходов, праздников по деревням, паломничеств из городов, благоприятных условий храмовой работы, Орган. Отдел ставит в основу работы два момента: а) широкая аполгетическая работа по обновленчеству в массах путем бесед, собеседований, информации и пр. при всяком стечении народа не только в храме, но и по деревням, и на открытом воздухе и б) интенсивная приходская работа по образованию при храме разных кружков: сестричеств для уборки и укрепления храма; кружков по изучению сектанства, кружков трезвости; трудовой взаимопомощи и т. д. Во многих епархиях в этом направлении сделано и делается с пользой для дела весьма многое, нужно всем выравниваться по линии приходской работы. Приведем, для примера, сообщение о женском празднике из Осташковского у. Там, в сельском храме, был устроен в неделю св. Жен-мироносиц «Женский Праздник» — собрались все женщины, не только этого синодального села, нанесли зелень, сами убрали храм, пели Литургию, в крестном ходе несли все сами, и в результате образовали сестричество.

Дайте работу людям при храме, заинтересуйте их приходской жизнью, и вот «обновленчеству» прихода никто и ничто страшно не будет.

Приходится наблюдать, что даже в материальной сфере деятельность рождает средства. Запустевший, требующий ремонта храм не имея средств, все-таки, буквально, на гроши стали ремонтировать — народ увидел и понес свою лепту, — и синодалы и староцерковники...

6. Соборность, как единоедушие в практическом выражении веры нашей, полагает предел всяким трениям между отдельными работниками на местах и духу церковной анархии, но отнюдь не должна умалять той творческой инициативы в пастырском делании, которая является залогом действительного обновления церковной жизни.

Беззаветное служение священному обновлению Церкви героев духа в минувшее пятилетие должно дать цветущие всходы организованного строительства обновленной церкви в грядущем.

27/V—27 г.

№ 2032.

От 11-го мая 1927 г.

Циркулярно.

Указ Священного Синода Православной Российской Церкви

Священный Синод Православной Российской Церкви в заседании своем от 10-го мая 1927 года слушали: доклад Заместителя Председателя Московского Епархиального Управления, Члена Священного Синода, Протопресвитера Павла Николаевича Красотина о порядке празднования пятилетнего юбилея обновленчества, принятом Пастырским Собранием обновленческого духовенства города Москвы 9-го мая с. г.

Предложена следующая программа торжества пятилетнего юбилея обновленчества:

1) По всем храмам накануне и в день юбилея совершаются торжественные богослужения с произнесением соответствующих поучений.

2) В храме Христа Спасителя, с участием духовенства всех обновленческих церквей города Москвы, совершается Божественная Литургия, а затем — благодарственное Господу Богу молебствие.

3) В 4 часа вечера, по звону, совершается в храме Христа Спасителя краткое молебствие и предлагается доклад: «О смысле юбилейного торжества обновленчества».

4) В 7 часов вечера в помещении Священного Синода состоится торжественное собрание синодального духовенства и общин города Москвы, на котором будут предложены соответствующие случаю доклады.

П о с т а н о в и л и: программу утвердить и разослать по всем обновленческим общинам, предложив духовенству безоговорочно, в обязательном порядке, принять участие со своими общинами в вышеуказанных торжествах.

О сем Священный Синод дает знать к сведению и неуклонному исполнению.

АКТ.

1927 года, мая 15 дня, в здании Священного Синода, по случаю пятилетнего юбилея обновленческого движения в Православной Церкви, в 7 часов вечера состоялось торжественное собрание, с участием духовенства и мирян, предваренное молебствием совершонным Председателем Священного Синода Митрополитом Вениамином, в Академическом храме. На Собрании, под председательством Митрополита Вениамина, присутствовали Члены Св. Синода: Митрополит Серафим, Архиепископ Николай, Протопресвитер П. Н. Красотин, 1) протоиерей А. П. Эндекa и 2) Профессор С. М. Зарин.

Приветственная телеграмма с праздником Св. Пасхи от Константинопольского Патриарха Василия III была оглашена представителем Вселенского Патриарха Архимандритом Василием, который, со своей стороны, принес приветствие Св. Синоду с торжеством 5-летнего юбилея освобождения Церкви от мирской власти.

Было заслушано вступительное слово Председателя Св. Синода Митрополита Вениамина с воспоминаниями о том, как и почему он сделался обновленцем.

С докладами выступали:

Архиепископ Гдовский Николай: «Об истоках обновления»;

Профессор С. М. Зарин: «Об идеологии обновленчества» и Протопресвитер П. Н. Красотин: «Об обновленчестве, его достижениях и перспективах».

В заключении были выслушаны приветствия:

1) От Миссионерского Совета при Св. Синоде (профессор В. З. Белоликов);

2) От Общины Храма Христа Спасителя (протоиерей А. П. Розанов);

3) От Общины Московского Гребневского Собора (протоиерей А. П. Эндекa);

4) От Общины Церкви Покрова Пр. Богородицы при речке Доненке в с. Игумнове, Бронницкого уезда, Московской губернии.

5) От Общины Московской, Николаевской, Дербентской Церкви и лично от себя — Настоятель означенного храма Архиепископ Георгий (Жук);

6) от студентов Московской Богословской Академии — студент III курса священник В. Морозов.

Председатель Св. Синода Митрополитом Вениамином оглашены приветственные телеграммы.

Собрание закончилось в 11 часов вечера пением молитвы: «Ангел вопиаше» и «Светися, Светися».

Циркулярно.

Епархиальному Управлению.

Священный Синод Православной Российской Церкви сообщает Епархиальному Управлению к сведению и объявлению подведомственному духовенству и Приходским Советам, что, в связи с исполнившимся пятилетним юбилеем обновленческого движения в Православной Церкви, в целях оказания

материальной помощи духовенству, а также их осиротевшим семьям, находящимся в крайне бедственном материальном положении, — при Священном Синоде открыт юбилейный фонд. Священный Синод предлагает всем лицам — награждаемым как от Священного Синода, так и ЕУ, — внести свою посильную лепту, независимо от положенных за награду взносов, в указанный фонд, равно как приглашать к пожертвованию для той же цели и всех обновленческих деятелей и сочувствующих.

Мая 17-го дня 1927 года.

№ 2178.

О. о. настоятелям обновленческих общин г. Москвы.

В понедельник, 30 мая, в 6 час. вечера в помещении Св. Синода открываются молебным пением миссионерско-обновленческие курсы для мирян — членов обновленческих общин.

О. о. настоятелям предлагается объявить о том желающим быть курсантами и не позднее 6 часов понедельника представить за своей подписью списки означенных лиц.

Курсы бесплатные. Занятия вечерние, с 7 до 9 ч., по будничным дням (исключая субботу).

Предметы занятий и лекторы:

История обновленчества — протоиерей А. П. Эндекa.

Идеология обновленчества — профессор С. М. Зарин.

Каноническая основа обновленчества — протопресвитер Н. Красотин.

Апология христианства — протоиерей П. В. Богословский.

Сектоведение — профессор В. З. Белоликов.

Председателю Священного Синода П. Р. Ц., Высокопреосвященному Митрополиту Вениамину.

Постановлением Священного Синода Православной Российской Церкви, от 19 сего мая, Вы, Ваше Высокопреосвященство, для пользы церковного дела, назначены правящим Московской епархией, с наименованием «Московским и Коломенским».

Назначение это является необходимою мерою по требованию момента. Именно: 1) оказалась вдовствующей Московской кафедра за освобождением Высокопреосвященного Митрополита Серафима от работы в Президиуме Св. Синода и в Москве, по расстроенному здоровью; 2) представилась необходимость возвести на эту кафедру авторитетнейшего Первосвященителя Русской Церкви, Председателя Священного Синода; 3) потребовалось неотлучное пребывание Вашего Высокопреосвященства в Москве, в связи с пребыванием здесь руководителей староцерковничества.

О сем Священный Синод поставляет Ваше Высокопреосвященство в известность.

19/V—27 г.

№ 2224.

ДВИЖЕНИЯ И ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПО СЛУЖБЕ С 2 ФЕВРАЛЯ 1927 г.

1. Митрополит Ростовский и Северо-Кавказский Константин (Спасский) переведен на Вятскую кафедру с тем, что кандидатура его будет иметься в виду, как достойного, при замещении высшей митрополитанской кафедры (постановление Св. Синода, от 2 февраля 1927 г.).

2. На кафедру Митрополита Кавказского перемещен Митрополит Бакинский Петр (Сергеев), с оставлением за ним временного управления Бакинской епархией (2 февраля сего года).

3. Епископ Изюмский Августин назначен правящим Терской епархией, Кавказской Митрополии (2 февраля сего года).

4. Архиепископ Сергей (Добромыслов) освобожден от викариатства в Сталинградской епархии, с перечислением его

в ведение Белорусского Священного Синода (3 февраля 1927 г.).

5. Епископ Бирский Иннокентий (Копейкин), викарий Уфимской епархии, назначен настоятелем Уржумского Троицкого собора, с освобождением от управления Бирским викариатством (3 февраля с. г.).

6. Епископ Велико-Устюжский Николай (Ашимхин) перемещен на Бирскую кафедру, викарем Уфимской епархии, с освобождением от управления Велико-Устюжской епархией (3 февраля с. г.).

7. Протоиерей Читинской епархии Николай Гирченко возведен в сан епископа, с назначением на Сретenskую кафедру, викарием Читинской епархии (4 февраля с. г.).

8. Епископ Зиновьевский Анатолий назначен на Бугурусланскую кафедру, викарем Самарской епархии (4 февраля с. г.).

9. Постановлением Священного Синода, от 18 февраля с. г., утверждено ходатайство Ленинградского Епархиального собрания о возведении протоиерея Павла Васильевича Раевского в сан Епископа, с наименованием его Кронштадтским, шестым викарием Ленинградской епархии.

10. Архиепископ Александр (Лебедев) утвержден 4 викарием Ленинградской епархии, с наименованием его Колпинским. (18 февраля с. г.).

11. Архиепископ Гдовский Николай (Платонов), ради пользы церковного дела, назначен Заместителем Председателя ЕУ и первым викарием Ленинградской епархии. (18 февраля с. г.).

12. Вторым викарием Ленинградской епархии переименован архиепископ Ладужский Николай (Соболев). (18 февраля сего года).

13. Третьим викарием Ленинградской епархии переименован архиепископ Лужский Махил (Попов). 18 февраля).

14. Пятым викарем Ленинградской епархии переименован архиепископ Петергофский Макарий. (18 февраля с. г.).

15. Кандидат Богословия иеромонах Фотий (Тоширо) утвержден викарием епископом Сталинградской епархии. (22 февраля).

16. Епископ Сергей (Танаевский) утвержден правящим Новгородской епархии. (15 марта).

17. Архиепископ Ярославский Павел (Маслеников), согласно избрания, переведен на Валуйскую кафедру, викарием Воронежской епархии. (22 марта).

18. Архиепископ Тамбовский Геронтий (Шевлягин) награжден бриллиантовым крестом на клобук. (30 марта).

19. Епископ Юхновский Виктор (Путята), викарий Калужской епархии, назначен на вновь открытую викариальную кафедру в г. Петровске, Саратовской епархии. (30 марта).

20. Архиепископ Саратовский Арсений (Покровский) назначен на Ярославскую кафедру. (30 марта).

21. Архиепископ Омский Петр, согласно прошения, уволен на покой. (30 марта).

22. Епископ Сергей (Лавров) командирован в распоряжение Сибирского Митрополитанского Церковного Управления. (30 марта).

23. Епископ Сызранский Павел (Краснорецкий), викарий Ульяновской епархии, переведен на Пугачевскую кафедру, викарием Самарской епархии. (5 апреля).

24. Епископ Терский Августин, согласно прошения, по болезненному состоянию, уволен на покой. (8 апреля).

25. Епископ Ставропольский Иоанн (Кушнев) назначен викарием Курской епархии. (8 апреля).

26. Настоятель Авраамиева Городецкого монастыря, Костромской епархии, Архимандрит Досифей (Степанов) назначен на Козловскую кафедру, викарием Тамбовской епархии. (8 апреля).

27. Архиепископ Василий (Знаменский) командирован в г. Острогжск, Воронежской епархии. (6 мая).

28. Правящему архиепископу Усть-Сысольской епархии благословлено именоваться «Усть-Сысольским и Усть-Вымским» (12 апреля).

29. Архиепископ Самарский Александр награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке (10 мая).

30. Постановлением Священного Синода, от 13 мая, благословлена хиротония протоиерея Николая Винокурова во епископа Якутии.

31. Высокопреосвященному Серафиму, Митрополиту Ленинградскому и Северо-Западной Области, в ознаменование плодотворных его трудов в качестве Члена Президиума Св. Синода и Заведующего Административным Отделом, предоставлено право служения с преднесением Св. Креста (13 мая).

32. В ознаменование верности и стойкости в обновленчестве к пятилетнему юбилею обновленчества:

а) Архиепископ Тверской Мелхиседек возведен в сан Митрополита;

б) Архиепископ Гдовский Николай награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке;

в) Ректор Ленинградского Богословского Института, Епископ Кронштадтский Павел (Раевский) возведен в сан Архиепископа;

г) Епископ Тотемский Кирилл, викарий Вологодской епархии, возведен в сан Архиепископа;

д) Епископ Новгородский Сергей,
е) Епископ Демянский Михаил,
ж) Епископ Вольский Михаил,
з) Епископ Армавирский Николай. } Возведены в сан архиепископа.

и) Член Св. Синода Протоиерей-Профессор Н. Г. Попов и
к) » » » Протоиерей Воронежской Епархии Т. Попов — возведены в сан протопресвитера;

л) Настоятель Боголюбского Собора г. Москвы иеромонах Евстафий возведен в сан Архимандрита;

м) Протоиерей Храма Христа Спасителя, г. Москвы, А. П. Розанов награжден митрой;

н) Протоиерей Покровской Церкви, г. Ейска, Ростовской на Дону еп., Александр Боголюбов награжден митрой;

о) Протоиерей Благовещенской, Ново-Деревенской, церкви, г. Ленинграда, Очкуров награжден палицею;

п) Иеромонах Пантелеймоновской, г. Москвы, часовни Иоанн (Мокрев) и

р) Иеромонах Пантелеймоновской, г. Москвы, часовни, Никандр — возведены в сан Игумена;

с) Иеромонах той же часовни Апполос награжден золотым наперсным крестом с возложением набедренника;

33) Председатель Арзамасского В. Ц. У., Нижегородской епархии, Сергей Алякринский награжден палицею (постановлением Св. Синода, от 15 апреля 1927 года).

34. Протоиерей Свято-Троицкого Молитвенного Дома, при Ново-Троицк. поселке, Новохоперского уезда, Воронежской епархии, Николай Долгополов награжден палицею (постановлением Св. Синода, от 20 мая 1927 г.).

35. Епископ Михаил (Бирюков) б. Саранский по ходатайству Уральской Митрополии, награжден саном архиепископа.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

ОТДЕЛ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ.

Кого следует разумеать под „камнем“, на котором Христос обетовал создать церковь свою.

(Мф. 16, 18 паралл.).

История толкования того места в Евангелии, которое содержит обетование, данное Христом Спасителем при Кесарии Филипповой, в ответ на исповедание Его Христом, Сыном Бога Живаго, — определенно доказывает и ярко иллюстрирует силу того влияния, какое исходит из конфессиональных воззрений тех или иных экзегетов.

Римско-католическое истолкование, которое мы поставим на первом месте по силе экзегетического напряжения и внешней внушительности аргументации, настаивает, что камнем, на котором Христос дает обетование основать свою Церковь неодолимую, — является личность первого исповедника веры во Христа, — т.е. личность самого Апостола Петра. Однако самим представителям такого понимания приходится делать немаловажные оговорки. Дело в том, что самый контекст евангелия показывает первенствующее и преобладающее значение в данном обетовании не личности Петра самого по себе, в его конкретной и индивидуальной данности, — а силы Высшего порядка. Непосредственно пред обетованием приводятся слова Христа Спасителя, не оставляющие в этом никакого сомнения. «Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец мой, сущий на небесах» (ст. 17 паралл.). На то же указывает и самый текст обетования: «Ты Петр (Πέτρος), и на сем камне (ἐπὶ ταύτῃ τῇ πέτρᾳ) создам церковь мою». Отсюда берут начало и обоснование два других толкования: Христос основывает Церковь не на личности Апостола в ее конкретной и фактической данности, а на том, что сделало самого Симона, слабого и колеблющегося, Петром, скалою. Это, согласно второму истолкованию, — исповедание Петра и согласно третьему исповеданию, — вера Петра. Однако как вера, так и исповедание имеют источником не самого Апостола, и не из него лично почерпают свою силу и значение. «Не плоть и кровь открыли» Петру эту великую истину и возбудили в нем веру. Здесь давал себя знать фактор порядка объективного и независимого от Апостола. Последний был только органом откровения (ст. 17), и для восприятия этого откровения необходимо было существенное перерождение Симона, как и всех последователей Христа, — необходимо было «крещение» его и других «Духом Святым и огнем». (Мф. III, II паралл.).

Иоанн Креститель, первый указавший на скорое наступление царствия Божия, ясно говорит о недостаточности своей проповеди и своей личности для основания Царствия Божия. «Я крещу вас, говорил он, — в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; он будет крестить вас Духом Святым и огнем» и дал. (Мф. III, ст. 11—12).

Этот обетованный Мессия, коего Иоанн был только Предтечей, а Апостолы — только служителями, — и есть «камень», который отвергли строители, но именно Он («тот самый») «сделался главою угла» (Мф. XXI, 42) создающегося Царствия Божия, спасающей Церкви. Отсюда берет свое начало четвертое толкование разбираемого евангельского текста, — и на этом истолковании мы остановимся подробнее.

Четвертое толкование слов: «на сем камне созижду церковь мою», принимает, что камень это — Христос, и церковь основана на Христе. Нам известны не менее 16 выдающихся писателей древности, принимающих это писание. Самый видный из них — блаженный Августин. У этого великого западного учителя церкви была любимая идея, к которой он постоянно возвращался, — та именно, что Петр, как проповедник и апостол, облеченный миссией основать церковь, — и сам вместе изображал собою церковь, был представителем церкви. И при толковании слов о Петре, как камне, на котором

имела быть основана церковь, мысль его не совсем логически занята была не отношением Петра к церкви, как бы следовало ожидать, а отношением объединяемых им церкви и Петра ко Христу и построила из слов Спасителя такую формулу: «на сем камне, который ты исповедал, — так передает Августин содержание слов Господа, — я создам церковь мою, или иначе: создам церковь мою на мне, Сыне Божием, тебя созижду на мне, не меня на тебе». Самое имя Петр, по Августину, указывает на отношение его к церкви, скорее — ко Христу, — на то, что он сам опирается на Христа. «Так как камень — я — говорит по Августину Христос, — то ты Petrus, ибо не от Petrus Petra, но Petrus — от petra, как не от христианина Христос, а от Христа христианин». На сем камне создам церковь мою, не на Петре, т.е. не на тебе, а на камне, который ты исповедал, создам церковь мою создам тебя самого в этом ответе представлявшего образ церкви». (Тракт. 124 на Иоан.; Речь 295). И это понимание не было у Августина случайным только результатом ораторской обработки евангельского содержания, а было мнением, сознательно поддерживаемым, после обсуждения и сравнения преимуществ его с другими мнениями. Это можно видеть из его *Retractationes*. Пересматривая свою писательскую деятельность, Августин подводит здесь итоги, между прочим, и своему толкованию 16 главы ап. Матфея. «Я сказал, — пишет он в одном месте в книге против послания Доната, — что церковь основана на ап. Петре, как на камне. Но я знаю, что после я очень часто объяснял эти слова в том смысле, что под камнем разумеется вера, которую исповедал Петр, когда сказал: «Ты Христос Сын Бога живаго» и проч., и что Петр, названный от petra, представлял церковь, построенную на скале и получившую ключи царства небесного. Ибо не сказано ему: ты камень; но: ты Петр. Камень же был Христос, за исповедание которого Симон назван Петром. Которое из этих двух мнений более верное, пусть решает читатель». На западе это толкование встречается еще у некоторых писателей, напр., у Григория В., у которого читаем, что «сам Христос был камень, от которого Петр получил свое имя, и на котором Господь обещал создать церковь свою». (На 5 покаян. псал.). Из восточных отцов можно указать на Кирилла Александ. с его заявлением в толк. на Исании 44, 23: «основание и непоколебимая твердыня есть Христос, содержащий все название».

Определяя, на основании святоотеческих толкований, смысл обетования, мы не можем, прежде всего, не обратить внимания на самый факт существования нескольких объяснений одного и того же текста. Такое разнообразие в истолковании комментария не представляло бы, конечно, само по себе чего либо необычного, если бы дело шло о каком либо заурядном месте текста, не имеющем большого значения в общей системе церковной жизни, и было бы вполне объяснимо различием целей, запросов и личных склонностей, с каким экзегеты подходят к толкованию, и их свободною вкладывать в священные слова то назидательное содержание, какое каждый считает нужным. Но данный текст к числу подобных, в догматическом отношении безразличных, частей Библии не принадлежит. Не нужно зыбвать, что, по р.-католическому воззрению, здесь мы имеем пред собою свидетельство самой первостепенной важности, основное законоположение, определяющее устройство церкви, устанавливающее то начало, которое делает из простого собрания верующих лиц — организованное общество, церковь. Нам известны решительные заявления Беллармина, Перроне и Жозефа де Мэстра о том, что такое папский примат для церкви. По их уверению, это — самая сущность всего христианства (*summa rei christianae*), главный пункт, от которого зависит бытие и благосостояние церкви, капитальный догмат, без которого не может

существовать христианство. Казалось бы, идея такой необычайно важной для церкви власти, — если бы она действительно имела у древних толкователей, то именно при обращении к этому месту единственному, где сам Христос говорит об основании Своей Церкви, должна была бы неизбежно выступать в сознании, и каковы бы ни были другие второстепенные приложения данного текста, над всеми должна бы господствовать, и стоять за ними одна мысль, что в данном случае Господь ясно изрекает свою волю о том, чтобы в церкви существовала единоличная верховная власть, на которой должно держаться все в ней и от которой сама церковь должна получать свое единство и твердость. Ничего подобного мы на самом деле в святоотеческих заявлениях по поводу обетования Петру не находим. У разных писателей даются разные толкования, многие отцы развивают то одно, то другое толкование, или, как Августин, с течением времени переходят от одного взгляда к другому, допуская в то же время и прежние толкование, как будто бы дело шло о материи несущественной, как будто бы не было одного центрального, основного смысла речи, обязательного для всех членов церкви. Даже и те писатели, которые более склонны основанием церкви считать самого ап. Петра, большей частью только воспроизводят в разных видах евангельский текст и ничем не дают знать, будто признают, что словами этого текста установлено особое звание главы и правителя церкви. За исключением немногих отдельных авторов, которые учат, как напр., Лев В., о посредническом положении Петра, которому будто бы Господь даровал «такое участие в собственной власти, что и всем другим правителям церкви, общение в этой власти дает только чрез него» (речь IV), что Петр «был первоначальным обладателем дара и от него, как от некоторой главы, дарования должны истекать по всему телу» (письмо X), — за исключением этих церковных писателей, остальные, в связи с обетованием, данным Петру, говорят, как увидим ниже, лишь о первенстве, о старшинстве апостола Петра, о преимуществе чести перед прочими апостолами, и нигде не упоминают о чем либо, похожем на примат юрисдикции. Африканская школа, со св. Кириилом во главе, настойчиво выдвигая в обетовании Петру намерение Господа установить и сохранить в церкви своей единство, истолковывает отличие, оказанное Петру, так, что смысл его сводится к чисто символическому значению. «Все апостолы — говорит Кириилан, — были то же, что Петр, и все имели равное участие в чести и власти, и только — чтобы показать единство, Господь начинает от одного». Достаточно сравнить с этими словами св. Кириилана то, что говорят римские богословы о верховной власти, данной Петру над всеми, в том числе и апостолами, для поддержания в церкви реального единства, — чтобы видеть, насколько далеко римская доктрина расходится с святоотеческим учением. Вместо того, чтобы засвидетельствовать чрезвычайное положение Петра в церкви, как основания и главы, экзегеты патристического периода, когда углубляются в смысл текста, от создания церкви на камне, провозвещенного Господом, приходят, нередко, как мы видим, к указанию первого, основного камня церкви, Христа, или останавливаются на тех моральных величинах, которые собственно положены в основание церкви, — каковы — твердая вера или учение, или исповедание Петра. Все это можно объяснить только тем, что мысли об установлении примата, как особого служения, с тем содержанием, какое усвоится ему ватиканским собором и римскими богословами, церковные писатели древнего времени с рассматриваемым текстом не соединяли. Не может здесь иметь силы и то соображение, что разнотолкований, что примат существовал и сознавался всеми, как факт, как догматическая истина, и что у толкователей не было особого побуждения останавливаться на нем и обосновывать его теоретически, и они могли углубляться в размышления о последнем основании и нравственных основах церкви, — не может уже потому, что на самом деле экзегеты касаются, как мы знаем, и отношения Петра к церкви, и отношения его ко апостолам, и трудно допустить, чтобы, отмечая второстепенные стороны дела, они обошли молчанием только главную. На помощь себе, апологетам папства остается только призвать теорию развития, которая в той постановке, какая дается ей, в ортодоксальных католических богословских трудах, состоит в том, чтобы начинать от позднейшего, современного состояния церкви и стараться усмотреть черты его

в раннем периоде, не смущаясь тем различием, какое ясно представляется на первый взгляд.

Итак, церковное предание, насколько оно отразилось в святоотеческом толковании слов Господа Петру: «на сем камне созижду церковь мою», — не находило в этих словах мысли о таком чрезвычайном положении Петра, о каком учит р.-католическая церковь, — т.-е. о примате юрисдикции. Таков отрицательный результат, к какому привело нас рассмотрение святоотеческих толкований приведенных слов Еванг. Мф. и паралл. В этих же толкованиях мы находим и положительные указания на тот смысл, какой имела эта часть обетования, данного Петру. Приведенные способы толкования обращают нас к известным местам писания, от которого они отправляются, и которые, в своей совокупности, устанавливают истинное значение избрания Петра служить основанием церкви. Употребленный Господом образ камня, прежде всего, обращает наше внимание на образ камня, положенного во главу угла, краеугольного камня, полагаемого Богом в основание Сиону, встречающийся в Ветхом Завете (пс. II, 117; Ис. 28, 16) и истолкованный в Новом Завете самим Господом и апостолами в приложении ко Христу. В Новом Завете мы находим и прямую мысль о Христе, как едином основании церкви, в I Кор. где говорится, что «основания иного никто не может положить паче лежащего, еже есть Иисус Христос» (I К. III, II), при чем, — как справедливо разъясняет преосв. Никанор, из связи речи видно, что этими словами отвергается главенство Петрово даже и в смысле второстепенного основания, так как эти слова сказаны по поводу споров Коринфских партий, избравших для себя второстепенные основания — Кифу, Аполлоса, Павла, и среди этих лиц апостол не делает для Кифы никакого отличия и всех проповедников евангелия одинаково называет слугами Христовыми и строителями тайн Божиих. Есть, наконец, в Новом Завете и такое учение, где, вместе с краеугольным камнем в собственном смысле — Иисусом Христом, — указывается в церкви и основания человеческие, и которым след. естественнее всего объяснить, как ближайшим параллельным местом, и сказанное об основании церкви на Петре. В 20 ст. II гл. послание к Ефессянам говорится о верующих: «назиданы на основании апостол и пророк, сущу краеугольну самому Иисусу Христу». Краеугольным камнем в церкви, как видно из этого места, признается один Иисус Христос; след. для Петра, как основания, согласно данному изречению, остается место только в ряду апостолов и пророков. На апостолов, как на основания церкви, прикровенное указание находим в Апокалипсисе, в описании таинственного града, стоящего наверху горы, стена которого имеет 12 оснований, и на них имена 12 апостолов англич (Апок. XXI). Этими изречениями определяется и положение Петра в церкви. Он является не каким либо особым, исключительным камнем церкви, каковым писание считает только самого И. Х., а лишь одним из оснований церкви, на ряду с прочими апостолами и с пророками, и слова Господа: «на сем камне, созижду церковь мою» указывают не на какой-либо примат юрисдикции, т.-е. власть в собственном смысле, вручаемую Петру, а на его апостольство, и только на это апостольское достоинство. Именно как апостол, Петр и называется основанием церкви. Что именно апостолам усвоится это положение в церкви, это вполне понятно. Апостолы, как и пророки, также изображаемые основаниями церкви, — под каковыми пророками спрашивается все разуметь пророков Нового Завета, и в других местах писания называемых рядом с апостолами (Еф. IV, II; III, 5; I Кор. XII, 28) — были проповедниками евангелия, и своею проповедью и учением привели ко Христу членов Его церкви. В смысле такой апостольской проповеднической деятельности Господь и обещает, — как можно думать, — сделать Петра основанием церкви, как потом такими основаниями сделаны были и прочие апостолы. Правда, в обещании такого основного положения в создаваемой церкви, сделанном Петру, мы видим и важное отличие его от других апостолов. Петру это положение обещано было в особо торжественной форме, отдельно от прочих апостолов и прежде их; самым именем своим он связан с этим своим назначением, и в этом имени, как равно и в следующем далее объяснении, заключалось указание на особую твердость основания, которым он был сделан. Это отличие сделано было в на-

граду за исповедание Петра, которым он предварил других учеников, и за твердую веру его, которую он обнаружил еще и раньше. Оно вполне соответствовало и его первенству среди учеников Христовых, и, по толкованию некоторых учителей, и его возрасту (Иероним объяснял старейшинство Петра возрастом), соответствовало его живому решительному характеру, выдвигавшему его вперед в разных положениях в сонме учеников Христовых еще при жизни Господа на земле; как начинателя проповеди апостольской, мы видим Петра и по вознесении Господа — положение, и помимо обетования Господа, оправдывавшее те названия для Петра: кормчий, первоверховный, вершина, глава и др., какие встречаются и у отцов церкви и в наших богослужебных книгах. О Петре можно сказать, что он только был первым основным камнем, но вместе и только одним из камней, одним из оснований в ряду апостолов. По существу он все таки был основанием того же порядка, той же природы, и его первенство не означало власти юрисдикции над учениками. Таково православное толкование слов Спасителя: «на сем камне созижду церковь мою».

Нам следует теперь рассмотреть вторую часть обетования, которое дано было Господом ап. Петру в ответ на исповедание его веры, в предлах Кесаря Филипповой, и в котором Ватиканский собор видит обещание даровать Петру примат юрисдикции над всею церковью, именно слова: «и дам тебе ключи царства небесного, и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». По принятому нами порядку мы изложим сначала аргументацию, при помощи которой р.-католические богословы, в частности Беллармин, Перроне, Гуртер и Пальмиери, извлекают из приведенных слов желательный для них смысл, а потом сделаем оценку их доводов, на основании св. писания и предания. Все названные богословы согласно утверждают, что и в светском и в священном словоупотреблении формула: *dare claves*, давать ключи означает сообщение кому-нибудь полной власти над тем, ключи от чего даются: так, победителю вручаются в знак подчинения ключи от завоеванного города, хозяин дома, поставляя своего раба распорядителем и сторожем имущества, передает ему ключи от дома. В частности, из Библии приводятся в качестве параллельных мест, могущих служить к уяснению смысла употребленной Господом метафоры ключей царства небесного, два места: одно — из пр. Исаии, из 22 главы, где об Элиакиме, сыне Хелкиевом, поставляемом царским домоправителем, говорится: «и дам ему ключи дома Давидова на рамо его, и отверзет, и не будет затворяющего, и затворит, и не будет отверзающего», а другое место из Апокалипсиса, из III главы, где к ангелу Филадельфийской церкви обращается «святой истинный, имея ключ Давидов, отверзай и никтоже затворит, затворяй, и никто же отверзет». И в том и в другом случае речь идет о власти над домом, и словами: отворять и затворять обозначаются акты этой власти, т.-е. распоряжение домом. Царство небесное, ключи от которого обещаются Петру, это по толкованию р.-католических догматистов, — церковь, существующая на земле. Поэтому, когда Петру обещаются ключи царства небесного, то обещается власть над церковью, и именно власть полная, как можно заключать на основании и объекта власти и субъекта ее и достоинства обещающего. Объектом власти, — рассуждают Пальмиери, — является вся церковь, так как никакого ограничения в объеме ее не делается; след., власть обещается над всею церковью; так как, далее, церковь представляет собою общество, то власть над нею тем самым определяется, как власть юрисдикции, так как только в этой форме власть приложима к обществу, и именно, как показывается самим словом *ключи* царства небесного — эта власть должна быть понимаема, как власть царская. Субъект власти или лицо, которому она обещается — Петр, будущий камень церкви, т.-е. действенный принцип единства и твердости церкви, а такому субъекту прилична именно высшая власть юрисдикции. Наконец, обещает ключи Петру сам Христос, виновник, начальник и господин церкви, след. и власть разумеется — та, какую имеет сам Христос, непосредственно от Христа она ему и вручается, а потому этой власти подчинено все, что подчинено Христу, и Петр является верховным властителем в церкви. Так раскрывается папистами смысл слов: и дам тебе ключи царства небесного.

Что касается следующих далее слов: «что свяжешь на

земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах», то смысл их объяснялся римскими богословами не всегда одинаково. Одно время апологеты папства, из желания возвысить власть ключей, обещанную одному Петру — склонны были, как, например, Кастан, видеть во власти вязать и решить, обещанной всем апостолом, особый, более узкий вид власти, отличный от первого. Но позднейшие богословы, вслед за Боссюэтом и учителем католической церкви Франциском Салийским, обыкновенно отождествляют власть вязать и решить по содержанию с властью ключей, и различие между ними видят лишь в том, что власть ключей означает власть, взятую, так сказать, саму по себе, а власть вязать и решить — ту же власть, только рассматриваемую в действии. Вязать и решить по отношению к ключам Петра, это, говорят, то же, что отворять и затворять по отношению к ключам Элиакима и Святого Истинного в упомянутых выше местах пр. Исаии и Апокалипсиса. Во всяком случае новый, присоединенный Христом к первому образ: вязать и решить раскрывает, по мнению папистов, еще яснее содержание и природу обещанной Петру власти, и названные нами богословы находят здесь новое подтверждение того толкования, какое дают предшествующим словам. Предложенное протестантами Буксторфом и Ляйтфуттом объяснение выражения «вязать и решить» из талмудической — раввинской формулы: «запрещать и позволять», т.-е. объявлять известные действия или мнения дозволительными или недозволительными, истинными или ложными, — им кажется неудовлетворительным, на том основании, что суживает объем власти; не совпадает это выражение, по их мнению, и с понятием отпускать и удерживать грехи, также более тесном, и они хотят конструировать гораздо более широкое понятие, раздвинуть объем обещанной власти, до пределов излюбленной у них власти юрисдикции. Р.-католические толкователи считали власть отпускать и удерживать грехи только одним из видов или проявлений более широкой власти вязать и решить, означающей будто бы всякий акт юрисдикции, но во всяком случае другого, помимо этой власти, упоминания об исполнении обещания относительно власти вязать и решить мы в Новом Завете не находим, а святоотеческое толкование чаще всего связывало с обещанием ключей и власти вязать и решить — именно власть прощать грехи. Итак в получении обещания, и может быть и в получении самой власти, вязать и решить. Петр и другие апостолы являются равными со стороны самого содержания власти, и преимущества Петра состоит лишь в том, что он услышал обетование прежде других. Выделение Петра из остальных апостолов получает, строго говоря, смысл не расширения границ его полномочий, не количественного и не качественного, если можно так выразиться, отличия, а только хронологического первенства. Петру власть вязать и решить обещана была раньше других, — вот точный вывод, на который уполномочивает нас сравнение обетований, содержащихся в 16 и 18 главах евангелия от Матфея. Что по внутреннему существу своему власть, обещанная Петру, не была отличною от власти, обещанной другим апостолам — это подтверждается и тем местом евангелия, в котором более, чем в каком либо другом, можно усматривать исполнение обещания относительно власти вязать и решить, именно в 22 и 23 стихах 20 главы от Иоанна. Здесь повествуется, что Иисус, явившись ученикам по воскресении, дунул и говорит им: «Примите Духа Святого, кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся». Преосвященный Никанор обращает внимание на то, что здесь самая грамматическая форма в греческом тексте указывает на действительное дарование власти, тогда как в 16 и 18 главах Матфея будущее время глаголов: *свяжешь, разрешишь, свяжете, разрешите*, говорит, что дело шло о будущей власти, а при этом даровании ранее точно обещанной, сначала Петру, потом всем апостолам, власти, дарована, по выражению того же Преосвященного Никанора, одна и та же власть, без всякого различия ее степеней: степени власти, дарованной Петру, от власти, дарованной прочим апостолам; дарована всем апостолам без различия лиц: лица Петрова от лиц прочих апостолов; и дарована притом самим Господом, а не Петром и не чрез Петра. Что это одно преимущество является однако не достаточным для усвоения Петру верховной власти юрисдикции, — это едва ли требует особых доказательств.

В обетовании Петру, кроме общей с обетованием всем апостолам власти вязать и решить, содержится, однако, еще один момент, специально свойственный ему одному. В нем читаются слова: «И дам тебе ключи царства небесного», и в этих словах мы видим второе отличие обетования Петру. Насколько это отличие может оправдать выводы римских богословов о чрезвычайном положении, данном в церкви апостолу Петру? Принятое в нынешнем р.-католическом богословии толкование не делает качественного различия, т. е. различия по содержанию, между властью ключей и властью вязать и решить, а понимает отношение между ними, как отношение скорее происхождения, разумея под первой властью в ее источнике, а под второю — в ее проявлении. Дарование Петру ключей с этой точки зрения указывает будто бы на более первоначальный и независимый характер его власти сравнительно с прочими апостолами, получившими просто власть вязать и решить. Последовательное проведение этой точки зрения не свободно, однако, от некоторых весьма серьезных затруднений. В самом деле, если власть ключей означает власть вязать и решить *in primo actu* в источнике в собственном смысле этого слова, то непонятным остается, каким образом в прочих апостолах пребывает власть вязать и решить без этого своего источного начала. Это можно было бы еще понять, если бы они получили ее от Петра, и она истекала бы на них из главного носителя; но они получили ее от Господа, как прямо говорит Слово Божие, и как это признать вынуждены и сами римско-католики. Следовательно, оставалось бы предположить, что Господь специально создал особый объем власти, и самостоятельно действующей и в тоже время не имеющей полного значения и силы. А если бы допустить, что власть ключей вся сводится в обнаружении своем к власти вязать и решить, и что, следова-

тельно, она находится и у прочих апостолов, то дарование ее Петру в начале не получает ли значения чисто символическое, или не разрешается ли в чисто стилистическую формулу в обетовании Петру, обуславливавшую большую выразительность последнего?

Следовательно, все попытки р.-католических ученых обосновать единоличную власть в Церкви на воле Самого Основателя Церкви — Христа Спасителя, на Его обетовании, содержащемся в Мф. 16, 18 паралл. — оказываются безуспешными и ведут к явным натяжкам. Апостол Петр не получил в Церкви никакой иной власти и никакого особого значения, по сравнению с другими апостолами. Но, — что особенно важно и знаменательно, — и сами Апостолы получили дарованные им благодатные силы и полномочия именно как представители Церкви, для служения той Церкви, которую Христос приобрел кровию Своею, основав ее Своим искупительным подвигом. Свои полномочия и благодатные силы апостолы получили именно ради Церкви и в единении со всею полнотою церковного благодатного организма (Мф. XVIII). Несомненность такого толкования видна и из поведения самих апостолов после Вознесения Господа: не только апостол Петр или какой-либо другой из столпов Церкви в установлении норм церковной жизни не действует единолично, но и сонм апостольский считает себя не вправе решать важные вопросы общецерковного значения помимо и независимо от представителей церковного клира («пресвитеров»), а также простых верующих (Деян. XV гл.). Монархизм в Церкви решительно не согласуется со всем духом и сущностью Христова дела и Христова служения, с Его учением о том, что Христос являет Себя всецело только в соборном сознании верующих.

ОТДЕЛ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Празднование пятилетнего юбилея обновленчества в Москве.

Пять лет церковного обновления — это пять лет неутомимой, по истине героической борьбы за великую и плодотворную, в высшей степени важную и жизненную идею; борьба необычайно тяжелой, но и не менее плодотворной.

Обновительное течение Православной Русской Церкви разделяет во многом судьбу и других великих идейных движений. В частности, истекший пятилетний период — по видимому, краткий, но важный, как основоположительный, в течение коего закладывался фундамент будущего здания, — близко напоминает собою начальную, героическую эпоху первохристианства. Борьба против течения идейного энтюзиастического меньшинства с консерватизмом, узостью и формализмом большинства, бессознательное, а часто и сознательное опорочение самой чистоты намерения и бескорыстия вождей движения, клеветы, самые злобные и бессовестные на самое движение и на его деятелей, физические меры воздействия со стороны консервативного большинства (камни, поджоги и т. п.), финансовый бойкот, с целью лишить необходимых источников существования, — все было и теперь, — как бывало и раньше в аналогичных случаях, пущено в ход в надежде задуть новое, ненавистное для многих церковное течение... Но — напрасно... Слово Божие не вяжется. В начавшемся движении заключалась несокрушимая внутренняя сила, — оно было выражением жизненности самой Церкви, явилось необходимой реакцией ее жизнеспособных элементов. Вот почему в пятилетний период при крайних трудных условиях удалось совершить так много... Несмотря на карканье воронья сторонников плесени и застоя, на змеиное шипение озлобленных элементов, для кого новое движение несло обличение и суд, — названное движение росло не по дням, а по часам... Но еще важнее его нравственная победа... Св. Синод, поставивший курс на перевоспитание церковных масс в духе сознательности, — несомненно достиг в этом отношении очень многого... Св. Синод успел сделаться центром церковной жизни не только в административном, но и в идеологическом отношении; сделавшись моральным и общественным вождем для тех, кто

ратует за Правду Христову, за ее неумирающую жизненность... Вокруг него сплотились многие и многие тысячи сознательных и добросовестных православных верующих христиан, которые твердо знают, почему они обновленцы, за что они ратуют и каков предстоящий им путь... К центру обновленческого движения все эти знаменательные юбилейные дни почта и телеграф несли непрекращающийся и теперь поток трогательных приветствий, благопожеланий. Обновленческая Православная Церковь представляла собою во все эти дни единый организм, одушевленный целостным настроением, — сознанием правоты и высоты принятой на себя исторической задачи и серьезности достигнутых результатов.

Св. Синод, сделав определение на своем пленарном собрании в конце января 1927 года об ознаменовании исполняющегося пятилетнего юбилея обновленчества торжественным празднованием, своевременно дал соответствующие директивы о надлежащей подготовке и порядке проведения юбилейного торжества. Основною задачей в этом случае было поставлено — осознание и идеологическое углубление сущности, задач и методов обновления Церкви в духе истинного, вселенского Православия.

Следуя этим директивам, подведомое Св. Синоду духовенство г. Москвы и Московская Богословская Академия решили — весь юбилейный день (15 мая) провести в непрерывных молитвах, а также в немолчной проповеди с разъяснением сущности церковного обновления и смысла празднования.

Накануне праздника в субботу, 14 мая, торжественное Всенощное Бдение совершил в Храме Христа Спасителя Высокопреосвященный Председатель Священного Синода Митрополит Вениамин. Менее торжественно и не так многолюдно, но весьма проникновенно, было совершено всенощное бдение в Храме Московской Богословской Академии, возглавленное Высокопреосвященным Архиепископом Гдовским Николаем (Платоновым), с произнесением прочувство-

ванных слов самим Владыкою Николаем, а также студентом III курса священником Александром Самоновым.

В самый день праздника, 15 мая, в воскресенье, в Храме Христа Спасителя Высокопреосвященным Митрополитом Московским Вениамином, Митрополитом Ленинградским Серафимом, Архиепископом Гдовским Николаем и Архиепископом Георгием (Жук) торжественно была совершена Божественная Литургия с участием большинства Московского духовенства и некоторых священников из близлежащих центров. После евангелия «несменным стражем церковного обновления» протопресвитером П. Н. Красотиным была произнесена глубоко-содержательная проповедь о значении церковного обновления в условиях современной жизни, с выяснением места этого движения в истории Православной Церкви. После Литургии был совершен благодарственный молебен. Особенно трогателен был момент, когда в торжественное содержание радостного молебствия ворвался аккорд скорби и печали, не надолго омрачивший, однако, общее бодрое и радостное настроение. Мы разумею тот момент, когда протоиерей И. Редикюльцев, своим могучим и гибким голосом возгласил «вечную память» всем, скончавшимся в подвигах обновления Православной Церкви. Да, обновленчество, несмотря на свой пятилетний возраст, имеет уже не только свою героическую эпоху, но и своих бесстрашных исповедников, и, — можно без преувеличения сказать, — мучеников.

Но вот смолкли скорбные звуки «вечной памяти» и, снова радостное и бодрящее «многолетствование» современных, живых борцов за Святую Христову Правду.

Торжество было величественное, умирительное, трогательное. Его внушительность должны были признать даже сторонние его свидетели в Храме Христа Спасителя. Величественный Храм был полон молящихся, несмотря на проливной дождь. За богослужением пел на правом клиросе постоянный хор Храма Христа Спасителя, а на левом — хор студентов Московской Богословской Академии.

В тот же день вечером (с 7 часов), в помещении Св. Синода состоялось небывалое по своему величию собрание. Оно открылось торжественным служением, во главе с Митрополитом Вениамином и при участии представителя Вселенского Патриарха Архимандрита Василия (Димопуло), благодарственного молебствия, а затем в помещении Московской Богословской Академии было открыто, в присутствии многочисленных представителей обновленческих общин г. Москвы и гостей, торжественное собрание.

Первым принес поздравление с юбилейным торжеством архимандрит Василий Димопуло, говоривший от Вселенской Патриархии и от себя лично. Была зачитана грамота Константинопольского Патриарха, приветственная с праздником Св. Пасхи. Дружное многолетствование было ответом на выступление представителя Святейшего Патриарха, давшая возможность всем присутствовавшим почувствовать и пережить органическую связь обновленчества с древнейшими истоками христианства, верность обновленчества Св. Православию его Вселенский характер. Такое настроение поддерживалось и в течение всего собрания произнесенными на нем речами.

Выступили лучшие и авторитетнейшие силы Православной Церкви, стяжавшие себе славу неутомимых тружеников в деле обновления Церкви. Были произнесены речи митрополитом Вениамином, Архиепископом Николаем Гдовским, профессором С. М. Зариным, протопресвитером П. Н. Красотиным. Содержание этих речей (в сокращении или конспективно) помещается ниже.

Хор студентов Академии художественно исполнил в антрактах между речами несколько церковных песнопений.

Заключительным моментом собрания были многочисленные приветствия.

Первым от лица Миссионерского Совета курсов говорил член Совета профессор В. З. Белоликов.

Митрополит Вениамин огласил полученные телеграммы (они печатаются ниже).

В заключение были принесены приветствия от Гребневского Собора, от Храма Христа Спасителя, Архиепископом Георгием Жук и др.

Последнее слово было предоставлено самому юному из обновленческих пастырей, только что в тот день принявшему в Храме Христа Спасителя рукоположение во священники, студенту III курса Академии В. Морозову, который от имени

уполномочившего его студенчества высказал, как именно на церковное обновление смотрят они — студенты, т.е. те, кто не сегодня—завтра всецело отдадут себя на служение пастырства страждущей Церкви Христовой. По нашему мнению, — говорил он, — заслуга Церковного Обновления заключается не только в том, что в годину всеобщего неверия и теплохладности оно сохранило во всей неприкосновенности преданное нам с Востока православие, а также озабочилось передачей этого православия и подросткам сейчас поколению, но и в том, что оно выявило миру подлинный лик христианства. Иными словами, — обновленчество напомнило, в чем именно заключается Правда Христова и каково должно быть служение этой самой истине.

Когда-то подобное же было совершено и Самим Христом Спасителем мира. Правда, тогда книжники и фарисеи, не понимавшие сущности Христова учения, восстали против него. «Как, — говорили они, — Ты даешь новые заповеди. Ты против пророков и Моисея. Ты хочешь ввести новшества...».

И Христа Спасителя распяли. Свершилось неслыханное в мировой истории злодеяние. Сына Божия человечество распяло. Однако, распяв Его на кресте, книжники и фарисеи не учли, забыли, что в лице Христа Спасителя воплотилась та именно истина, которую тщетно искал в своей жизни Пилат, и потому не успело еще заняться солнце третьего дня, как Христос Спаситель, силою Своей Истины, снова воскрес. Факт Воскресения Христова мы только что на днях вспоминали. Мы пели тогда ликующие пасхальные гимны, и самый день называли «Праздником из праздников и торжеством из торжеств».

Но и сегодняшний день мы также называем праздником из праздников и торжеством из торжеств, и потому именно, что тогда мы вспоминали Воскресение Христа, а сегодня мы вспоминаем воскресение истины Христова учения в жизни; когда-то эти истины были возведены самим Христом Спасителем мира. И они жили, и они будили в человечестве лучшие мысли и лучшие чувства. Но затем та книжническая и фарисейская закваска, против которой с такой силой предупреждал своих учеников Сам Христос Спаситель мира, — снова возымела силу, распяла идею на всемирной Галгофе, и не одно столетие она томилась под тяжелым камнем непонимания, буквоедства и невежества. Но так как эта идея была истиной, то она снова воскресла. Это именно было пять лет тому назад, и мы сегодня как раз и празднуем это самое воскресение.

И если Христос Спаситель, явившись по своему Воскресении женам-мироносицам, сказал им: «Радуйтесь, идите и возвестите ученикам Моим, что Я предвещаю их в Галилею... что Я победил мир»... то мы и сегодня в праве так же сказать: «Радуйтесь, идите и возвестите всем и каждому, что мы победили мир». Вам, конечно, не поверят, усомнятся, скажут: «Как? вы победили мир?, а сосчитайте, сколько Ваших церквей и сколько церквей отколовшихся от Вас»... Но мы, студенты Академии, будущие пастыри Церкви Христовой, мы говорим, — да не смутится сердце Ваше от подобных речей! Когда-то и Христу, висевшему на кресте, также кричали: «Вот, Ты спасал других, спаси Самого Себя и мы уверуем в тебя». Но Христос Спаситель тогда молчал, а на 3 день Он воскрес и тем самым доказал, что Он действительно победил мир.

И если мы теперь говорим, что «мы победили мир», — то это также не красивые только слова, это не громкие только фразы, но это сама правда и истина. Дело ведь не в количестве храмов, а в торжестве проповедуемых идей, а они именно и торжествуют.

Действительно, стоит лишь ближе приглядеться к окружающей нас действительности — и мы не в силах будем не согласиться с тем, что сейчас во многих даже староцерковнических храмах проводится то именно, чего мы сами еще не решаемся проводить. Правда, им это удается потому, что они все обновление проводят под своим еще староцерковническим стягом, но в данном случае важно не то, под каким именно знаменем будут проводить наши идеи, а важно то, что они все осознаются массой, внедряются в ее сознание.

В этом именно отношении будущее обновленческого движения, бесспорно, уже обеспечено. Если мы, например, допустили бы невероятное, что завтра у нас не остается ни одного пастыря-обновленца, то и тогда бы за судьбы церковного

обновления нам не приходилось бы опасаться потому, что за эти пять обновленчество сделало, то, что должно было сделать, и даже сделало больше того. Оно именно вложило новые, в сущности подлинно Христовы, дрожжи в понимание всей сущности христианства и сейчас как раз эти дрожжи всходят, подымая собой старое тесто. Сейчас несомненно произрастают те идеи, которые, в виде неких семян, было когда-то рассеяны первыми поборниками церковного обновления, и когда эти ростки превратятся в благоухающую зелень многоветвистых деревьев,—разве тогда не наступит то Царствие Божие, о котором в течение всей своей земной жизни проповедывал сам Христос — Спаситель мира?

Поистине мы — накануне светлого и радостного утра. А ведь когда-то сгущались тучи, когда-то надвигались сумерки, но от них теперь не осталось и следа. Кто же их рассеял. Кто препобедил собой действительность? А это та горсточка православно-русского духовенства, которая нашла в себе достаточно силы и мужества для того, чтобы открыто, пред лицом всего мира, поднять стяг церковного обновления. Они ли отсюда не герои? и не они ли достойны вечного прославления? Однако, воздавая им должное, прославляя их подвиги и заноса их имена золотыми буквами на скрижали церковной истории, мы, юноши, все же не должны забывать, что за эти именно годы они не могли не истощать своих физических и моральных сил в непомерной тяжелой борьбе за идеи Святого Обновления.

И вот нашей задачей—задачей будущих пастырей Церкви Христовой—и является как можно скорее выйти навстречу

этим «богатырям духа», поддержать их в непосильной тяжелой ноше и общими с ними усилиями еще выше поднять стяг церковного обновления во всем мире.

А когда они, с честью пройдя свой жизненный путь, уступят нам свои сторожевые у св. православия посты, то тогда уже мы с чувством беззаветной любви и преданности должны будем взять святое знамя православного обновления и с тем же присущим им рвением и самоотверженностью понести его в мир. Да торжествует повсюду правда и истина и да славится в ликующих пасхальных гимнах преславное имя Христа Спасителя мира!»

Студенческий хор, под управлением студента III курса Академии П. И. Кутепова, пропел вслед за этим «Тебе, Бога, хвалим» и общим затем пением «Да воскреснет Бог» торжественное собрание лишь около полуночи было закрыто.

Однако залы Св. Синода еще не скоро после этого опустели. Пришедшие во множестве ревнители церковного обновления, среди которых было немало староцерковников, все же отозвавшихся на призыв обновленческого духовенства разделить с ними торжество веры, — с живым интересом делились впечатлением от всего слышанного.

Чувствовалось вообще подлинное биение мысли, а главное — неподдельное сочувствие творческо-созидательной работы на благо и пользу Христовой Церкви.

Находившемуся в далеком Ташкенте в подвигах благовестнического служения Митрополиту Александру Введенскому, одному из самых первых и видных вождей обновленчества, было отправлено приветствие.

Приветствия священному Синоду по поводу торжественного празднования пятилетия обновленчества 15 мая 1927 года.

1. Из Харькова от Председателя Всеукраинского Священного Синода и Предсоборного Соправления Митрополита **Пимена** и Секретаря Епископа **Серафима**: «Предсоборное Соправление в Харькове, вместе с Вами торжествует сегодня и молит Бога, чтобы неослабно уяснялась народу нашему сущность Святого движения поднятого пять лет тому назад и возглавляемого ныне Священным Синодом силы здоровья Многая лета деятелям Синода».

2. Из Харькова от Профессора **Покровского** и **Фетисова**: «Привет от старых друзей идейному обновленчеству».

3. Из Новосибирска от Юбилейного Собрания г. Новосибирска за подписью Митрополита **Петра**: «Да пошлет Всевышний духа премудрости духа разума духа ведения и благочестия нашему вождю Священному Синоду».

4. Из Ростова-на-Дону от духовенства и мирян синодальных Церквей за подписью митрополита Кавказского **Петра** и Уполномоченных протоиерея **Ижогина** и гр. **Бондаренко**: «духовенство миряне синодальных церквей заслушав доклады обновленческой работы Синода шлют пожелания долголетия здоровья успехов дальнейшей работы».

5. Из Ташкента от Митрополита **Александра** и Митрополита **Николая**: «приветствуем юбилеем вождя обновленчества Священный Синод».

6. Из Твери от митрополита **Мелхиседека**: «Обновленческая Тверь приветствует праздником юбилея».

7. Из Перми от ЕУ, Предсезонного совещания, Миссионерского С'езда и участников Юбилейного торжества: «празднуя юбилей обновленчества, приветствуем великого вождя Синод взвивайся гордо обновленческий стяг девизами: Отделение Церкви государства Святая Соборность Церковное творчество человечность Капитализм смертный грех Побеждаем сегодня победим завтра».

8. Из Брянска от Епархиального Управления: «Открыв празднование пятилетнего юбилея обновленчества субботу три часа Бежице явившись сегодня Брянск продолжить юбилейные торжества приступая расширенным Пленумом решить вопрос Митрополии поздравляя главу обновленчества Священный Синод Российской Православной Церкви плодотворной пятилетней работой многолетствуя ее испрашивает молитв благословения на дальнейшие труды свои».

9. Из Ульяновска от архиепископа **Иоанна**: «торжественно празднуя пятилетие обновленчества Епархиальное Управление Обновленческие общины Ульяновска шлют сыновнее поздравление пожелание многолетия».

10. Из Томска от архиепископа **Сергия** и паствы: «совершая праздник пятилетия обновленческой работы Томск восторженно приветствует своих вождей трудящихся в Священном Синоде на великом деле обновления Церкви и укрепления веры».

11. Из Новгорода от архиепископа **Сергия** и Епископа **Палладия**: «Общее юбилейное собрание приветствует Священный Синод пятилетней годовщиной соборного церковного строительства молим Всевышнего росте процветании нашего святого правового дела».

12. Из Костромы от архиепископа **Николая**: «Епархиальное управление и собрание верующих радостно приветствуют юбилеем молим Всевышнего мире и крепости обновления».

13. Из Ейска от благочинного протоиерея **Боголюбова**: «Ейские духовенство и миряне справляя пятилетие твердого стояния за правую веру многолетствует Священному Синоду веря что он доведет нас скорого торжества Православия».

14. Из с. Веретен, Ярославской губернии, протоиерея **Фарфоровского**: «Веретейская приходская община и причт в день пятилетия обновленчества приветствует деятельность Священного Синода по укреплению христианской веры и желают успехов в трудовом но многообещающем делании Бог на помощь».

15. Из Железноводска от протоиерея **Васильева**: «Николаевская Покровская Общины Железноводска приветствуют пятилетием обновления молят чтобы недалеко будущем все православные христиане дышали весной обновления сердец».

16. Из Кушвы от благочинного протоиерея **Перминова**: «Обновленческие общины города Кушвы Тагильской епархии сыновне приветствуют Священный Синод с великим и радостным днем пятилетнего юбилея обновления Церкви Христовой».

17. Из Сызрани от Сызранского Покровского Собора: «Сызранский Покровский собор приветствует своего идейного вождя Священный Синод со днем празднования пятилетнего стояния на божественной страже соборного устройства Церкви».

18. Из Пятигорска от настоятеля Пятигорского Собора, протоиерея **Маршака**: «приветствует пятилетия юбилея сестричество».

19. Из Астрахани от Епархиального Управления: «Юбилейный привет нашим вождям желаем успеха здоровья наш лозунг на гору Господню победного конца готовы быть ра-

ботать страдать чтобы дивной силой обновления дать миру жизнь благодать».

20. Из Сталинграда от архиепископа **Иоанна**: «Сталинградское Епархиальное Управление в братском молитвенном общении с духовенством и верующими мирянами в день юбилейного торжества от тысяч горячих сердец шлет привет заверение сыновней преданности надежды полного торжества».

21. Из Ленинграда от Архиепископа Гдовского **Николая**: «Архипастыри пастыри представители церковных общин Ленинграда собравшись в день исполнившегося пятилетия синодального управления сыновне приветствуют Священный Синод с полным сознанием правды церковного обновления и твердой верой в победоносный успех руководимого Синодом Святого дела».

22. Из Благовещенска от собрания верующих: «Архипастырь пастыри церковные организации все верующие торжествуя день пятилетнего юбилея обновленчества течение трех дней сыновне приветствуем Священный Синод. просим благословения».

23. Из Хабаровска от Митрополитанского Управления: «Митрополитанское епархиальное управление обновленческие общины Хабаровска многочисленным присутствии верующих вдохновляемые ревностью святому делу обновленчества поздравляют Священный Синод пятилетним юбилеем желают плодотворной работы мудром водительстве устроения русской православной Церкви. утверждения мира церковного укрепления обновленчества в осуществлении заветов Христа среди всех народов и выражают чувства глубокой сыновней преданности любви молят всемогущего Бога ниспослания Священному Синоду бодрости духа здоровья на многие лета».

24. Из Иваново-Вознесенска от архиепископа **Иоанна** и пасты: «Обновленческое духовенство и миряне Города Иваново-Вознесенска в главе с архиепископом **Иоанном** на юбилейном собрании 15 мая посвященном выяснению сущности и истории церковно-обновленческого движения постановило выразить чувство преданности соборному началу церковной жизни и пожелания Священному Синоду успешно довести до конца великое дело собирания и объединения церковных людей на основе уважения и благопослушания бывшим соборам Российской Церкви».

25. Из Себрякова от Юбилейного съезда духовенства и мирян Усть-Медведицкого округа, Сталинградской епархии за подписью архиепископа Сталинградского **Иоанна**: «Сыновне приветствуя надежного руководителя Православной Русской Церкви. поздравляет знаменательным праздником на-

деется на полное торжество идеи церковного обновления и объединение всех под единое синодское водительство».

26. Из Читы от архиепископа **Михаила**: «15 мая Кафедральном соборе инициативой миссионерского отдела был организован вечер-лекция. концерт посвященный пятилетнему юбилею обновленческого движения посетители общин количество около двух тысяч человек, предложению архиепископа выразил желание приветствовать Священный Синод в силу единодушного горячего желания юбилейный Епархиальный съезд во главе архипастырем архиепископом **Михаилом** епископом **Николаем**. от посетителей вечера приходов города Читы. епархии сыновне приветствует Священный Синод поздравляет пятилетним обновленчества выражает глубокую веру что мудрым водительством Синода родное святое дело обновленчества своими любовными горячими лучами обнимает согреть истстрадавшие расколе сердца человеческие всех соединит стадо Христово семью святою Православную вознося горячие молитвы о здравии Синода. Съезд испрашивает благословение на предстоящие труды по укреплению святого дела Церкви».

27. Из Ленинска от Председателя собрания протоиерея **Рассудова**: «собрание духовенства мирян Ленуезда Сталинградской епархии восторгом приветствует Священный Синод исполнением пятилетия святого обновления собрание надеется. водительством Синода православие будет неизбежно».

28. Из Череповца от Епархиального Управления:

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ.

1927 года, мая 15 дня, в праздник пятилетнего юбилея широкого и глубокого обновленческого движения в Российской Православной Церкви, по предложению Церковного Совета, Череповецкого Воскресенского собора, Череповецкие обновленцы, сознав свое движение, как благодатный луч Христового света, которого не обьяла и не об'имет тьма мира сего, радостно приветствуют своего идейного вождя—Священный Синод Православной Российской Церкви, молитвенно желая ему полного успеха в трудах по укреплению Православной веры, умиротворению взволнованной Церкви и по возвращению православному обществу святой любви, нарушенной невежеством или политиканством или чисто мирскими своекорыстными соображениями, вторгшимися в ограду Святой Церкви.

Многая лета всем ревнителям церковного обновления.

Вечная память незабвенным почившим его деятелям.

Огонь Святой Христовой ревности всем любящим мать свою Единую, Святую, Православную, Соборную и Апостольскую Церковь...».

Как и почему я сделался обновленцем.

(Доклад на торжественном юбилейном собрании).

Приветствую вас, высокопреосвященные Архипастыри, Боголюбезные пастыри и дорогие братья и сестры, с исполнившимся пятилетием обновленческого движения в Православной Русской Церкви. Молитвенно желаю, чтобы таковое расширилось повсюду на основании заветов нашего Верховного Пастыреначальника, наставлений Св. Апостол, постановлений Соборов—Вселенских и Поместных и правил Св. Отец. — Я позволяю себе утрудить ваше внимание, в наш юбилей, коротким докладом о том: как и почему я, старик, убеленный сединами, стоящий уже на краю могилы, — сделался обновленцем.

Родившись в небогатой семье сельского священника, я имел своими товарищами по детским играм бедную крестьянскую детвору. А когда подрос, то последние сделались и моими товарищами по учению в школе моего покойного отца. С некоторыми из них я вел дружескую переписку до самой их смерти, когда я уже был архиереем.

По окончании курса моего учения, я поступил во священники в самый бедный, окраинный городской приход, населенный исключительно трудящейся беднотой — современными пролетариями — и небогатыми мелочными торговцами. Моих прихожан я полюбил за их искреннюю религиозность и бесхитростное отношение ко мне. Все они, за редким исключением, меня тоже любили. Я с ними прожил девять лет, разделяя с ними и радость и горе. Последнего, конечно, было более.

Приходилось их часто утешать и подкреплять советами, когда их кто-либо обижал и притеснял. Лично я убежден: вращение среди обездоленных, как это, пожалуй, и ни странно, породило у меня, правда, едва заметные признаки обновления, т.е. возвращения к первым временам христианства, когда беднота пользовалась действительным вниманием и попечением со стороны собратий—христиан.

Припоминаю случай из моего юношества. Один мой товарищ по играм, но старше меня по летам, сделал не совсем похвальный поступок, будучи, по всей вероятности, научен старшими, похитив несколько сжатых снопов ржи. Это заметил управляющий имением помещика, где служил мой покойный отец священником, подстрелил его, и он через несколько времени умер. Местный становой, к чести его, принял сторону погибшего, а не помещика, желавшего «замять» это дело, но имевшего «связи» в «губернии»; этот помещик повлиял на власть имущих, и бедняк-становой был лишен места. Такое противозаконное возмutilo мою юношескую душу, и последнее навсегда врезалось в моей памяти. Взяточничество тогда процветало в широких размерах и всюду: и в гражданских, и в духовных сферах. От последних и я некогда потерпел, когда поступал во священники, — нельзя было сделать шаг без принятой «смазки». Я всем и всеми, меня в то время окружавшими, по власти имущими, — разумею пресловутую Консисторию, — возмущался и, конечно, сердился. Но, будучи

от природы пассивен и получив строгое воспитание, я не решился проявить какой-либо протест в резкой форме. Тем не менее мое как бы либеральное отношение к окружающим меня обстоятельствам подмечено было членами низшего клира (псаломщиками). Последние большинством голосов избрали меня помощником Благочинного и депутатом при следственных делах (нечто вроде защитника обвиняемого). Местный Архипастырь, хотя и не был либералом, но человеком в высшей степени справедливым, хотя и строгим (он был сын псаломщика), скоро меня назначил следователем, а затем — и Членом Консистории. При нем и тогдашнем Секретаре Консистории весь состав был заменен новыми как в Присутствии, так и в Канцелярии, — взяточничество отошло в область преданий. Это была краткая, но светлая страница моего членства. Архипастырь скоро скончался, а идейный и идеальный Секретарь был перемещен в столичный город. Затем, постигло меня испытание, и я получил другое назначение, и тоже в столичном городе.

Перехожу к моему архиерейству. Я имел великое счастье быть викарием у, светлой и блаженной памяти, почившего Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония Вадковского. Да упокоит Господь его чистую душу! О нем я не буду распространяться: большинство присутствующих знает, что это был за Архипастырь, христианин, человек! Имеется о нем особая книжка, которую, вероятно, многие из вас читали. Он был в высшей степени скромный, ко всем доброжелательный, — особенно — к обездоленным, бесребенник в истинном смысле этого слова, деликатный, ровный со всеми в обращении, ласковый, но не теряя, однако, своего архиерейского достоинства, ко всем доступный, принимая не только днем, но даже и вечером. В течение моего служения при нем я ни разу не видел, с кем бы он говорил повышенным тоном. Никогда его не видели раздраженным. Близкие к нему лица подметили, что если он чем-либо был взволнован, имел привычку кружить правый ус. Одевался он всегда в скромную, черного цвета, одежду, ездил в скромной карете, на колесах, окованных железом. Когда он вступил в управление епархией, то, по ознакомлении с последней, первым делом почел он обойти все помещения А. Невской Лавры, начав с послушнических и кончив помещениями своих викариев. Заметив, что послушники живут скученно в неопрятных кельях, он распорядился последние расширить и отремонтировать заново. Весьма часто, в воскресные и праздничные дни, он имел обычай обедать со всеми монашествующими в братской трапезе. В великие праздники Св. Пасхи и Рождества Христова он имел благочестивый обычай посещать дома заключенных, проводя в таковых по несколько часов, обходя все помещения. Посетил он и, кажется, не однажды Шлиссельбургскую крепость. Из последней взял себе на поруки одного, кончившего курс в Духовной Академии, предоставив ему одну из своих комнат и полную свободу. Кроме того, он, за неимением свободного времени, поручил посещать тюремные больницы одной своей почитательнице, имевшей возможность через эту близость облегчать участь заключенных. Сочувствуя обновленческому движению в Церкви, Владыка Антоний с симпатией относился ко всем своим подчиненным пастырям, тяготевшим к обновлению (32, св. Петров и др.). Он старался облегчать свободу учащейся молодежи, которая, за свое тяготение к либерализму, подвергалась репрессиям. Защитил б. ректора Академии и студентов оной, отслуживших панихиду по Шмидте, вступив в пререкания со всеильным тогда Победоносцевым и членами Синода, относившимися враждебно к тогдашнему революционному движению. Долго он защищал и своего либерального викария, Пр. Антонина, подвергшись из-за него опале при Дворе и потерпевши разные клеветы, исходившие тогда из пресловутого салона не менее пресловутой гр. Игнатьевой, привлекавшей в «союз» Арх. Николая, Арх. Антония Храповицкого, Серафима Чичагова, Гермогена и др. Последние однажды дошли даже до такой дерзости, что составили постановление о выдворении м. Антония из Синода, но присутствовавший на этом «совещании нечестивых» Арх. Алексей, б. экзарх Грузии, как ученик Владыки по Академии, предупредил его, и заговор не был приведен в исполнение. Потом выступил против него в печати с «открытым пасквильным» письмом пресловутый доктор Дубровин, — председатель Союза Русского Народа. Чего только он в этом письме не написал! Не подымается язык, повторить все клеветы. Весь клеветнический материал доста-

вил Дубровину Антоний Храповицкий. В систему таковой привел Прот. Восторгов, а подписался Дубровин. Антоний Храповицкий всецело был спасен от посылки в монастырь, после ревизии Моск. Духовной Академии, произведенной Нечаевым, по желанию тогдашнего Моск. м. Сергия, Владыкой Антонием, который убедил членов Синода и Победоносцева перевести его ректором Казанской Д. Академии. Когда Владыку Антония убедили выступить с протестом против Дубровина, он отказался и христиански простил его. Тогда воспользовались досужие барыни, начавшие глумиться над ним, понятно, заочно, что раз он не опроверг письмо — значит он виновен во всем, что написано в этом письме. Дубровин настолько обнаглел, что чрез придворную камарилью принудил, так сказать, М. Антония отказаться от покровительства еп. Антонину и принять вместо него из Костромы викария Никандра, близкого почему-то этому доктору. Носилась тогда молва, что Никандр был приставлен в качестве шпиона, чтобы следить за всеми его поступками. Доблестный Владыка Антоний своей кротостью и христианским всепрощением препобедил еп. Никандра. Последний, полюбив невинно оклеветанного Архипастыря, сделался самым преданным ему помощником до конца жизни Владыки. Такого рода выступления против Владыки Антония, всегда сочувствовавшего обновленчеству и терпевшего за это большие неприятности, меня волновали до глубины души, и я всецело встал на его сторону, и, где можно, слабым моим голосом защищал его.

Перейду к моему служению в Калуге и тогдашнем Симбирске, а теперешнем Ульяновске. В первом городе в 1905 г. я выступил в защиту подведомого мне духовенства, на которое ополчилось и дворянство и местная гражданская власть. И первое и вторую поддерживал Обер-Прокурор Извольский. До 1905 года калужское духовенство, плохо обеспеченное материально, находилось в кабале у помещиков и кулаков, не смея поднять голоса. Когда же занялась заря революционного движения, духовенство рискнуло на таковое отозваться, конечно, в относительном смысле. Разгневанные дворяне, купцы и губернаторы, естественно, возмутились, потребовав от меня репрессий. Я решительно стал на сторону духовенства, особенно сильно притесняемого всеми, власть тогда имущими, начиная с урядников и кончая исправником. Извольский, узнав, что я защищаю духовенство, «предложил» мне всячески поддерживать интересы дворян (об этом Извольском один из его предшественников говорил, что он настолько невежествен в религии, что не может отличить литургии от всенощной). В 1907 г. приехал в Калугу «знаменитый» Грингмут читать лекцию в местном отделе Союза Русского Народа. Я на лекцию не поехал. Грингмут пожаловался Извольскому. Последний командировал Восторгова произвести о моем политическом кредо расследование, измыслив для этого благовидный предлог. Более суток он опрашивал черносотенцев, но никто меня ни в чем не зацепил. Следствие, таким образом, не принесло никаких желательных результатов для Извольского.

Был в Калуге, знаменитость своего рода, губернатор князь Горчаков, служивший в придворном ведомстве в качестве церемониймейстера. Он был, понятно, черносотенец, но, к удивлению, вел дружбу с торговцами семитического происхождения. Любитель выпить и в ночное время на улице подбодарить. Атеист, и, пожалуй, не царист, ибо он никогда не присутствовал в царские дни в Соборе, всегда уезжал, либо ревизовать губернию, а на самом деле кутнуть, в карты поиграть и поохотиться. Горчаков приходился родственником тогдашнему премьеру Столыпину, — благодаря, вероятно, этому он безобразничал безнаказанно.

Однажды, черносотенцы, соорудив знамя Союза, чрез Горчакова предъявили ко мне требование, чтобы я в 1-й день праздника Св. Троицы, явился на вокзал со всем городским духовенством, с хоругвями, крестами и иконами, с колокольным звоном во всех церквах, встретить сказанное знамя. Я, конечно, отказался. Полетела жалоба в тогдашний Петроград. Пока остался я невредимым, но зло Горчакова на меня, конечно, не улеглось. В другой раз он поехал в Песоченский завод, чтобы там воздать честь убитым якобы революционерами почтарями. Всю ночь он пил и играл в карты. Естественно, к богослужению явился с большим опозданием, заставив себя в храме ждать. Местный батюшка, довольно бойкий, узнав о ночном «бдении» губернатора, в речи неприкрасно

упомянул об этом. Губернатор разгневался, и, по возвращении в Калугу, потребовал от меня немедленного увольнения сего «дерзкого» священника. Понятно, я отказал ему в этом. Опять Столыпину была на меня послана жалоба.

Внучка знаменитого графа Толстого была замужем за двоюродным бр. Горчакова. Наступил конец 1910 г. — сметь Толстого. Последний имел родную сестру — монахиню — и ее периодически навещал. Он читал и знаменитую когда-то Оптину Пустынь, — нередко бывал в ней. За несколько дней до смерти в этот монастырь приехал Лев Николаевич Толстой, но не был ни в храме, ни у знаменитого тогда старца Иосифа. Когда он умер, то Столыпин напрягал все силы, стремясь воздействовать на Синод, чтобы отпеть графа христиански, сославшись, что он будто бы был у старца Иосифа и во всем пред ним раскаялся (Оптина Пустынь находилась в Калужской епархии). Синод обратился ко мне с запросом: был ли Толстой у старца. Я ответил, что не был. Тогда было прислано предписание не служить по нем панихид. Горчаков, желая угодить своему влиятельному родственнику, настаивал, чтобы я разрешил служить панихиды, — в чем ему мной было отказано. Тогда Горчаков окончательно на меня рассердился, и потребовал моего перемещения из Калуги. Я был действительно перемещен в тогдашний Симбирск. Но на мне сбылась русская поговорка: человек с лихостью, а Бог с милостью. Симбирск был недалеко от моей родины и в кламитическом отношении был гораздо лучше Калуги. В Ульяновске-Симбирске я имел столкновение с губернским предводителем дворянства тоже из-за священника. Пререкался я и с знаменитым Протопоповым и с Обер-Прокурором Волжиным. Они требовали репрессий по адресу священников. Но, не похвалюся, ни одного батюшки не дал я в обиду. В Синоде я имел несчастье присутствовать 3 раза, по полугодиям. Видел всемогущество Обер-Прокуроров, молчаливость архиереев-синодалов и засилие синодских чинушей, бесцеремонно распоряжавшихся казенными деньгами и незаконным решением дел. Вы удивляетесь, конечно, почему мы, архиереи, молчали в Синоде. Бывали такие архиереи, которые дерзали не согласиться с мнением Обер-Прокурора, и за эту «дерзость» сейчас же увольнялись в свои епархии и «на покой» в какой-либо захудалый монастырь. Тогдашние Синодские заседания можно назвать комедией: члены постановят, а прокурор положит под

сукно дает такое направление, какое ему, прокурору, желательно. Особенно памятно для меня «сиденье» в Синоде в 1916 году. Там делалось что-то ужасное. Прямо Шемакин Суд! Вмешивалась в дела царица, вмешивался Распутин, и дела решались там, как им хотелось. Получалась жуткая картина! Много бы и еще я мог вам рассказать. Но довольно и этого. Все эти церковные настроения, вся эта неправда в Высшем Управлении заставили меня склониться в сторону обновления церковно-приходской жизни. До обновленческого движения русские православные христиане относились к Церкви и ее жизни пассивно, разумея под Церковью не самих себя, а исключительно только одно духовное сословие. Ко всему, что происходило в храмах, во время богослужения, миряне тоже относились как-то безразлично. Приступали к таинству Св. Причащения редко, ссылаясь ни на чем основанный предрассудок, что причащаться часто грешно, что ранее 6 недель приступать в Чаше не следует и т. п. В прежнее время молодежь женского пола посещала храмы исключительно показать свои наряды, занимаясь пересудами стоявших в храмах. Теперь же, благодарение Богу, среди девиц заметно искреннее тяготение к участию во время богослужений и чтению и пению. Вообще же среди верующих заметно сознательное отношение к совершаемому богослужению: жажда узнать смысл читаемого и пваемого в храме и знакомство с храмовым русским языком. Сознательно относятся ныне и к таинству покаяния и т. д. Главное, желание слушать проповедание Слова Божия. Ранее же этого не замечалось. На пастыря смотрели, главным образом, как на требоисправителя, а отнюдь не как на проповедника-наставника. Не говорю уже о том, сколько существовало разных греховных предрассудков, напр., на проскомидийную девятичастную просфору смотрели, как имеющую значение чего-то особенного, сравнительно с прочими просфорами. Словом, много существовало предрассудков с чисто языческой окраской. Теперь же это постепенно отходит, если не отошло, в область преданий. Будем же стремиться к церковному обновлению, стремясь подражать христианам первенствующих времен. Это — наша задача. Это — обязанность всех нас без исключения. Только чрез обновление мы в состоянии будем возвыситься над идеологией и жизнью других, именующих себя также православными христианами.

Митрополит Вениамин.

Тезисы доклада на тему: „Истоки обновленческого движения“.

Архиепископ Николай Гдовский в своем докладе на тему: «Истоки обновленческого движения» развивал следующие положения.

1. За пять лет движения Церковь наша явила «чудная и славная»: а) архипастырей — из недалекого прошлого своими седидами, благородством и святительским прозрением в будущие судьбы Церкви осиявших дерзновением немногих, сказавших Кормчему Церкви 5 лет назад «не туда Ты ведешь корабль Церковный»; б) архипастырей-подвижников апостольского делания; в) пастырей-мучеников своего пастырского долга, променявших славу, обеспеченность, почет на унижение, голод и клевету за свою верность святой идее обновления; г) тысячи верующих, сознательно возревновавших о Св. Православии, ревнувших о восстановлении Соборности в Церкви, и давших возможность с постепенностью, соборным разумом воссоздавать все то, что оказалось разбитым, но остается нужным для Церковной организации.

2. Основание всех «чудных и славных» явлений — внутренняя мощь тех истоков, из коих вышло обновительное движение, имевшее и раньше 22 года своих вождей, своих отцов и вдохновителей (Митрополит Антоний, Свящ. Гр. Петров,

арх. Михаил, проповедник силы Св. Евхаристии — о. Ибани Кронштадский).

3. Первый исток движения — вера в Христа Живого, действующего в Церкви, Побеждающего силы, воюющие в недрах Церкви против чистоты и вечной правды Евангельского благовестия.

Второй исток — «священное бунтарство», которое не хочет и не должно мириться с существованием неправды, в какие бы красивые одежды это неправда ни облекалась.

Третий исток — вселенность Православия в понимании русской верующей души. Созвучность широты натуры русского человека с широтой православия в его истинном значении.

4. Вытекши из этих чистых и вечно полноводных истоков, обновленчество, превратившееся за 5 лет в широкую реку, в дальнейшем уж не может иссякнуть, но, подобно царственной реке Волге, разольется во всю ширь и захватит собою все чистое и живое в Российской Церкви, во славу Господа Спасителя, во славу и самой Церкви.

Архиепископ Николай.

27/V—27 г.

Идеология обновленчества.

(Доклад на юбилейном собрании в конспективном изложении).

Слово Божие и св. отцы, желая дать понятие о том, что такое Бог, говорят: Бог есть жизнь, полнота, кипящее море неисчерпаемой жизни. И, чтобы приобщить к благу этой жизни, Бог и создал этот мир. Сам Иисус Христос говорит: «Я пришел, чтобы верующие имели жизнь и имели ее с избыт-

ком». Господь принес на землю идеал небесной жизни, — а некоторые поняли и приняли это так, будто бы Он пришел для того, чтобы оторвать людей от земли и перенести их на небо. Оторвать от земли... но ведь Христос Спаситель ясно сказал, что Он пришел для того, чтобы на земле

прежде всего создать Царство Божие, чтобы на земле именно осуществить волю Божию. И мы знаем и читаем ту молитву, которую Иисус Христос Сам дал, как образец всех молитв. «да будет воля твоя на земле, как и на небе». Христос принес на землю благую весть о том, что на земле должно осуществиться Царство Божие, что земля должна перестать бы юдолюю плача и царством угнетения, царством тьмы, Христос принес на землю свет, свободу, — свободу, конечно, прежде всего, духовную благодатную, свободу духа, потому что в ней — основа всего.

Поэтому крайне ошибаются те, которые понимают дело Христово односторонне, спиритуалистически. Еще в ветхом завете пророки, среди окружающей тьмы и гнета, говорили, что Он, Мессия Грядущий, придет для того, чтобы отпустить пленников на свободу, чтобы открыть царство благодатное — «лето Господне приятное».

И вот началась проповедь, ни с чем несравнимая, этого Божественного Учителя. Он открыл нам тайну жизни духовной, открыл, что значит духовная жизнь, т.е. любовь. Он открыл нам, изобразил пред нами на все времена вечный идеал Царства Божия. Евангельская проповедь резко отличается от всех других учений, от современного ему еврейства и, если угодно, даже от ветхого завета, поскольку в последнем были ослаблены и помрачены Божественные вечные заветы. И сам Христос сказал: «Моисей написал по жестокосердию вашему». От начала века еще не было такого учения! Христос пришел открыть правду о небе и правду о земле.

Глубоко ошибаются те, которые представляют себе евангелие, как собрание внешних правил и законов. Христос много раз указывал на то, что это не так. Он говорил: «Если праведность ваша не будет больше праведности фарисеев, — вы не войдете в Царство Божие». Праведность фарисеев была, главным образом, внешняя, хотя они не были непременно дурными людьми. Христос принес идеал духовной жизни. Идеал Христов имеет вечное и непреходящее значение. Христос принес не правду одностороннюю, ограниченную, — нет, Сам Христос многократно говорил о том, что семя духовной жизни должно охватить весь мир, должно сделаться многоветвистым деревом. Христос принес на землю начала вечной жизни; Он указал, что это начало, начинаясь в душах верующих, должно охватить весь мир, всех людей и всю природу. Христос Спаситель ясно сказал, что в человеке остается и естественная жизнь; начала благодатной жизни должны проникать, но не должны уничтожать этой естественной жизни, не должны нарушать этих законов. Христос учил, что эти две области не должны вторгаться одна в другую, с нарушением законов той и другой.

Когда же Церковь находилась в союзе с государством, то государство, как более сильное, постаралось подчинить себе Церковь, направить ее по своему руслу и велениям. Получилось то, что вечный идеал стали толковать, как внешнее и формальное правило. И он был ослаблен в своем значении. Стали говорить, что этот идеал неосуществим в жизни, и даже более, — что он к ней неприменим. Да, он не осуществим в каждый данный момент, но для нас он есть высший и де а л, определяющий во всех деталях направление нашей жизни, нашего поведения. Церковь сделалась простым ведомством православного исповедания; Церковь заставила служить целям земным. Христос говорил: «Только Богу воздайте Божие, а кесарю — кесареви», — то-есть только принадлежащее кесарю отдайте кесарю. А связь Церкви с государством повела к тому, что эти две области смешали в одну. Разве не унижалась Церковь, когда, например, приговоренных к смерти чуть не насильно приводили ко кресту?..

Митрополит Филарет один раз сказал известному филантропу доктору Гаазу, заботившемуся об улучшении участи заключенных в тюрьмах: «О ком вы заботитесь, ведь это преступники». Гааз ответил: «Владыко, Вы забыли Христа, если так говорите». Митрополит Филарет, поникши мудрой своей головой, отвечал: «Не я забыл Христа, а Христос забыл меня».

Получилось смешение Царства Божия и царства земного, принижение самого идеала христианства. Учение Христа было искажено во многом. Церковные проповедники должны были всячески изопрятаться в проповедях и в сущности доказывать нежизненность учения Христа. Христианство перестало быть ферментом жизни, и вследствие этого, и произошло затемнение идеала Христова.

Кесарю воздавались божеские почести, вопреки заветам Христа. Внешние привилегии стесняли волю Церкви. Идеалы Церкви жили тайно в людях, но не выявлялись в обществе (о. Иоанн Кронштадтский, преп. Серафим).

Когда пришла гроза, одна часть людей стала оглядываться назад, позабыв про соляной столб. Они забыли, эти люди, что нельзя оглядываться назад, что тому, кто верит во Христа, не могут помешать никакие внешние формы жизни, что никакие формы не могут пересилить правды Христа, что все лозунги революции — равенства и братства — проистекают из вечного идеала Христовой правды. И только некоторые нашли в себе силу вспомнить евангелие Христово, вспомнить о том, что Христос заповедал полное отделение сферы благодатной от сферы естественной, для того, чтобы предоставить каждую из них своим силам. Эта одна из главных особенностей идеологии обновленчества, приветствующего декрет об отделении Церкви от государства.

Христос Спаситель оправдал и естественную жизнь, нормальное развитие человеческого общества. Мы знаем, с какой любовью Он смотрел на человеческую жизнь в ее труде и отдыхе, горестях и радостях. Христос научил нас благословлять и естественное человеческое развитие, усовершенствования в области земных отношений. В этом отношении обновленчество совершенно честно вспомнило заповеданное Христом. И когда говорят о том, что на соборе 1923 года совершилось оправдание социальной революции, что в этом будто бы было какое-то преступление, измена евангелию, — так говорят те, кто совершенно не знает силы слова Божия. Вспомним притчу Христову о двух сыновьях, о том, что в мире сознательно или несознательно совершается воля Божия. В сердце христианском горит вечный огонь, т.е. ревность — стремление к лучшему во всех отношениях. И Сам Христос не показал ли примера такой святой ревности, изгнав торгующих из храма и заповедав бороться деятельно за восстановление попорченной святости...

В этом отношении у нас — глубокое расхождение со староцерковниками, и всякий честный человек видит, где правда. Мы смотрим на усовершенствование общественных отношений, внутренне-сердечно благославляя их прогресс, и говорим, что люди, улучшающие эти отношения, не суть враги Христовы. Христос в беседе о страшном суде поставил основой этого суда не догматы, а обязанности: «посетить больного, накормить голодного» и т.д. Вот о чем спросит Он на суде, вот какой критерий Он приложит... И Церковь не может не благословлять тех, кто это совершает, хотя бы и под дружными лозунгами.

Нужен был подвиг для того, чтобы не затмился окончательно светлый идеал евангельский; нужно было возвращение к этой правде также путем великого жертвенного подвига, — и такой подвиг совершило обновленчество. Оно поставило пред сознанием человеческим Христа, как друга обездоленных бедных, каким Он и был в действительности, и в этом — несомненная заслуга обновленчества. Это не подмена христианства, но возвращение к правде Христовой, стремление вернуться на путь, указанный Самим Христом. В этом — не только наше право, но и наша обязанность. Христос приходил на землю не для того, чтобы мы позорили Его имя. Христос Спаситель принес нам истину любви, Он завещал нам соборность — и в этом также наше отличие от инакомыслящих. Там соборов не существует, соборное начало по-прежнему, а у нас соборность — основной рычаг церковной жизни.

Брачный епископат рассматривается нашими противниками, как отступление от идеалов Христовых. Но не есть ли это возвращение к ним?

В настоящее время брак унижен, но апостолы высоко ставили брак, и большинство из них имели жен. И наша задача теперь — поднять брак на должную высоту. Все, идущее под стяг обновления, имеют крепкую веру в Бога, как Творца этого мира. Благодать Божия дает им силу преодолеть зло мира; к этой великой задаче направлены все усилия наши труды; мы идем возвещать миру заветы Христа. Мы предлагаем истинным христианам все усилия направить к тому, чтобы оправдать в самих себе имя Христа, чтобы сила Христова была явлена во всех областях жизни, чтобы христианская вера явлена была в делах не личного только спасения, но и общественного. Итак, с верою в Распятого

и Воскресшего, мы стремимся идти вперед, в отличие от тех, которые, — идя на призыв Христа, останавливаются и оглядываются назад, мы же знаем, что кто оглядывается, тот неблагонадежен для Царствия Божия и превращается

в соляной столб. Христос зовет нас вперед и вперед. Христово учение — бесспорно — победит, и с этой верой мы и сами живем, и других приглашаем жить и работать в этом мире.

Проф. С. М. Зарин.

Об обновленчестве, его достижениях и перспективах.

(Конспективное изложение доклада на юбилейном собрании).

Мы, обновленцы, действительно в некотором смысле, религиозные бунтари, но наше бунтарство явилось протестом против попрания Божественных прав в самой Церкви. Об этом красноречиво сказали Архиепископ Николай и дост. профессор С. М. Зарин. Но я начинаю свое обращение к Вам этим заявлением потому, что нас противная сторона называет этой кличкой, желая показать, что мы являемся врагами правды Христовой. По их словам, Церковь должна быть тиха и покорна всему, и на поверхности ее не должно быть ни малейшей ряби. Но они забывают, что Церковь земная должна быть вечно бурлящей, воинствующей, — в этом ее назначение. Она должна претворить человеческую природу в божественную; а это, несомненно, требует неослабной интенсивности. Вся вина ветхозаветных фарисеев и заключалась в том, что они стремились к тому, чтобы в их Церкви не было никакой ряби, для чего и создали ограду закона. Я бы сказал: грех русской Церкви заключается в том, что наши церковные верхи стремились к тому, чтобы в Церкви все было тихо и гладко, чтобы не смел никакой голос протестовать против насилия; и в борьбе с этим была большая заслуга обновленчества. Отделение Церкви от государства — это факт огромной важности, который дает возможность направить Церковь действительно по пути Христовых заветов. За эти 5 лет мы близко подошли к существенной церковной работе и вспомнили прежде всего о духовном просвещении. Все духовные школы были закрыты, будущность пастырства стояла под великим сомнением; если Церковь будет существовать, кто же станут пастырями? Этот вопрос наши противники разрешили просто тем, что начали ставить в пастыри без разбора, лишь бы ставленник исповедывал «старую веру». Но действительно необходимо требует пастырей просвещенных, самоотверженных и сознательно правящих слово Христовой истины, и вопрос о просвещении был разрешен Синодом твердо и незамедлительно. Не говоря о росте безбожия, я упомяну и о тех, которые верят во Христа, но уходят в сектанство. Как малограмотные пастыри могут собирать Церковь Христову? А ведь задача пастыря — в том, чтобы привлекать в свои дворы овец и из других дворов. С великим трудом нам удалось открыть духовные школы. Эти наши рассадники просвещения должны обратить на себя внимание всех истинных последователей Христа Спасителя. В них готовится смена для нас; это — новые рассадники, взамен старых. Старые школы вырабатывали пастырей с определенной закваской схоластики; но в нынешних школах вырабатываются пастыри с истинным пониманием Церкви при условиях современности. На нас, обновленцах лежит задача — окружить их заботой сердечной и материальной. Нам нужно расширить это великое дело, и мы, конечно, поможем в будущем новым пастырям вести Церковь по истинному пути Христа. А что касается неверия и сектанства, то обновленчество должно было обратиться — и обратило — на них самое серьезное внимание. Необходимо поднять дело миссии и скорее открыть курсы по сектанству. Впрочем, вопрос о курсах будет разрешен в последние 3—4 дня. Кто из Вас не знает о благовестнических трудах, которые несет обновленчество? Кому не известны благовестнические труды и подвиги Высокопреосвященного Митрополита Александра? Когда Церковь была дискредитирована, мы добились печатного слова, а это в наших условиях безусловно великая заслуга, ибо правдивое слово наше идет даже по далеким уголкам России. Оно проникает в глухие деревеньки, и там творит благие дела. Я не могу не коснуться того, что обновленчество возвратило Церкви соборность. В течение целого ряда веков Церковь ее потеряла, а теперь собор-

ность возвращается трудами обновленческой Церкви. У нас соборность стала уже явлением постоянным. Собор 23 года наметил, но не развил, а собор 25 г. кристаллизовал церковную жизнь в определенные формы. Верим, что будущий собор поставит на еще более прочное и верное основание. Затем, заслуга обновления существенна и тем, что мы добились того, что нас одобряют и благословляют наши святые отцы — Восточно-Вселенские Патриархи. Прежний кормчий Церкви рисковал на разрыв со Вселенской Церковью; когда Григорий VII обратился к нему с призывом к Церковному миру, б. Тихон сказал: «какое ты имеешь право вмешиваться в дела русской Церкви»? Что же удивительного, если и теперь наши противники перестают считаться со Вселенскими Патриархами? Узнав о признании Вселенскими Патриархами Синода, Митрополит Сергей сказал: «пусть признают, от этого обновленцы не стали православными, а только патриархами — обновленцами». Наши противники объявили теперь Вселенских патриархов неправыми, но я не могу понять, в какую же они Церковь веруют. Мы впервые поставили так широко связь со Вселенской Церковью. В период Синодальный русская Церковь не была так связана со вселенскими патриархами, как теперь, и никогда не было того, чтобы членом Св. Синода был представитель Вселенского Патриарха. Обновленчество везде перестраивает общественную жизнь, и лик Христов встает перед нами в своем истинном немеркнущем свете. Христос всегда был другом тех, которые стонали под ярмом жизни, тяжелым и неудобноносимым. Нам нужно не рассыпать, а объединить верующих во имя Христова, мы должны проводить в жизнь слова Христа: «да все едино будут».

Я не могу не обратить внимания и на ту заслугу обновленчества, что оно подошло впервые вплотную к человеческому сердцу, и заставило каждого христианина понять, что он — живой член Церкви. Всякий верующий должен знать, что он — христианин, и что кто носит на себе крест Христа, тот должен жить со Христом и во Христе. Мы говорим, что «вы, духовные, должны немощи других носить, а не себе угождать», мы говорим, что спасение не в себе только, но в служении другим, и в устройстве общества на справедливых социальных началах по завету Христа. Что это так, об этом нам свидетельствует то время, когда проповедывали апостолы, и любовь была жива в Церкви. Тогда верующие во Христа не уходили в пустыни, а пребывали в преломлении хлеба и служении друг другу. Этот идеал ставим и мы, обновленцы, так несправедливо забытый в прошлом. Важно то, что теперь наши Архипастыри, пастыри и миряне соединили свои силы в непрестанном движении и впредь для служения Христовой правде, важно, что ни одна живая душа, которая называет себя обновленцем, не считает этого дела чуждым для себя. Если мы, действительно, — творцы христианской правды, и хотим, чтобы Церковь захватила все и наложила свою печать на человеческие души, то мы, пастыри, должны не только хорошо говорить, но и жить право, — крест, который мы носим на груди, должны не только на груди носить, но и в жизни. Если мы хотим нашу Церковь очистить от всего исторически приставшего к ней, то за это должны взяться не только мы, пастыри, но и вы, миряне. Вы должны помочь пастырям, и сами должны понять обновление Церкви. Будем молиться друг за друга, мы братья, за вас, и вы за нас. Ап. Павел просил за него молиться; а мы не Павлы, а обыкновенные люди, и как было бы хорошо вам и нам молиться за всех ваших пастырей и архиепископов, а нам за вас. Так — в неразрывном союзе любви и единении — мы и совершим свое великое дело.

Два раскола: тихоновщина и донатизм.

(Очерк их сравнительной характеристики).

В условиях новой общественно-политической жизни России ее православная церковь переживает такой глубокий, — не только внешний, от разрыва связи церкви с государством, но и внутренний, от междуусобной ее распри — кризис, подобного какому она не знала и не имела никогда, во всей предыдущей своей, почти тысячелетней, истории. В результате всех этих потрясений и смут, русская церковь повсюду разделилась на две, приблизительно равных половины: на синодалов-обновленцев и тихоновцев-староцерковников (с некоторым даже перевесом в сторону последних).

В основе данного церковного разделения лежат два рода причин: причины социально-политического характера и причины церковно-канонического порядка. Первая группа — социально-политических причин освещена уже достаточно полно и всесторонне, — как на целом ряде последних поместных соборов, так и в обширной специальной литературе¹⁾. Но что касается другой, чисто церковной, стороны этого явления, то она освещена еще очень недостаточно и слабо и нуждается в дальнейшей ее серьезной, научно-объективной проработке. Небольшой опыт такого, именно рода и представляет мой настоящий очерк.

I.

Согласно основным канонам (I вс. 8; II, 7; VI, 95; Вас. В. 1 и др.) и вековой практике вселенской церкви, все происходящее в ней серьезные внутренние разделения и споры подвоятся под две общепринятых рубрики: или то ересь, когда затронуты, самые основы вероучения, его догматы (гностицизм, манихейство, арианство, несторианство, монофизитство и т. п.) или то раскол, когда спор идет о сравнительно второстепенных предметах церковного строя и церковной жизни (вопрос о «падших», покаянная дисциплина, споры о постах, о церковных обычаях и обрядах, борьба из-за органов, а тем более личностей церковной власти и т. п.).

Хотя в пылу первой, самой жаркой, полемики тихоновцев с синодалами не мало было высказано обоюдных упреков даже и в еретичестве, или — во всяком случае — в крушении основ веры и христианской морали, но теперь, когда первый пыл остыл, и противники начинают более спокойно во всем разбираться и расценивать друга друга, даже и для наиболее ярых полемистов, стало совершенно ясно, что происходящая в русской церкви смута, есть не ересь, а только раскол, поскольку спор идет здесь не о догматах веры и не об основах христианской морали, а о вопросах церковного строя, об органах церковной власти, чуть ли даже не о личностях ее носителей. Тем не менее, даже и раскол, особенно при отягчающих его, как это у нас, условиях (политический сдвиг, народное невежество и темнота) может глубоко потрясти русскую церковь и привести к самым тяжелым и нежелательным для нее последствиям. Всякий церковный раскол — это серьезная внутренняя болезнь данного церковного организма, которая требует настойчивого и методического ее лечения.

Лечить раскол — одна из самых трудных и неблагодарных задач. Особенно трудна она потому, что больной считает себя не больным, а совершенно здоровым, или даже воображает себя врачом, который сам хочет лечить пришедшего к нему доктора. Обе половины русской церкви, пребывающей в состоянии раскола, считают себя абсолютно здоровыми, и каждая хочет лечить другую. Поэтому первая и основная задача всякого, кто хотел бы действительно оказать помощь больной русской церкви, это — поставить правильный диагноз ее болезни, беспристрастно определить, кто и чем здесь болен. К счастью, за свыше двенадцативековую свою практику, христианская церковь выработала себе и надежный критерий для такого, безошибочного диагноза. Это — сравнение каждого нового церковного заблуждения с аналогич-

ными ранее бывшими и уже осужденными вселенской церковью.

Подходя с указанным критерием к современному русскому расколу, мы в каталоге древне-церковных расколов находим один, — удивительно, прямо даже поразительно, — похожий на то, что происходит теперь у нас, в недрах современной русской церкви. То был раскол донатизма, происходивший в пределах северо-африканской церкви (Карфаген и Нумидия) свыше полутора тысяч лет тому назад, который разделил эту церковь на две, почти равных половины (православных «кафоликов» и раскольников «донатистов»),¹⁾ волновал ее свыше ста лет и настолько расшатал и ослабил эту церковь, что привел ее к полному краху, открыв дорогу вандалскому нашествию, надолго уничтожившему там всякие следы христианства вообще.

II.

Хотя раскол донатизма имел место свыше шестнадцати веков тому назад (начался он, по одним в 307 г., а по другим, в 311 г.), происходил в далекой от нас северо-африканской провинции Рима, при совершенно иных культурно-исторических и общественно-бытовых условиях, тем не менее по внутреннему его характеру и проникающему его духу, по главным боевым его лозунгам, по предметам спора и личностям споривших, по приемам или методам полемики, наконец, по многим даже чисто внешним подробностям своей истории, он представляет такую удивительную аналогию с происходящей теперь у нас церковной смутой, что дает самое блестящее подтверждение известного афоризма: «история повторяется». Вот на этих-то главных пунктах поразительного сходства двух церковных расколов — древне-исторического донатизма и современной тихоновщины — мы и хотим остановиться, чтобы дать их сравнительную характеристику и церковно-каноническую оценку. А для того, чтобы не дробить внимания своих читателей по мелочам и внести большую плановую отчетливость и ясность в свое изложение, мы поведем его в порядке четырех следующих рубрик: 1) основная сущность и отличительный характер сравниваемых церковных движений, 2) главные предметы спора и внешние поводы к ним, 3) характеристика активных деятелей и пассивных масс, 4) приемы и методы полемической борьбы.

Та жестокая церковная распря между «кафоликами» (т. е. православными) и «донатистами», о которой у нас идет здесь речь, по основному ее характеру и духу, была типичной борьбой двух церковных идеологий: старой, уже отжившей, и новой, являвшейся ей на смену. Старая церковная идеология северо-африканской церкви, сложившаяся там в эпоху гонений и проникнутая сильной монтанистической закваской («тертулианизм»), представляла, по мнению нашего известного канониста проф. Суворова²⁾, три принципиальных требования: 1) безусловное и бесповоротное исключение из церкви всех христиан, даже только подозреваемых в большей или меньшей слабости веры, обнаруженной ими во время гонений; 2) недействительность как крещения, так и посвящения в церковные должности, совершенных лицами субъективно-несвятыми; 3) протест против связи церкви с государством, присоединенный позднее, с эпохи Константина Великого и его преемников, явно отдавших предпочтение «кафоликам».

Суровый ригоризм таких требований, идеологически обоснованных здесь еще Тертуллианом и канонически закрепленных собором Агриппина³⁾, был для своего времени несомненно полезен и помог африканской церкви твердо стоять на ноги. Но со второй половины 3-го века, и особенно с начала 4-го века он, видимо, уже пережил себя и требовал

¹⁾ Из актов Карфагенского собора-диспута 411 г. видно, что кафолических т. е. православных епископов на нем было 286, а раскольников-донатистов 279. См. у Болотова — II, 412.

²⁾ Проф. Н. Суворов, Об'ем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов. 2 изд. 26 ст. М. 1906.

³⁾ Собор 70 еп., происходивший в Карфагене, около 220 г. под председательством еп. Агриппина, который впервые дерзнул ввести повторное крещение. См. мою докторскую: «Соборы древней церкви, с 201 стр. и далее.

¹⁾ Разумею поместные соборы русской и украинской церкви, — два Московских 1923 и 1925 г. и один Харьковский 1926 г. Из специальной же литературы в особенности отметим обширные статьи и целые монографии проф. Б. В. Титлинова «Новая церковь» 1923 г. «Церковь во время революции» 1924 г. и др.

замены его новой, более смягченной, церковной идеологией и дисциплиной. Таковую действительно и начал знаменитый Карфагенский епископ св. Киприан серией соборов по вопросу о принятии «падших», на которых, после долгих прений, была принята новая, значительно смягченная, тактика в отношении к падшим, с разделением их на классы, по степени их вины и с соответствующими покаянными ступенями для каждого из этих классов.

Новшество это не прошло, как известно, даром и такому выдающемуся церковному авторитету, как еп. Киприан, против которого партия ревнителей старины, подогреваемая и различными личными мотивами, выступила с резким протестом, во имя обиженной старины, и породила там настоящие расколы, известные по именам двух карфагенских клириков — пресвитера Новата и диакона Фелициссима, с которыми позднее соединился римский пресвитер Новациан, сообщивший свое имя и всему этому расколу («новацианство»).

Через пятьдесят лет после мученической кончины св. Киприана, его преемник по кафедре еп. Менсурий, продолжая политику Киприана, пошел еще несколько дальше: он не только снисходительно относился к «падшим», но критически подошел и к сословию, так называемых, мучеников и исповедников. Поступить так еп. Менсурий имел полное основание и право. При нем была последняя в Карфагене вспышка гонений — и непродолжительная по времени и не отличавшаяся особой жестокостью по ее исполнению. Предчувствуя зарю новых дней, языческие чиновники вели преследование христиан вяло и формально, ограничиваясь минимумом его выполнения и всячески воздерживаясь от казней. Благодарные христиане легко и просто избегали преследований; но менее разумным и более честолюбивым такое легкое гонение давало соблазн отделиться и заслужить почетный титул исповедника. Поэтому-то, как говорит известный церковный историк Болотов — «кроме мучеников по необходимости и, следовательно, по христианскому долгу, было довольно много фанатиков, которые сами своим заявлением о том, что они христиане и не исполняют эдикта, вызывали языческие власти на распоряжение взять их под стражу. Были люди и еще низшего разбора. Оказывается, что к исповедникам примкнули и некоторые проходимцы, считавшие возможным под видом страдания за Христа избавиться от необходимости платить по своим долговым обязательствам, или рассчитывавшие по крайней мере некоторое время пожить в свое удовольствие в тюрьмах на счет христианской благотворительности или даже обогатиться из этого источника»¹). По долгу истинного архипастыря, еп. Менсурий объявил, что всех таких псевдо-мучеников, искусственно навлекающих на себя гонения и как бы спекулирующих ими по мотивам честолюбия, он не будет считать действительными мучениками и не внесет их в диптихи карфагенской церкви. Мера эта, разумеется, страшно озлобила тех, против кого она непосредственно была направлена, а также и всех их неразумных почитателей, которых, по приказу еп. Менсурия, его архидиакон Цецилиан не допускал даже и до ворот тюрьмы, отбирая у них, принесенные ими с собой для передачи псевдо-мученикам обильные яства и дорогие подарки. За такую решительную и прямолинейную тактику борьбы еп. Менсурий и его помощник Цецилиан заслужили у их противников позорные клички «тюремщиков» и «палачей», «гонителей» и «тиранов», более жестоких, чем сами языческие палачи²). Таким образом, личная оппозиция — душа всякого раскола — была уже готова и нужен был только повод для открытого ее выступления.

Повод этот не замедлил представиться. Во исполнение императорского эдикта, требовавшего выдачи книг Св. Писания, еп. Менсурий отдал властям какие-то еретические книги, которыми власти и удовлетворились. Но зная, что его личные враги могут извратить тут истину и обвинить его в малодушной выдаче Св. Писания, еп. Менсурий счел за лучшее пойти на встречу ригористам и объяснить им свой поступок. С этой целью, он одному из них, примасу Нумидину еп. Секунду Тишескому — написал письмо с изложением всех обстоятельств дела. В ответе Менсурию Секунд не одобрил его невинного спасительного обмана, упрекнул его в малодушной уступчивости перед гражданской властью и как бы

даже в некоторой измене христианству. Упрек этот через другого Нумидийского же еп. Доната Кизического стал известен карфагенской оппозиции — личным врагам еп. Менсурия — и те открыто стали обвинять его «в традидорстве», т. е. в предательстве и измене христианству (выдача книг Св. Писания), с целью уклонения от гонений. Благодаря этому, личное раздражение и недовольство новым церковно-политическим курсом еп. Менсурия нашло себе и удобный повод для использования старой монтанистическо-новацианской закваски, так что все элементы раскола оказались налицо, и он оформился окончательно еще в последние 2-3 года епископата Менсурия.

При преемнике Менсурия — новом карфагенском епископе Цицилиане — также ненавистном оппозиции по его предыдущей работе в сане архидиакона, число обиженных значительно возросло, так как сюда присоединились и два влиятельных карфагенских пресвитера — Ботр и Целестий, мнившие себя главными претендентами на кафедру и неожиданно побежденные на выборах Цицилианом. К этой оппозиции присоединилась чуть ли не вся Нумидийская церковь, с ее 70 епископами, а также ее энергично поддерживала одна старая, весьма богатая карфагенская вдова, по имени Люцилла, которая была сильно раздражена на Цицилиана, между прочим, и за то, что Цицилиан, еще будучи архидиаконом, однажды отстранил ее от чаши за публично проявленное ею грубое суеверие и ханжество³). Масла в разгоравшийся огонь прибавили еще и самая хиротония еп. Цицилиана, полученная от руки соседнего с Карфагеном епископа Феликса аптунгского, которого молва народная также обвиняла в традидорстве, т. е. в выдаче властям книг Св. Писания. На этом основании нумидийские епископы, собравшиеся в Карфаген на хиротонию Цицилиана, отказали ему в своем признании и, будучи подкреплены щедрыми дарами Люциллы, хиротонисали во епископы г. Карфагена ее домашнего секретаря, (*domesticus*) некоего чтеца Майорина. Таким путем, карфагенский раскол окончательно сформировался: местная церковь раскололась на две части, каждая со своим отдельным епископом: *pars Cecilianae* — сторонники законного православного епископа Цицилиана, и *pars Majorinæ* — сторонники Майорина, или раскольники. Раскольнический епископ Майорин через 3 года помер и в преемники ему был избран некто Донат, прозванный за свой ум, характер и административные таланты Великим. Он правил раскольниками целых сорок лет (315 — 355) и явился настоящим организатором раскола, сообщившим ему и самое свое имя — «донатизм» *pars Donati*, вместо предыдущего *pars Majorinæ*.

Такова, в самых общих чертах, основная суть донатизма и первый начальный период его истории. Характеризуя и оценивая все это, проф. Суворов справедливо называет донатизм «одной из самых недобросовестных церковных партий»⁴), т. к. здесь известная принципиальная подкладка была грубо использована разными недостойными личностями (псевдо-мучениками, обиженными честолюбцами, богатой ханжей), в своих личных, своекорыстных целях и интересах. Но все же, если можно говорить и о принципиальной идеологии донатизма, то эта была типичная борьба карфагенских старо-церковников с обновленцами, неумеренных ревнителей церковной старины с официальными представителями нового, более смягченного, и лояльного церковно-политического курса. Именно здесь, в этой борьбе старого с новым, чувствуется основной дух карфагенского раскола, его главная движущая пружина.

Вскоре в этой староверческой психологии донатизма стал замечаться преобладающий политический уклон, именно, с эпохи преемников Константина Великого. При самом Константине донатисты, рассчитывая привлечь императора на свою сторону, усиленно за ним ухаживали и всячески добивались его благоволения. Но когда их расчеты не оправдались, то они горделиво замкнулись и стали в принципиальную оппозицию гражданской власти вообще. Характерным

¹) Люцилла имела в своем домашнем употреблении кости какого-то сомнительного мученика и воздавала им суеверное поклонение. Но не довольствуясь этим, она однажды принесла их в храм и здесь перед моментом причащения, стала демонстративно целовать, к немалому соблазну всех верующих. Архидиакон Цицилиан, наблюдавший за порядком в храме, укорил Люциллу в этом и угрозил ей лишением церковного общения. Богатая ханжа была страшно оскорблена такой дерзостью Цицилиана и поклялась ему отомстить.

²) Проф. Суворов, Цит. сл. 26 стр.

¹) Проф. В. В. Болотов, «Лекции по истории др. церкви», II-396 стр. спб. 1910

²) Там-же, 397 стр.

выражением такой оппозиции является, например, высокомерный вопрос еп. Доната, которым он встретил легатов императора: «зачем вы пришли ко мне? Что может быть общего у церкви с императором»? Впрочем, и эта оппозиция была не строго принципиальной, а скорей личной и утилитарной. Так, когда на императорский престол вззошел Юлиан Отступник, то донатисты не постеснялись пойти к нему на поклон и получить у этого противника христианства не только легализацию, но и правительственную помощь для борьбы со своими соперниками—«кафоликами». Все это—лишний штрих для характеристики донатизма, как явления, по существу, безпринципного и аморального, лишь использовавшего момент, в своих узко-партийных целях.

II.

От всей этой далекой Карфагенской старины перейдем теперь к нашей современной церковной разрухе и посмотрим, что представляет из себя она, чем она живет и дышит? Едва ли кто будет спорить против того, что и в основе нашего теперешнего разделения лежит та же самая идеологическая подкладка—борьба старого с новым, строгих ревнителей прежней церковно-политической идеологии с представителями новых, более либеральных взглядов. Еще более бесспорным является здесь и самое распределение ролей между спорящими сторонами: ясно, что роль строгих ревнителей старины играют у нас староцерковники-тихоновцы, а роль более либеральных новаторов—обновленцы-синодалы. Таким образом, по части принципиальной идеологии здесь—полнейшая аналогия с карфагенским расколом: что там представляли из себя «кафолики» и «донатисты», то здесь представляют «обновленцы» и «тихоновцы».

К этой главной и основной платформе, объединяющей оба раскола, нетрудно присоединить и ряд дополнительных параллелей. На первом плане должна быть поставлена личная обида и раздражение многих вождей тихоновского движения. Работа обновленцев, сменивших отрешавшегося в мае 1922 г. от власти патриарха, сначала шла очень успешно и встречала почти общее признание. Так продолжалось целый год, до того момента, пока осужденный Собором 1923 г. б. патриарх Тихон в июне того же 1923 г. после его покаяния перед советской властью не был выпущен на свободу и не издал своего организующего тихоновщину послания от 15 июня 1923 г. Следовательно, личное раздражение патр. Тихона за нанесенную ему обновленческим собором 1923 г. кровную обиду, было тем главным поводом (*casus belli*), с которого началось открытое разделение и междоусобная война в русской церкви. Война эта открылась между старой церковной партией, возглавляемой самочинно вернувшимся ко власти патриархом Тихоном, и новой, закономерно владевшей этой властью, сначала, по добровольной передаче ее самим п. Тихоном, а затем, по соборному избранию, партией обновленцев, возглавляемой ВЦУ (Высшим Церковным Управлением), вскоре несколько реформированным и преобразованным в Священный Синод¹⁾. Партия Тихона также вскоре была организована и пополнена в своих руководящих верхах, главным образом, бывшими правящими архиереями, из числа или добровольно ушедших на покой при ВЦУ, или чаще всего, снятых им за те или иные вины со своих кафедр и потому сугубо обиженных этим обновленческим органом и затаивших против него смертельную вражду.

На-ряду с церковными вождями тихоновского движения, нет недостатка у нас, также, как и в Карфагене, или вернее еще гораздо больше того, и в светских сторонниках тихоновщины, примкнувших к ней по чувству кровной личной обиды и затаенной мести всему новому,—не столько даже церковному, сколько чисто политическому строю, выбившему их из привычной колеи и лишившему теплых мест и хороших доходов. На одну карфагенскую Люциллу у нас придется десятки и сотни таких старых, брюзжащих ханжей обоего пола и их новых союзников типа крупных и мелких напманов и кулаков, которые по мотивам личной злобы щедро субсидируют тихоновщину и всемерно вредят обновленчеству.

Отсюда—прямой переход и к другой дополнительной аналогии донатизма с тихоновщиной, вытекающей из их общей

политической платформы. Донатисты, как мы видели, были враждебно настроены к гражданской власти. Для них она всегда была гонительной властью,—как тогда, когда она была языческой и действительно гнала христиан, так и тогда, когда она стала сама христианской и поддерживала православие, но карала ереси и расколы. На карающий меч власти донатисты отвечали или диким фанатизмом и изуверством, когда намеренно раздражали власть и провоцировали правительственные репрессии; или же пассивным, а иногда и активным противодействием распоряжениям власти, вплоть до устройства ярмарочных погромов. Всякое же честное лояльное отношение к гражданской власти, подчинение ее законам, а тем более какое бы то ни было деловое соприкосновение с нею, хотя бы и с самыми благими и полезными для церкви целями (борьбы с псевдомученичеством),—все это клеймилось, как позорное соглашательство, как малодушная уступчивость, как предательство и измена христианству.

Не то же ли самое, в еще более резкой форме, повторяется теперь и у нас, в недрах тихоновщины? Ведь, ни для кого теперь не секрет, что вся наша тихоновщина, как доморощенная, так и в особенности эмигрантская,—сплошь контрреволюционна и оппозиционна соввласти. Заграничная тихоновщина сама постоянно трубит об этом „*orgi et urbi*“ и и на своих Карловицких соборах, и в общей белогвардейской прессе. Наша же внутренняя тихоновщина, по понятным мотивам, должна конспирироваться, лицемерить и хитрить. Но что и она проникнута теми же самыми настроениями и мечтами,—ожиданиями политической реставрации и реванша—этого тоже как будто бы никому доказывать не приходится,—одним, чтобы не ломиться в открытую дверь, другим, чтобы не вскрывать их ахиллесовой пяты. Можно сказать даже больше того, что наша тихоновщина только и сильна этой своей скрытой политической оппозицией,—отнимите у нея оппозиционный букет, и тихоновщина выдохнется, потеряет всякое влияние и силу, как потеряла его, или вернее, никогда его и не имела, новая ветвь тихоновщины, т. н. ВВЦС²⁾, честно отказавшаяся от всякой оппозиции соввласти, но потому-то, никому ненужная, неинтересная и никчемная, вообще.

Сходство основной церковной политической платформы тихоновщины с донатизмом может быть иллюстрировано и рядом других, еще более поразительных, аналогий. Взять хотя бы тот высокомерный вопрос еп. Доната, каким он встретил императорских легатов: «зачем вы пришли ко мне? Что может быть общего у церкви с императором»? Не повторяется ли он почти буквально всеми лидерами тихоновщины, обычно возмущающимися правительственным контролем над ними и выражающими это возмущение в лицемерно-наивном недоумении: «не понимаем—почему соввласть так интересуется нами? Ведь, у нас же церковь отделена от государства, и между нами нет ничего общего; к чему же эта новая, хотя бы и чисто отрицательная связь».

Поучительно также сравнить фанатично отрицательное и даже вызывающее отношение донатизма к гражданским эдиктам против них, а так же и их усиленное стремление к преследованиям и тюрьмам с подобным же отношением к совласти и нашей активной тихоновщины. Она, как известно, тоже склонна больше нарушать, чем исполнять направленные относительно нее распоряжения совласти. А те законные репрессии, тюрьмы или ссылки, которые обычно следуют в результате такого поведения, не только не останавливают и не устрашают тихоновцев; но, наоборот, часто подстрекают и манят к себе, как почетный для них ценз и желанная награда. И, как в древнем Карфагене, тюрьмы были полны различных донатистских проходимцев, провоцировавших эти тюрьмы своим непримиримым поведением и снискивавших таким путем у простодушных своих поклонников высокий почет и обильные приношения,—так буквально и у нас, в тихоновщине, немало подобных же элементов, которые тоже вызывают власть на применение к ним репрессий и используют эти репрессии, как почетный ценз страдальцев за веру, дающий им, помимо морального влияния и почета, и обильный приток материальных средств. Словом, спекуляция на оппозиции совласти и на тюремном цензе—один

¹⁾ Преобразование это было закономерно проведено первым-же августовским 1925 г. пленумом ВЦУ и санкционировано авторитетом собора 1925 г.

²⁾ Высший временный Церков. Совет, возникший в мае 1926 г. и возглавляемый тихоновствующими епископами Григорием, Борисом, Константином и др.

из самых излюбленных приемов в тактике и нашей тихоновщины.

Наконец, не менее характерно и удивительное совпадение в отношении старых и новых раскольников к православной стороне. Как донатисты некогда упрекали карфагенских кафоликов за их благоразумно лояльное отношение к гражданской власти и клеймили их за то кличками предателей, т.е. предателей, изменников, соглашателей и даже жестоких тиранов и палачей, так не то же ли самое буквально повторяется и в наши дни со стороны тихоновцев в отношении к обновленцам, которых они также честят предателями, соглашателями, изменниками церкви, даже чекистами и агентами ГПУ? И все это только за то, что обновленческая церковь честна и искренно лояльна в отношении к совласти и что она не только не фрондирует против этой власти, но и хочет установить с ней положительный, деловой контакт, столь необходимый для блага и мира и самой церкви, по не ложному слову апостола. (I Тим. 2, 1—3). И вот, за все эти, не только совершенно невинные, но и полезные для церкви вещи, дурно политиканствующая тихоновщина окрестила обновленчество, как особую «красную, советскую церковь», которая чуть ли не заключила тесный союз с коммунистической властью, чтобы погубить церковь. Вот до каких чисто монблановых высот доходит тихоновский «столп злобы непобедимая», против обновленцев! Тут, пожалуй, можно отметить даже и своеобразный прогресс тихоновцев, по сравнению с донатистами. Но едва ли к чести современных раскольников.

IV.

После более или менее обстоятельной речи о главных чертах сходства донатизма с тихоновщиной, перейдем к раскрытию более второстепенных, но не менее красочных,—к характеристике состава обоих раскольнических обществ и методов их борьбы с православными.

Обычно принято думать, что церковный раскол есть продукт недомыслия, невежества и темноты. В общем, это, пожалуй и справедливо, в особенности в приложении к широким народным массам, вовлекаемым в раскол, по большей части, по их несознательности и темноте, по отсутствию у них просвещенного ума и здоровой критики. Показательным примером этого рода служит хотя бы русский раскол старообрядчества, где темные люди готовы были идти на смерть буквально «за единую букву аз».

Но редко теми же мотивами невежества и темноты можно бывает объяснить и поведение зачинателей церковного раскола, его главных вожakov и подстрекателей. По большей части, наоборот, вождями расколов, как и ересей, выступают недюжинные по уму и образованию лица, но отличающиеся непомерным честолюбием и гордыней. Многие известные нам вожди расколов древней церкви были даже выдающимися писателями богословия, как Тертуллиан, Ипполит римский, пресвитер Новациан и др. Следовательно, в церковных расколах нужно различать головку раскола, его «верхи», от «низов», от широкой народной массы.

В донатизме это различие двух слоев раскола — его «верхушки» и «низов» выступает вполне отчетливо и ясно. Кто руководил этим церковным расколом, возглавлял его и давал ему боевые лозунги? Епископы и, притом, не худшие из них, даже не всегда рядовые, а чаще всего выдающиеся как по энергии и характеру, так и по уму и образованию. В особенности, это надо сказать про главного идеолога донатизма, передавшего ему и свое имя,—еп. Доната Великого, который сорок лет правил своими приверженцами и сумел крепко их организовать. Этот Донат, отличавшийся блестящими административными способностями, был вместе с тем и незаурядным богословом своего времени, написавшим ряд серьезных богословских и сильных полемических трактатов. Недаром автор одной новейшей статьи о Донате признает его самым ученым богословом северо-африканской церкви, не имевшим равного ему, вплоть до эпохи еп. Августина иппонского ¹⁾. Но Донат был не единственным ученым лидером раскола, у которого, преемник Доната (355—372) и епископы Петилиан константинопольский и Эмерит цезарийский—сильные оппоненты бл. Августина на Карфагенском соборе 411 г.

Но еще больше, чем их ученность, вождей донатизма характеризует их непомерная гордыня, честолюбие и властолюбие. Особенно выделялся такими качествами все тот же Донат Великий, мнивший себя не только примасом всей северо-африканской церкви, но ее полновластным владыкой, с чисто папскими замашками. Так, про него современный ему церковный историк еп. Опатат милевийский определенно сообщает, что «в своей безумной гордыне Донат дерзал сравнивать себя не с людьми, а с Самим Богом» *ut sibi jam non homo, sed Deus fuisse videretur*), что всех подчиненных ему епископов он трактовал, как своих слуг и требовал от них чисто божеского поклонения себе *tantum sibi de episcopis suis exigit ut eum non minori metu venerentur quam Deum* Первый вопрос, каким обычно встречал Донат каждого приходившего к нему епископа, был таков: «ну что говорят в твоей области о моей партии»? И действительно, донатисты это были *pars Donati* его настоящая церковная вотчина, которой он безконтрольно правил ¹⁾ О высокомерно дерзком и даже вызывающем отношении Доната к гражданской власти и даже к особе самого императора мы уже говорили выше и не станем здесь повторяться. Таковы были вожди донатизма.

Что касается рядовой массы раскола донатистов, его, так сказать «низов», то она представляла почти полную противоположность своим верхам,—по крайней мере, в смысле ума и образования. Уже одно то обстоятельство, что главное ядро раскольников составляли Нумидийцы,—достаточно характеризует собою этот раскол, как продукт невежества и темноты. Потомки Ганнибала, Югурты и Массинисы, Нумидийцы или Пуны (отсюда «пунические» войны Римлян) были невежественны и дики: они не знали другого языка, кроме своего пунического, и были, вообще, крайне малокультурны, скорее напоминая грубых дикарей, чем подданных цивилизаторского Рима. Рядом с этим у Нумидийцев, как у большинства полуварварских племен, сохранилась страсть к ссорам, спорам и войне, а также—стремление к самостоятельности и свободе, к отстаиванию своих местных обычаев и преданий, к узкому консерватизму, доходящему до боязни всяких новшеств и до упрямой оппозиции всему новому и чужому. Эти отрицательные свойства национального характера Нумидийцев не замедлили соответствующим образом отразиться и на их церковной жизни, где еще в эпоху еп. Киприана, Нумидийцы постоянно были главными противниками его благотворных для церкви реформ и доставляли Киприану немало забот и огорчений, как это видно из его обширной переписки с нумидийскими епископами ²⁾. Неудивительно, что и теперь, в эпоху донатизма, упрямая и болезненно подозрительная масса нумидийцев дала главный контингент раскольников-донатистов, испуганных новым церковно-правительственным курсом.

Наивно простодушные Нумидийцы и другие, подобные им приверженцы донатизма, вышедшие из народных низов, были далеко не худшими, а скорее даже лучшими элементами раскола: они если и заблуждались, то вполне искренно и честно, погрешая «простотою и невежеством», а также слепой верой в своих недостойных вождей. Но в рядах этой сырой донатической массы энергично работали и другие, более злостные элементы, которые вели активную пропаганду среди простого народа, организовали его и поднимали на открытый протест. Эту роль в донатизме выполняли отдельные ханжащие женщины и разный монашествующий сброд, действовавшие уже не столько по убеждениям, сколько из личных узко эгоистических побуждений. Такова, как мы уже говорили выше, была богатая Карфагенская вдова Люцилла, сыгравшая столь печальную роль при самом начале донатизма, когда она в силу личной ненависти к еп. Цецилиану, использовала оппозицию нумидийских епископов и путем посулов и даров провела на Карфагенскую кафедру близкого ей человека чтеца Майорина, бывшего первым особым епископом донатистов. Да и вообще говоря, вражда отдельных обиженных честолюбивых, их личные происки и интриги, не останавливающиеся перед самым низкими приемами борьбы, до подкупа и клеветы включительно, составляет одну из характерных черт донати-

¹⁾ Ibid. 1690 и 1691.

²⁾ См. переписку св. Киприана с нумид. еп., Антонианом (57-е и 43-ье). его борьбу с пятью нумид. епископами—сторонниками еретика привата из Ламбези. В моей диссертации о Соборах... 436, 533, 592 и др.

¹⁾ G. Bareil, Dictionnaire de théologie catholique. Vacant-Mangenot, art. Bonat, *jajc.* XXXI 1693 p. Paris, 1910.

стских агитаторов, бывших посредниками между верхами епископата и пассивными народными низами.

Но настоящим боевым активом донатизма, особенно сильно влияющим на народ, явились его специальные бродячие миссионеры монашеского типа, которые сами себя именовали «воинами Христа» (*milites Christi*), а у других было известно и в историю вошли под кличкой «циркумцеллионов», т. е. людей, бродивших около селений (*circum, около, вокруг, cellum келья, селение*). Краткую, но выразительную характеристику этого монашеского актива донатизма, даст, на основании исследований о нем, проф. Суворов, говоря так: «в Северной Африке, при преувеличенном почтении к мученичеству и аскетизму, образовался очень бурный и опасный род аскетов, которые называли себя воинами Христовыми; они не имели определенного местожительства, а нищенствовали и бродяжничали, ходя около домов, почему их называли *circumcelliones*. К ним пристала масса крестьян, желавших избежать уплаты податей, или лишившихся собственности во время политических смут, а также масса рабов, убежавших от своих господ. Движение, возбужденное ими, приняло социалистическое направление: во имя христианской свободы и братства, они мстили господам за поруганные человеческие права убийствами, пожарами и грабежами, что не мешало им, однако, вести аскетическую жизнь, бросаться со скал в пропасти, с надеждой получить мученические венцы и т. п.¹⁾. Таким образом, эти «воины Христа» представляли собой вид какого-то духовного казачества, и иррегулярных церк. войск, вооруженных специальными полками и дубинами («дубины Израилевы» в воспоминание о тех посохах, с которыми евреи ели пасхального агнца, перед их исходом из Египта и имевших свой боевой клич: *Deo laudes*, т. е. «хвала Богу»). Здесь, следовательно, ясно звучат ноты социального и политического протеста против гражданской власти и господствующей церкви. Но протест этот, по условиям времени, получил религиозную окраску, и, именно, ярко донатистскую. Жертвами их жестоких распри были или православные клирики, или, еще чаще, — свои же бывшие донатисты, которые осмеливались изменять расколу и присоединяться к православию. За это, например, — они одному епископу отрезали язык, другому выкололи глаза и отрубили пальцы, третьего выгнали из его жилища и обрекли на голодную смерть, наконец, одного пресвитера ослепили с утонченной жестокостью, насыпав ему на глаза негашенную известь и полив ее укусом. Благодаря всему этому, *Deo laudes* — боевой лозунг циркумцеллионов стал в Нумидии, по отзыву бл. Августина, «страшнее для поселян, чем рычание льва. Это сборище беспокойных людей, ужасных по своим преступлениям, оставших от всякого полезного труда... Они живут, как разбойники, умирают как циркумцеллионы, и их чествуют, словно мучеников»²⁾. Такова была главная народная сила и опора донатизма, буквально терроризовавшая собою карфагенскую церковь и требовавшая для борьбы с нею вооруженного гражданского воинства.

V.

Вся только что данная нами характеристика главных составных элементов донатизма почти целиком приложима и к нашей тихоновщине. В ней точно также надо строго различать руководящую «верхушку» от слепоты за ней идущей простонародной массы.

Подобно образованным вождам донатизма, и многим нашим лидерам тихоновщины нельзя отказать ни в уме, ни в образовании, ни в характере и силе воли. Правда, самые сливки тихоновщины еще в начале революции сбегали за границу и рассеялись там повсюду³⁾. Но, во-первых, это не мешает им идейно все же возглавлять нашу тихоновщину и руководить ею и оттуда, через Карловицкие соборы, реакционную прессу и конспиративную корреспонденцию. А, во-вторых, и среди оставшихся на родине лидеров тихоновщины имеются, как умные и образованные лица (наприм., м. Сергей Страгородский, архиеп. Илларион Троицкий, архиеп. Николай Добронравов и т. п.), так и опытные администраторы,

умеющие приспособляться к обстановке (м. Петр Крутицкий, Серафим Тверской, Алексей Симанский и т. п.).

Однако, для верхов нашей тихоновщины, так же, как и для донатистской, более характерными являются не эти, только что отмеченные черты, а другие — их непомерно развитое, по большей части, уязвленное самолюбие, их болезненная гордость и жажда личного реванша, которые, в сущности все сводятся к одному знаменателю — к чисто-сатанинской гордыне. Эта главная черта, в разных только пропорциях и дозах, объединяет собою положительно всех тихоновских лидеров, с тем только различием, что у одних она — природная, у других благоприобретенная, сложившаяся в силу жизненных условий, у третьих, наконец, как бы навязанная им совею, силой окружающей их обстановки (своего рода, *poblesse oblige*). Яркий образчик последнего типа представляет и сам первовиновник нашего раскола б. патриарх Тихон, принужденный у нас сыграть роль Доната Великого. А между тем, по своим личным душевным качествам, Тихон, скорей, противоположен Донату, как слабый и бесхарактерный человек. Но потому-то самому он и стал игрушкой в руках разных «злоумных советников и подстрекателей», на которых Тихон жалуется и сам, в его известной покаянном письме к совласти, от 15/IV—23 г. В действительности же, за спиной Тихона все время стояли и его на пагубную для церкви работу подталкивали разные честолюбцы и карьеристы, из числа потерпевших жестокое крушение при новой власти, вроде еп. Федора Волоколамского (б. ненавистный для всей академической корпорации ректор Моск. дух. академии, скандально снятый Синодом с должности, по ревизии проф. Титлинова), Прокопия Херсонского (осужден на пожизненное изгнание из пределов Украины, по суду 1924 г.), м. Кирилла, еп. Гурия, еп. Парфения и т. п. «бывших людей», или осужденных за контр-революцию совластью, или изгнанных со своих кафедр епархиальными сездами. Вот, такие-то, лично обиженные, церковные смутьяны, вкупе и влюбые с подобными же им политически сликвидированными светскими их союзниками (из рядов дворянства, богатого купечества, служилой аристократии, царской военщины и т. п.) и образовали тот «генеральный штаб» тихоновщины, который организовывал ее, руководит всеми ее выступлениями и держал в своем крепком плену до самой его смерти безвольного, больного патриарха.

Роль активного воинства при этом штабе, передовых застрельщиков и главных пропагандистов тихоновщины, т. е. чего-то довольно близкого к донатистским циркумцеллионам, играет у нас различный монашеский сброд и кликуши обоого пола. Выше мы уже отметили, что на одну карфагенскую богатую вдову Лициллу у нас найдутся десятки и сотни таких тихоновских ханжачих вдов, бывш. барынь, базарных торгов, различных черничек и просто истеричных кликуш, которые с пеной у рта, с кулаками и палками, готовы отстаивать и защищать любезную их сердцу тихоновщину и всячески поносить и вредить ненавистному для них обновленчеству. Интересно отметить, что как прежде, при царизме, все нездоровые проявления нашей церковной жизни, вроде иоаннитства, хлыстовщины, распутьевщины и т. п. своих главных adeptов и пропагандистов имели из среды женщин (салоны Татариновой, граф. Игнатъевой, фрейлины Вырубовой, царицы Александры); так и теперь, главный оплот тихоновщины и ее надежный пропагандистский кадр это — женщины всех сортов и рангов, от бывш. губернаторши, начальницы гимназии и именитой купчихи, до сельской попадьи и базарной торговки, включительно.

Кроме добровольных женских дружин, наша тихоновщина воинствует еще, как известно, и сильной монашеской ратью. Последняя рекрутируется из рядов б. насельников наших мужских и женских монастырей, упраздненных совластью, как раз, перед самым возникновением тихоновщины. Худшие из этих чернецов и черничек, которые не захотели или не смогли ни вернуться во вновь открытые обновленцами монастыри, ни приспособиться к какому-либо мирскому полезному труду, сделали из пропаганды тихоновщины свой новый выгодный для них промысел, каким они и кормятся, сбивая с толку простодушных обывателей. Герои темной веры, в большинстве и сами выходцы из недр той же темной невежественной массы, лишь нахватывшиеся внешнего показного благочестия, миссионеры этого типа всегда и раньше

¹⁾ Суворов—26 стр. пр.

²⁾ Болотов—408 стр.

³⁾ Мм. Антоний Храповицкий, Евлогий Георгиевский, Платон Рождественский, еп. Феофан Быстров, Вениамин Федченков и др.

имели большой успех в простонародных массах. Теперь же они, окруженные ореолом страдальцев за веру, как изгнанники из разрушенных властью, но весьма почитаемых народом, монастырей, преуспевают еще больше, возбуждая в народе озлобление против всего нового и призывая его к отстаиванию всего старого, под знаменем старорежимной тихоновщины. И их охотно слушают и за ними идут, как простодушные слепцы по вере, так и все униженные и обиженные новым политическим режимом — бывш. чиновники, помещики, военные и полицейские чины, торговцы, деревенские кулаки и т. п. Повторяется та же история, что и с древними циркумцеллионами. Как там, в древней Африке, к донатистским аскетам присоединилось множество социальных и политических протестантов, так и что и все это движение получило характер своеобразного социально-политического брожения, направленного против существовавшей тогда гражданской и церковной власти; так и теперь у нас в тихоновщине весьма определенно чувствуется тот же социально-политический протест против всего нового режима (церковного и политического). Произошло только перемещение основных элементов протеста: в донатизме обездоленные социалисты выступали против капиталистических монархистов; в тихоновщине же, наоборот, лишившиеся своих привилегий монархисты поднялись против восторжествовавших над ними социалистов. Но дух и характер этих обоих протестов — стремление слить Божие и Кесарево, религию с политикой и экономикой, — остался тем же самым и подчеркивает черту поразительного сходства двух церковно-политических расколов.

Что касается, наконец, широких простонародных масс, — этого как бы фундамента обоих рассматриваемых нами расколов, то о близком сходстве их распространяться не приходится, в силу очевидности самого факта. Как древние Пуны были невежественны и темны, а потому и слепо доверчивы к своим расколовождям, так и наше темное, в большинстве еще безграмотное, крестьянство и все вообще простонародье совершенно еще неспособно к самостоятельной критике в вопросах религии и веры, а потому и слепо идет за тихоновскими вождями, ловко играющими на струнах его консервативных привычек. Вожди раскола всегда знают, что делают, и искусно обделывают свои темные делишки. А наивные массы доверчивы и слепы, и часто «не видят что творят», подобно той благочестивой старушке, которая подкинула и свою связку дров на костер мученика, за православие и славянство, Гусса. Вот почему и наша тихоновщина крепка и сильна только там, где царит еще тьма векового невежества и суеверия, соками которых она питается, как всякий паразитарный напорост. Но там, где в это темное царство удастся проникнуть светлему лучу евангельской истины и подлинной Христовой правды, там уже нет места тихоновской гнили и плесени и всяческим болезненным напоростам, так что даже и большой церковный организм быстро от них освобождается и решительно выздоравливает и крепнет.

VI.

В последней, заключительной главе своего очерка мы намерены дать ряд не менее поразительных параллелей донатизма с тихоновщиной из области их тактических приемов, т. е. тех методов, или способов полемики, путем которых эти расколы вели свою борьбу с православной церковью.

Первый и самый общий прием полемики и борьбы обоих этих расколов — это усиленное подчеркивание своей особой святости и чистоты, соединенное с похулением и забрасыванием всякой грязью стороны своих противников, т. е. кафоликов-православных. Это та черта горделивого кафаризма, которая вообще характеризует собой все расколы и которая, как вы выше видели, так отчетливо выступает и в обоих наших расколах. «Только мы-де одни святые и чистые, а все остальные — падшие грешники и изменники» — вот общий лейтмотив и донатистов и тихоновцев.

Чем же, однако, он аргументируется? Прежде всего, — ссылкой раскольников на то, что они гонимы, а их противники нет. Именно, на этот пункт особенно напирала донатистские епископы (Петилиан и Эмерит) в спорах с бл. Августином на знаменитом Карфагенском соборе 411 г. Донатистская партия в ответе на вопрос: кто гонит и кто гоним? видела чуть ли не главный критерий своей праведности, ссылаясь на слова

пророка, что «нечестивый преобидит праведного». (Абб де I. 4). А так как карфагенские кафолики, нередко даже в союзе с гражданской властью, преследовали циркумцеллионов и донатистов вообще; то отсюда делали вывод, что они — нечестивы, поскольку обижают праведников, содействуют их вселению в тюрьмы, отобранию у них храмов, ссылке их на поселение и т. п.

Буквально все то же самое повторяют теперь и наши тихоновцы по адресу православных обновленцев. Тихоновцы считают себя правыми уже по одному тому, что их иногда преследуют и гонят: отбирают у них храмы и передают обновленцам, заключают их в тюрьмы, подвергают высылке и т. п., а главное, что во всем этом, — если не прямо, то косвенно, повинны будто бы и обновленцы, которые не только не защищают их — тихоновцев — от гражданских репрессий, но чуть ли не подстрекают и саму власть на них.

На это раньше всего надо ответить так же, как и бл. Августин ответил донатистам — именно, что нельзя столь сильно злоупотреблять словами Св. Писания и утверждать, что наказуемый — всегда праведник, а наказывающий — всегда грешник; иначе мы дойдем до полного абсурда, до того, что превратим разбойника с большой дороги в праведника, а его судью — в грешника. Необходимо заглянуть вглубь факта и разобраться в его причинах. Правительство боролось с циркумцеллионами и наказывало их не за их чисто религиозные убеждения (к которым оно относилось, к слову сказать, довольно терпимо, не раз даже давая донатистам легальные права), а за их нетерпимые ни в каком организованном государстве, чисто мятежные, насильнические действия, делавшие их вредными и опасными и политически. Разумеется, и православной партии карфагенской церкви не было никакой надобности не только защищать этих мятежников, но даже и сколько-нибудь солидаризироваться с ними. Наоборот, следовало активно от них отмежеваться и, подражая примеру самого Христа, взять бич и изгнать из церковной ограды торгующих почтенными именами христианства и монашества. Да не особенно далеко от этих воинов или, вернее, бандитов донатизма, уходили и те мнимые фанатики, а по существу дела, авантюристы первоначального донатизма, которые своим поведением намеренно раздражали власть и добивались тюрьмы и ссылки, сниская таким путем не только славу и почет, но и хорошее материальное обеспечение. Разумеется, и все эти и им подобные аферисты донатизма осуждены были, подобно неразумному евангельскому разбойнику, совершенно справедливо, ибо «достойное по делам своим восприяли». (Лук. XXIII. 41). И потому это ни в какую заслугу им, а тем более ни в какую вину другим — поставлено быть не может.

Что все, сказанное здесь в ответ донатистам, целиком должно быть отнесено и к нашим тихоновцам, — это едва ли нужно и доказывать. Ведь, и наши тихоновцы сколько-нибудь серьезно страдают только тогда, когда они уже слишком выявляют свою политическую, контр-революционную сущность — когда или заводят преступные связи с белогвардейской эмиграцией, или здесь открыто идут против декретов соввласти (декрет о гражданском браке и разводе, об изъятии церковных ценностей, об аннулировании юридической метрикации и т. п.). За одни же чисто церковные свои действия, неприкрывающие ничего иного, никто тихоновцев не гонит, и они недаром имеют господствующее положение даже в таких крупных центрах, как Москва и Киев. Лично мне известны, как раз примеры обратного порядка — когда тихоновцы, опираясь на содействие гражданской власти, сами гнали обновленцев и отбирали у них храмы, несмотря на сильное противодействие большинства прихожан-обновленцев. Ряд подобных случаев имел место в Краснодарской области, как в казацких станицах, так и в самом г. Краснодаре, в июле 1925 г., когда я читал там лекцию на летних церковно-богословских курсах. Так что подкреплять свою праведность мнимыми гонениями — прием типично раскольнический и объективно никуда негодный¹⁾.

Другое, еще более излюбленное донатистами оружие, которым они особенно часто и охотно пользовались в борьбе с православными «кафоликами», — это обвинение их в «без-

¹⁾ Да разве и сами-то тихоновцы не делаются лютыми гонителями обновленцев повсюду, где получали хотя малейшую к тому возможность? По логике тихоновцев выходит тогда большой конфуз — что они грешники, а обновленцы — праведники.

благодатности», а отсюда практика «перекрещивания» и «переосвящения» всех тех, кого кафолики крестили и посвящали в иерархические степени. Свою теорию о безблагодатности кафоликов донатисты обосновали так. Они пытались, сначала, на том же знаменитом карфагенском диспуте 411 г. поставить спорные вопросы о благодати на историческую почву и хотели доказать, что еп. православной стороны: Менсурий, Цецилиан и Феликс Аптунгский, рукополагавший Цецилиана, были традиторами, падшими, т.е. изменниками христианству и тем самым отсекали себя от церкви и церковной традиции — источника благодати. Если еп. Феликс — рассуждали донатисты — был безблагодатен, то он не мог сообщить благодати и своему ставленнику еп. Цецилиану, а значит и все действия этого последнего церковно ничтожны, т.е. безблагодатны.

Историческая почва оказалась, однако, слишком зыбкой и ненадежной для донатистов: получилось, скорее, даже противоположное положение — именно еп. Феликс специальным расследованием власти был оправдан от обвинения в предательстве. А вот собор нумидийских епископов, бывший в гор. Пирте 305 г., обнаружил целых семь их епископов, действительно, повинных в традиторстве. Тогда донатисты, спасая свое положение, перевели спор с исторической на догматическую почву и, исходя из идеи святости церкви, требовали самой суровой, ригористической дисциплины. В церкви, — говорили раскольники, — а тем более среди ее иерархии, не должно быть грешников, хотя бы и прощенных. А если таковые есть, то она будто бы уже не свята, т.е. неблагоприятна и не может сообщать благодати другим. Православные же еп. Карфагена, действительно, довольно снисходительно относились к падшим, но раскаявшимся грешникам и допускали их даже и до церковных степеней. Донатисты же резко против этого восставали и обвиняли церковь, принимающую грешников, в утрате святости и благодатной силы. Поэтому, они каждого такого кафолика приравнивали к язычнику и требовали повторения над ним хиротонии, если он был клириком, или крещения, если он был мирянином. На этом же основании донатисты глумились над священными дарами кафоликов, называя их «пищей демонов», переосвящали их храмы и совершали всевозможные иные кощунства, оправдывая свое поведение тем, что кафоликов-де все безблагодатно и ничто, а потому тут нет места никакому действительному поруганию святых.

Но и догматическая почва не спасла донатистов от сильной критики блаженного Августина. Он вскрыл основное заблуждение донатистов — что они смешивают церковь «земную, воинствующую» с церковью «небесной, торжествующей»; вернее, даже совершенно зачеркивают первую и признают только вторую. Но это — грубо ошибочно, противоречит не только логике истории, но и самому слову Божию, именно Господней притче о пшенице и плевелах, где Господин жатвы запретил преждевременно исторгать с поля плевелы, из опасения повредить и пшенице, и повелел отложить эту операцию до дня страшного суда. (Мф. XIII, 24—41). Да и апостол Павел справедливо укоряет всякого такого поспешного и самоуверенного судью: «Ты кто, судяй чуждому рабу твоему, своему Господеву стоит или падает». (Рим. XIV, 4). Никому из людей не дано безошибочно определять других, грешны они или праведны. Это дело сердцевода-Бога, который на своем страшном суде воздаст каждому по его делам. В земных же условиях бытия только соборному голосу всей церкви принадлежит власть судить и наказывать грешника; да и то не окончательно, не к смерти, а временно с целью его вразумления и исправления.

Отсюда блажен. Августин и другие православные полемисты переходили к обличению и еще одного важного заблуждения донатистов — к стремлению их как-бы замкнуться в своем тесном кругу и разорвать связь с остальной вселенской церковью. Исходя из основного понятия о единой святой, соборной и апостольской церкви, православная сторона требовала от донатистской, чтобы та предъявила им общительные грамоты от других частей вселенской церкви, в особенности же, от церквей с апостольскими кафедрами — коринфской, ефесской, антиохийской, александрийской, римской и др. И донатисты оказались совершенно безответны по этому важнейшему пункту, обнаруживши тем самым все свое локальное ничтожество и свою чисто раскольническую обособленность.

Нам нет надобности тратить много слов, чтобы доказать, что и здесь опять история поразительно повторяется. Ведь и у наших тихоновцев их главный довод против обновленцев — это обвинение последних в безблагодатности, со всеми вытекающими из него последствиями, до кощунственного глумления над святыми дарами (тот же и термин «пища демонов»), до переосвящения обновленческих храмов, до повторного совершения таинств крещения и священства над теми, кто раньше получил их от рук обновленческого духовенства. И опять та же самая, жалкая, чисто раскольническая мотивировка, такой нетерпимой тактики.. Это, прежде всего, историческая почва — что патриарх Тихон-де не сам оставил патриаршество, а его незаконно удалили с него. А когда эта почва ускользает из-под ног тихоновцев, и им предъявляют собственные резолюции и письма бывш. патриарха, то наши раскольники перекидываются на новую почву, только не догматическую, а каноническую. Именно, они прибегают к новоизмышленному ими, якобы каноническому требованию преемства власти и говорят, что это преемство обновленцами нарушено, т.к. они получили благословения от патр. Тихона на управление русской церковью и являются будто-бы узурпаторами ц. власти.

Но не говоря уже о том, что фактическая сторона дела и здесь сильно хромает (первое ВЦУ, как раз, получило благословляющую резолюцию патр. Тихона от 5 мая 1922 г.), само по себе это требование административного преемства власти не выдерживает никакой канонической критики. Как некогда донатисты спутали две церкви — воинствующую и торжествующую, и предикаты второй перенесли на первую, так и наши тихоновцы безнадежно смешали два преемства — преемство апостольской хиротонии с преемством административной власти, да еще в пределах одной только поместной русской церкви. Если это не злонамеренный подлог у тихоновцев, то такая непростительная грубая ошибка, которую трудно чем-либо и объяснить. Опровергнуть же ее, очень легко: достаточно только указать на недавний пример самого патр. Тихона, который получил свою московскую митрополичью кафедру с полным нарушением преемства власти, севши на живое место своего предшественника митр. Макария, снятого по приказу первого революц. обер-прокурора В. Львова. Митр. Макарий даже жаловался на все это собору 1917 г. Но председатель собора, тогда еще митр. Тихон, как лицо заинтересованное, не дал хода этой законной жалобе своего незадачливого конкурента. Так что и здесь тихоновская карта окончательно бита, и притом не кем иным, а самим патр. Тихоном).

Поэтому и все производные отсюда поклёпы тихоновцев на обновленцев, глумления над святыней их таинств, надругательство над чудотворными иконами, переосвящение храмов, повторные крещения и хиротонии — все эти и им подобные действия ничем церковно не могут быть оправданы и представляют сплошную демагогию, рассчитанную на запугивание темной, наивно-религиозной, но совершенно непросвещенной массы. Если древние донатисты могли прибегать к подобному приему, bona fide, т.е. по недоразумению, потому что тогда не было отчетливо разграничены понятия ересь и раскол; то теперь после того, как и на карфагенском соборе 411 г. и особенно на первых же вселенских соборах и святым Василием Великим все это было отчетливо выяснено и утверждено, — говорит теперь о безблагодатности раскольников и о полной ничтожности всех совершаемых ими таинств (даже и крещения), значит сознательно попирает каноны, не уважает голоса церковного предания, и учения вселенской церкви, от которой тихоновцы, как типичные раскольники, все больше и больше откалываются, если не откололись уже окончательно.

Лучшим доказательством такого раскольнического разрыва тихоновцев с вселенской церковью является чисто местный характер тихоновщины, осуждаемой голосом вселенской церкви. Не только целый ряд следовавших друг за другом патриархов Константинопольских (Мелетий, Григорий, Кирилл, Василий), но и Иерусалимский патриарх Дамиан и Сербский Димитрий, и главы других автокефальных церквей давно уже признали обновленческие синоды и состоят с ними в дружественных и живых сношениях, чем, хотя и косвенно,

¹⁾ Более обстоятельно и подробно разъяснено все это в прекрасной специальной статье проф. Н. Г. Попова: „По поводу толков о самочинности, и о безблагодатности нового церков. управления“ Вестн. Св. Синода 1926 г., и отдельно.

но все же достаточно выразительно подчеркивается непризнание и даже молчаливое осуждение ими тихоновщины. Да даже не всегда и молчаливое, если припомним, как покойный константинопольский патриарх Григорий VII обращался с открытым братским посланием к б. патр. Тихону, умоляя его отойти от патриаршества и тем самым погасить церковный мятеж. Но ни сам Тихон, ни его приверженцы не вняли этому мудрому совету, и даже встали в позу оскорбленной невинности и ответили довольно дерзким письмом старцу-миротворцу. Если это и не формальный еще разрыв со вселенской церковью, то, во всяком случае, серьезное нарушение братского общения с ней. А между тем, говоря совершенно беспристрастно, кому бы еще, как не матери нашей—церкви константинопольской быть, так сказать, супер-арбитром, в церковной тяжбе двух расколовшихся частей русской церкви?

И обновленцы, дело которых правое, не боятся этого суда и охотно на него идут; а вот тихоновцы, которые очевидно не чувствуют за собой подобной правоты, не идут на такой суд и всячески уклоняются от него. Это—верный признак раскола, который боится осуждения, а потому разрывает связь со вселенской церковью и горделиво замыкается в самом себе. Любопытную параллель в этом отношении представляют тихоновцы, украинские самосвяты-липовцы, которые по тем же мотивам изолированы и самозамкнуты.

Удивительно сходна и еще одна характерная черта обоих расколов—это, отношение их к церковным соборам. Первоначально донатисты усиленно добивались соборов, надеясь таким путем восторжествовать над кафоликами. По их желанию и просьбе, был устроен целый ряд соборов (Карфаген, Рим, Арлес), которые однако, не оправдали донатистов, но, наоборот, осудили их. Тогда донатисты круто меняют фронт, и уже не признают никаких соборов и отказываются идти на них. До каких курьезов доходило это уклонение, можно видеть, например, из такого факта, сообщаемого бл. Августином, что когда одного донатистского епископа позвали на собор, то он сначала бросился в воду; а когда его извели оттуда, то постарался так упасть, что расшибся и был неспособен двигаться. И только лишь категорический приказ императора Гонория в 410 г. обеспечил устройство диспута-собора православных с донатистами в 411 г. и закрепил победу первых.

Не тоже ли самое произошло и с нашими староцерковниками тихоновцами? Ведь, первоначально партия старины была и у нас поклонницей соборного начала, и очень энергично ратовала на соборе 1917 г. за восстановление патриаршества. Шли они и на собор 1923 г., надеясь и там выручить своего ставленника патр. Тихона и вернуть его к власти. Но

когда результат московского собора 1923 г. оказался совершенно обратным, то староцерковники от него отвернулись и повели даже яркую борьбу против него. А когда, вскоре после того, состоялся возврат Тихона к свободе и власти, помимо собора и без него, то тихоновцам соборы и вообще стали не нужны. Наоборот, даже они стали бояться соборов, как справедливого суда над ними. Вот, почему наши раскольники тихоновцы такие ярые противники всех последних русских поместных соборов (двух московских 1923 г. и 1925 г., харьковского 1925 г. белорусского 1926 г.), хотя соборы эти были вполне правильны и каноничны и признаны самими авторитетными голосами восточной церкви.

Тихоновцы в своей соборно-боязни идут еще дальше: они не хотят и предстоящего вселенского собора, справедливо опасаясь своего осуждения на нем. В числе тех препятствий, которые до сих пор тормозят созыв вселенского собора, работа заграничной тихоновщины занимает далеко не последнее место. И это совершенно понятно, так как вселенский собор для раскольников—настоящая их смерть, которую они и пытаются всячески оттянуть.

В заключение всего, укажем и еще на одну типичную черту сходства донатистов с тихоновцами,—это на их внутреннее разложение и деление на различные партии. Поскольку дрожжами каждого раскола являются личности отдельных честолюбцев, то в расколах, обычно появляется несколько таких честолюбцев, которые вступают во взаимную борьбу и раздирают раскол на партии, называемые или по именам своих вожаков, или по предметам их спора. Так и донатизм довольно рано раскололся на множество партий: донатисты, тихоновцы, рогатисты, урбанисты, клавдианисты, максимианиты, парменианиты и т. п.

Процесс подобного же распада начался и в недрах нашей тихоновщины, где уже сейчас различаются партии: Петра Крутицкого, Сергея Старогородского, Агафангела, ВВЦС, Иоанникия, Онуфрия и т. п.

Тогда как наоборот, в среде обновленцев идет оздоровительный процесс все большего и большего объединения, вокруг своих соборов и законно избранных на них священных синодов.

Такова, в общих чертах, глубоко поучительная картина поразительного сходства между северо-африканской церковью IV в. и нашей современной русской церковью. Заглянувши в это историческое зеркало, только разве слепец не увидит, где же у нас подлинное православие и где типичный церковный раскол, давно уже осужденный церковью, в лице его исторического прототипа.

Проф. А. Покровский.

„О положении белого духовенства“.

(Заслуги белого духовенства русской церкви).

На предложенную мне тему буду смотреть исключительно с точки зрения истории и особое внимание обращу на заслуги белого духовенства в Русской Православной Церкви.

При этом замечу: по данному вопросу в русской литературе нет обстоятельных трудов в виде диссертаций или книг, кроме некоторых отдельных журнальных статей, и то представляющих собою какие то отрывки из Церковной Истории.

В трудах по Русской Церковной Истории говорится о белом духовенстве лишь между прочим. Все внимание историков до сих пор обращено было на деятельность иерархов и лиц монашествующих. Архивы духовных консисторий и синодальных контор, где хранится весь материал о белом духовенстве—то же не разработаны, а, может быть, после революции 1917 г., их теперь и не найдешь. Нет сведений и о том, существуют ли архивы отдельных церквей.

Но, прежде чем приступить к исследованию данного вопроса, считаю необходимым сказать несколько слов по поводу того, когда вообще пресвитеры (священники) появились в церкви Христовой, каково было их назначение и положение в древней и апостольской церкви.

Пресвитеры были поставлены св. Апостолами почти в одно время с епископами. Служение пресвитеров было так высоко, что епископы считали за честь называться также пресвитерами. Во время служения с епископами пресвитеры при-

чащали народ, а вне церкви были судьями верующих. Епископы и пресвитеры совместно заведывали церковным имуществом. Пресвитеры служили в белых одеждах. По возрасту это были старцы. Когда посвящали во епископы, старший из пресвитеров возлагал руки на главу посвященного и читал молитву, если не было епископа-старца.

Когда пресвитер стоял, епископ не имел права сидеть.

С течением времени в Восточно-греческой церкви власть епископа (особенно из царского рода и т. п.) возросла настолько, что пресвитеры превратились в простых требоисправителей. Именно в таком положении были в Греции пресвитеры, когда князь Владимир принял христианство.

Когда и как появились пресвитеры в Русской Церкви?

Иереи в русской земле были и до кн. Владимира. Это доказывает то, что на могиле кн. Аскольда, после его смерти, была построена церковь св. Николая; при Игоре существовала в Киеве даже Соборная церковь прор. Илии. Известно и то, что кн. Ольгу сопровождал в Константинополь перей Григорий. Приняв христианство, кн. Ольга крестила и детей сына своего Святослава.

Но все эти иереи были греки или болгары.

Первым пресвитером из русских был в древней Руси св. Илларион (11 в.).

О жизни его летописи сообщают следующее:

Он был пресвитером (старейшиной) в селе Берестове—при Ярославле, он написал знаменитое слово «О законе и благодати».

По примеру св. Иллариона, его преемники иереи постоянно жили в своих приходах, были живыми примерами веры и благочестия. Иереи учились в школах, открытых кн. Владимиром и Ярославом. Потом сами открывали школы для народа и преподавали в них. Особенно трудно было им бороться с язычеством.

Нужно было считаться с ересью богомилов (последние отрицали иерархию, обряды; проповедовали гностический дуализм).

С 12 века духовенство участвовало в избрании епископов. Епископы из монахов обращались с иереями очень плохо. Так, в 1159 г. ростовцы выгнали еп. Леона за то, что он грабил попов.

Иереи выбирались приходскими общинами. Это давало поводы злоупотреблять некоторым светским лицам. Они обучали своих рабов грамоте. Потом приводили их к епископу для поставления во священство и после спекулировали их саном.

Духовенство содержалось, главным образом, пожертвованиями за требы. В церквях княжеской постройки им кое-что уделяли «старосты», наблюдавшие за весами в притворе церкви, некоторым приходили на помощь братства. В общем содержание было скудное.

Уставы князей утверждали за духовенством свободу от мирского суда, службы и податей, но епископы от своих поборов (за ставл. грамоты) не освобождали белое духовенство. Священника, благословившего 3-й брак, извергали из сана, ибо 3-й брак монахи признавали блудом.

Монахи требовали, было, чтобы воспретить иереям причащать женщин после родов даже тогда, когда она умирает. Однако, еп. Нифонт был против такого жестокого рвения монахов унижить женщину.

За XI—XIII в. летописцы, говоря о духовенстве, подчеркивают и то обстоятельство, что за это время многие из духовных лиц были «хитры книгами и ученью». Впрочем, встречаем о духовенстве указанный период и другие отзывы.

За 2-ую половину 13 в. и 14 в. сохранилось очень мало сведений о белом духовенстве. И это потому, что в это печальное лихолетие Русь подвергалась нашествию монголов. Церкви, монастыри и библиотеки были ими уничтожены, или разорены. Духовенство почти стало безграмотно.

Однако, 14 в. выдвинул перед нами такого деятеля, как священник Митяй (Михаил). Историки в таких штрихах описывают эту личность: «Митяй был человек видной наружности, с громкой речью, хорошо толковавший силу княжью, знавший все старинные повести, книги и притчи, рассуждавший красноречиво во всех судах и делах». Монахи так не любили Митяя, что когда в. кн. Димитрий выдвинул его на пост Митрополита Московского, то они молили Бога спасти от него церковь русскую.

В 14 в. появилась и ересь «стригольников». Карп-стригольник и диакон Никита стояли во главе ее. Это была оппозиция против обычной платить деньги иерархам за ставленные грамоты. Далее стригольники отрицали иерархию, монашество и проч. духовенство, которое за плату получало себе сан. Затем отрицали таинства и обряды.

С появлением у нас митрополитов низшее духовенство платило налоги и митрополиту и епископу. Можно сказать, в отношении к архиереям белое духовенство стало «тяглым классом», было обложено разными сборами и повинностями. Иногда священники силой отбивались от архиерейских сборщиков и служителей, в чем им помогали и прихожане.

В 1274 г. Владимирский Собор постановил: 1) не ставить попов за мзду; 2) не посылать их на жатву и сенокос, если у них нет грошей заплатить за поставление и 3) строго испытывать их жизнь и грамотность пред поставлением. С этого времени соборное духовенство, как более развитое, поставлено было жизнью и обществом выше других.

Исходя из простого народа, плохо обеспеченное, едва грамотное духовенство 13 и 14 в. в. мало отличалось от своей паствы; часто страдало теми же пороками, как и простонародье. Поэтому митрополиты Петр и Фотий нашли нужным

запретить священнослужение вдовым священникам и диаконам, которые, вероятно, грешили больше других.

Но монахам в 13 и 14 в. в. жилось гораздо лучше белого духовенства.

Отметим еще одну особенность в жизни белого духовенства этого времени: монахам было запрещено венчать, а белому духовенству постригать в монахи (Владимирский Собор).

К 15 веку жизнь белого духовенства сложилось таким образом, что оно везде избиралось, став вполне выборным. По своему развитию оно было ниже монахов, которые занимали иерархические должности. Но оно было свое родное—по духу, а не византийское, польское или болгарское. Русское духовенство жило с народом, и в народе. Скорби, нужды народа, были тем же и для духовенства. Оно оберегало семью, охраняло детей, звало к уважению женщины-матери.

В это время монашество хромало на два колена. С одной стороны, ему нужно было ухаживать за князьями, так как от них зависело их содержание, процветание обители и преумножение «вотчин», с другой — митрополиты ставились в Константинополе. Поэтому они пели «приидите поклонимся» и Константинопольскому Патриарху.

В это время с точки зрения монахов, женщина была зло, искушение, соблазн. И сами в это же время устраивали почти совместные монастыри мужские и женские, отгороженные друг от друга забором. Власть князя усилилась. Этому содействовали монахи. От этого значение митрополитов постепенно слабело. Наконец, с митр. Ионы русские митрополиты по желанию князей перестали подчиняться византийской власти. Князь стал их главой. Это поучительно.

Конец 15 в. и 16 в. подарили нам уже таких выдающихся пресвитеров—каковы были Сильверст и свящ. Скрипица. Свящ. Сильверст, вместе с митр. Макарием, был руководителем «Стоглавого Собора». Он написал выдающееся в свое время сочинение «Домострой». В нем о. Сильвестр всеми мерами желает облагородить семью и приблизить ее к Евангелию. «Мужу на жену гневаться не следует, равно и жене на мужа, а всегда жить им в любви и чистосердечии». «Если мужу, со скорбью говорит он, нужно будет наказать жену, то это наказание соединить с любовью».

Представленная в «Домострое» картина семейной жизни отличается идеальным характером сравнительно с тем, что происходило кругом. Женщину били, чем попало. Ей наносили удары в лицо, по глазам, по ушам и били ногами в живот. Обнаженную секли розгами. Это—влияние татарщины. Ясно, семейная жизнь была вне истинного нравственного евангельского идеала. В обществе оставался один только аскетический нравственный идеал, который, не имея себе противовеса, естественно, доходил даже до отрицания семейной жизни. Поэтому распространилось мнение, что человек «с женой и чады живущие, не может спастись». И в это же время монахи допускали свободный вход женщинам в монастыри (Знаменский, 157 и 165).

Нравственный уровень русских людей был ниже критики. Иностранцы заметили в русских того времени слабость чувства чести, ложь, обманы. Грозный, лаская немцев, говорил им: «мои русские все воры».

Тогда же «Стоглавый Собор» и все современные моралисты вооружились против пьянства. По описанию названного собора, свадебный поезд совершался пьяной и шумной толпой с дудками, бубнами, а впереди ехал верхом священник, которого тоже предварительно напавали вином. Еще в 14 в. в посланиях епископов говорится: «если пригласите чернеца или попа, при угощении более трех чаш не нудьте, но дайте ему волю, если сам упьется, сам ответ даст за то».

Живой проповеди в церквях не было.

Среди духовенства 15 и 16 в., кроме Сильверста, как звезда на темном небе, выдвигался свящ. Скрипица (Ростовский).

В 1503 г. (на соборе) он поднял два вопроса: во-первых, Скрипица говорил: «Господа священноначальники. Неблаго-словно надсматриваете над верными людьми... Надзираете церковь по царскому чину земного царя боярами, дворецкими, надельщиками, подводчиками для своих прибытков, а не по достоинству святительскому. Вам достоит пасти церковь священниками благоразумными, а не мирским воинством».

Во-вторых, когда на соборе 1503 г. поднят был вопрос о том, чтобы всех вдовых священников и диаконов постри-

гать в монахи, дабы «нужно навести их на страх Божий», — Скрипица протестовал против такого насилия и против того, что им было запрещено богослужение. «Пусть, писал он, подвергаются те, которые не хранят своего вдовства. Зачем без вины осуждать всех? Правильно ли, что вдовый священник, постригшись, может служить. Который поп имеет жену, — чист, а не имеет жены, — не чист, а чернец, не имея жены, чист. И вы, господа мои, которых прозрели духом чистых и нечистых?» Протест остался без успеха.

Епископы-монахи развели так много иереев, чтобы побольше иметь с них доходов, что они даже целыми сотнями превышали число приходов. Отсюда образовались «бродячие попы» по городам и селениям и в Москве «крестовые».

Помимо этого, монастыри выпустили в приходы «черных попов», так называли тогда иеремонахов, которые и занимали лучшие места.

Нравственный уровень белого духовенства постепенно падал, и умственное развитие его было ничтожно. По словам иностранца Флетчера, образование духовенства не простиралось дальше умения читать и петь (Знамен, 195). И в то же время «Стоглав» предписал всем иереям при церквях иметь «добрые школы». Большинство духовных лиц по силе и возможности исполняло свой долг.

Естественно, что в это время могли появиться ереси жидовствующих (XV в.), Бахшина и Косого (XVI в.).

Они еще раз подрывали авторитет монашества. Этому также содействовали споры монахов: Нила Сорского, Иосифа Волок., Вассиана, Максима Грека и др. относительно имений монахов и монастырской жизни.

Переходим к 17 веку.

В это время появились уже такие даровитые и образованные пресвитеры, как Никон и Гермоген, которые потом были Патриархами.

Помимо их были выдающимися деятелями благовещ. протоп. Стефан Вонифатьев, ключарь Успенского собора, прот. Иоанн Неронов, Благовещ. диакон Феодор; протопопы Аввакум из Юрьева, Логгин из Муром, Даниил из Костромы; священник из Суздаля; Лазарь Романовский и др. Это были деятели при печатном дворе, для исправления богослужебных книг.

Тогда же выдвинулись среди других, как ученые, — Благовещ. прот. Никита, прот. Иван Наседко и Черниговский прот. Мих. Рогов в своих спорах с протестантами.

Ученые справщики сделали все, что было можно, для исправления книг при тогдашних домашних средствах образования и, разумеется, считали свое дело совершенным. Душею их были свящ. Никита (потом патриарх Никон). В начале они работали дружно. У них было одно русское тело, один русский дух и одно самобытное русское самосознание. Правда, потом они разошлись в воззрениях на методы исправления богослужебных книг; одни стояли за то, чтобы исправлялись книги по древним рукописям (Никон), другие (Аввакум и пр.) требовали исправления книг по старым славянским рукописям. Отсюда образовался раскол.

Раскол отделился от Церкви не вследствие движения в какую-нибудь сторону от течения общей исторической жизни церкви, а именно, вследствие своей косности, неспособности следовать за жизнью церкви.

В патриарший период времени некоторые русские иереи образовали миссию в Китае и целый русский поселок около Пекина. Это случилось потому, что в 1689 г. весь Амурский край был уступлен Китаю.

В то же время были посланы миссионеры-иереи и в Грузию. Царь Иверский, Александр, писал, что русские священники, посланные к нему, ангелы для иверского духовенства, омраченного невежеством. В 1637 г. из России (к Теймуразу), для исправления православия были отправлены в Грузию еще 2 священника, диаконы и 2 иконописца.

Но и в патриаршее время белое духовенство жило материально плохо. Один русский священник писал в своей челобитной к Лже-Дмитрию I-му, что у него «заводцу нет, ни хлеба, ни клячи», — просил дать ему что-нибудь. Самозванец подарил ему 2 рубля.

На 400 душ прихода приходилось иногда до 7 священников и до 50 причетников. Хороших иереев мало ценили; брали тех, которые соглашались служить подешевле.

Число бродячего духовенства все возрастало.

Какое печальное положение создалось в указанное время для духовенства, видно из того, что казаки Стеньки Разина (1668—1671 г.), и сам он не щадили ни церквей, ни священников.

Разин самолично венчал своих казаков с женщинами и при том у дуба по-язычески, «Венчали у ели, а черти пели».

Были дворяне, которые позволяли себе трясти священника за бороду, волочить его по земле в ризах, проливать у него святые дары и делать другие неистовства.

В Сибири к царским правителям белое духовенство относилось с трепетом.

Укажем такой факт. Например, Ангазейский воевода Кокорев имел обычай, когда он пойдет в баню, то все горожане и духовенство должны были явиться перед баней и бить ему челом. Нужно удивляться, что духовные лица могли в это время нести пастырские обязанности и учить народ в школах, хотя и плохих. Других то и не было.

Положение белого духовенства в 18 в. яркими красками обрисовал крестьянин Посошков.

«Священники, говорит он, от пахотных мужиков ни чем не были отмечены; мужик за соху и поп за соху; мужик за косу и поп за косу. Понеже, аще пашни ему не пахать, то голодну быть; где было идти в церковь на славословие Божие, а поп пойдет с мужиками овины сушить; где было обедню служить, а поп пойдет с причетниками хлеб молотить, а паства духовная остается в стороне».

«Чем им питаться, Бог весть...».

«Иной пресвитер возложит на себя одежду златотканную (из церкви), и на ногах лапти растоптанные... и кафтан нижний весь гнусен».

В то же время поборы с белого духовенства еще больше увеличились. С него стали собирать платежи на школы, богадельни и на жалованье вновь явившемуся военному духовенству, даже собирали на драгунских лошадей, «на канальное дело, городовое строение, кирпичное дело, известковое жжение» и т. д. К этому летописи добавляют: «помещики били своих попов, дубиною мученически». Заступиться за духовенство было некому.

Архиереи-монахи думали больше всего о себе и о монастырях, да они были и бессильны бороться с дворянами. У правительства же были фаворитами почти одни монахи. (Такие были даже при Елизавете).

Появились законы, которые обязывали священников быть доносителями «о замыслах против правительства, говорилось о насильственности духовного звания» (Знаменский).

В казармах каторжан были нередки такие случаи. Полночь. Священника приглашают в каторжный двор. Пред ним умирающий от пыток. Священник сказал ему слово утешения и сочувствия. В казармах у стены были уши... После исповеди и священника предавали пыткам.

Тем не менее история отмечает нам, что и в это время были выдающиеся пастыри церкви из белого духовенства. Таким был ключарь Феодор (в г. Казань), который обратил в христианство до 3.680 иноверцев; в Якутской области, как миссионер, много потрудился свящ. Ермолай Иванов (крестил 878 душ); придворный проповедник (при Елизавете) диакон Стефан Савицкий и др..

Во 2-й половине 18 в. мы видим в русско-православном духовенстве даже более крупные единицы, чем вышеупомянутые. К ним прежде других относится протопресвитер и духовник Александра I Сергей Феодоров Краснопевцев. Он оставил после себя две книги: а) «Изяснение послания Ап. Павла к Римлянам» и б) «Круг хозяйственных сведений».

2) Придворный протоиерей Иоанн Иоаннович Красовский. Это был знаток греческого языка и богословия. Он написал очень много трудов по богословию «О предельности мира»; 6 томов катехическ. толкований; о неподложности. Флавиева свидетельства об Иисусе Христа и др. Кроме того, он написал несколько капитальных сочинений по классической литературе, за что был избран членом Российской Академии.

3) Андрей Самборский был священником при посольской церкви в Лондоне. Он так хорошо знал английский язык, что даже был преподавателем этого языка великим князьям Александру и Константину Павловичам. Специалист по земледелию. Написал капитальное сочинение под заглавием «Описание практического английского земледелия».

4) Обер-священник армии и флота Иоанн Семенович Державин.

Последний известен был, как поэт. Он первый и последний осмелился написать Синоду о митропол. Филарете Московском, что его (Филарета) замечания на перевод арх. Феофилакта книги Ансильона «Эстетические рассуждения» состояли из одних слов без соображения с связью (полного) смысла и вообще слабы и неудовлетворительны.

5) Матфей Десницкий, придворный священник. Получил образование в духовной семинарии и в филологической семинарии. Отлично знал французский и немецкий языки. После него осталось много богословских сочинений «О воскресении мертвых, беседы о покаянии и др.». При конце жизни был митрополитом С.-Петербургским с именем Михаила.

6) Онисим Боровик, придворный священник (Онисифор, еп. Екатеринославский). Это был человек образованный. Но больше всего прославился своею благотворительностью (по субботам оделял нищих и убогих деньгами). Затем молитва составляла жизнь его сердца; и слово Божие было незаходимым светом его души. Днем и ночью он подолгу преклонял свои колена перед Богом и проливал слезы умиления, просил Господа о своем спасении и спасения его паствы.

7) Иоанн Павинский, С.-Петербургский протоиерей — славился как большой оратор. Переводил богословские сочинения с иностранных языков на русский.

8) Евфимий Алексеевич Болховитинов, прот. гор. Павловска — впоследствии Евгений, митрополит Киевский. Родился в Воронеже, 18 декабря, 1767 г. Учился в Московской Духовной Академии и слушал лекции в Московском Университете. Написал массу литературных трудов по богословским наукам и светским. Его выдающимися трудами являются для нас «История Российской Иерархии» и «Историческое изображение Грузии». Был почетным членом Академии Наук и Университетов русских и заграничных.

Богословие, философия, новые языки, статистика, законоведение, география, словестность поэзия, отчасти теория музыки и естествоведение — все это было предметом знания Болховитинова.

Вот каких пастырей дал нам 18 век.

Далее, мы остановим свой взгляд на белом духовенстве 19 и 20 вв. В это время белое духовенство разом стало неузнаваемым. В умственном и нравственном отношении оно сделалось далеко выше монашеского. Это объясняется тем, что для духовенства были открыты низшие, средние и высшие школы, т.-е. духовные училища, семинарии и академии. Стали принимать детей духовных лиц и в Университеты. Духовенство начало чувствовать себя сносно и в материальном отношении, потому что причты были наделены участками земли. Со времени Императора Павла 1-го (1796—1801 гг.) духовенство освобождено было и от телесных наказаний.

Начиная с 19 ст. мы видим, что стало так много лиц ученых из белого духовенства, что их и перечислить трудно. Отметим выдающихся из них. К числу последних прежде всего следует отнести прот. Герасима Петров. Павского. Это был профессор богослов. и евр. языка в С.-Петерб. Университете; пересмотрел и исправил переводы новозаветных книг и ветхозаветных до Кн. Царств, перевел остальные книги Ветхого завета.

Затем следуют такие выдающиеся имена, как профессор С.-Петербургского Университета прот. Горчаков — известный канонист; профессор философии в Московской Духовной Академии Феодор Александрович Голубинский; Ректор Московской Академии прот. А. В. Горский — историк, канонист и богослов.

Профессор прот. Лебедев — историк и археолог.

Профессор Московского Университета прот. Н. Н. Боголюбский.

Профессор Томского Университета — прот. Галахов.

Профессор Киевского Университета — прот. Светлов.

Профессор Харьковского Университета — Буткевич.

Профессор С.-Петербургского Политехнического Института — Григор. Петров, наконец, профессор и ректор С.-Петербургской Духовной Академии Иоанн Леонтьев-Янышев.

Укажу на выдающихся простых протоиереев.

Между ними видим Ключарева, Род. Путятину, Иоанна Сергеева-Кронштадского и многих других.

Прот. Попов (его популярный курс богословия). Миссионер: прот. Иоанн Вениаминов (потом Иннокентий, Митрополит Московский) в Сибири и др.

Лучшие епископы были из вдовых иереев. Мы можем судить об этом по экзархам Грузии. Из экзархов, которых я лично знал, только 4 были монахи (арх. Павел, Николай, митр. Флавиан и Питирим). Остальные 8 экзархов были из вдовых священников (м. Палладий, Владимир, Кирилл и м. Платон; арх., Никон, Алексей 1, Алексей 2 и Иннокентий).

Особенно неузнаваемо стало сельское духовенство. Благодаря тому, что до 60-х годов в семинариях преподавали не только богословские предметы, но проходили фельдшерские курсы и сельское хозяйство, они являлись у крестьян не исключительно лишь проповедниками слова Божия, а также фельдшерами, учителями по агрономии. Многие из них были лучшими пчеловодами. В то же время они бесплатно учили народ грамоте, доставляли правительству статистические сведения о родившихся, умерших, вступивших в брак; о болезнях, физических явлениях и т. п.

С 60-х годов (19 в.) духовенство принимало все возможные меры к открытию для нужд народа школ по приходам — как земских, так и церковных.

Особую услугу оказало духовенство крестьянам, когда они получили свободу от барщины.

Еще знаменитый прот. Сильвестр, бывший в 16 в. священником в г. Москве, в своем «Домострое» говорит: «работников своих я всех освободил и наделил; иных выкупил из рабства и на свободу пустил. И все работные наши свободны и добрыми живут и молят за нас Бога и доброхотствуют всегда».

С тех пор идеал белого духовенства — дать крестьянину свободу гражданскую, не умирал, а ждал своего осуществления.

В 60-х годах, наконец, такая свобода была дана.

После манифеста 19 февраля 1861 года прот. А. Ключарев (Московский) дает такие христианские советы крестьянам, вышедшим из крепостной зависимости: он внушает им терпение, в ожидании полного осуществления реформы и устройства быта освобожденных; разъясняет их долг в отношении отечества; обязанности религиозно-нравственные; делает предостережения от неумелого пользования свободой и т. п.

Ему подражали др. городские священники.

Что касается сельских священников, то они постоянно говорили крестьянам и дворовым людям, чтобы последние окончательно отошли от помещиков, поскорее выкупили у них через оброки землю, не оставались у них (как поступили некоторые дворовые) и не ждали от них дарственных земель. Точно также при сооружении железных дорог сельские иереев уговаривали народ не препятствовать этому доброму делу и уступить земли под постройку дороги по сходной цене, а под вокзалы, если возможно, то даром.

Таким образом, белое духовенство за несколько столетий определило даже таких мыслителей, каким был Ильич (Ленин) по вопросу об освобождении крестьян от барщины.

Помимо оказанного, в селе священники были нравственными мировыми судьями во всех печальных обстоятельствах в жизни прихожан. Словом, с паствою они делили горе и радость. Частенько у себя в доме иереев воспитывали сирот; при церквях, в их оградах устраивали богадельни для убогих и безродных стариков и идиотов.

Чем занималось православное духовенство в 19 и 20 столетия, хорошо обрисовали в своих рассказах — Ливанов: «сельский священник» проф. Григорий Петров: «маленькая церковь (по столам Христа)».

С названными произведениями указанных авторов стоит познакомиться каждому православному христианину.

Но и в 19 и 20 вв. большинство архиереев-монахов принимали меры, чтобы постоянно тормозить дело служения белого духовенства Богу, церкви и народу.

Так, Митрополит Филарет шел вразрез с мнением белого духовенства относительно освобождения крестьян от рабства помещиков и отмены телесных наказаний. Вербовали из студентов академии-монахов; в них же превращали и вдовых иереев. С каким презрением епископы относились к бельцам, вот картинка из жизни Ирины, еп. Пензенского, а потом Тобольского.

В гор. Пензе, напр., он издал приказ, чтобы его водили в собор к службе под руки и непременно благочинные; у собора духовенство обязано было встретить его в облачениях даже в трескучие морозы. О себе он говорил: «где я, там все должно унижаться и падать ниц». Это был не архипастырь-христианин, а монах-атилла. Таких архиереев у нас на Руси было достаточно.

В заключение скажем несколько слов о трудах белого духовенства и во дни последней революции.

Оно не бежало за-границу, а осталось в народе и с народом. Не уклонилось от своего апостольского призвания. Оно непоколебимо стоит на Божественной страже.

Цель жизни духовенства в данное время—быть в добрых отношениях с гражданской и духовной властью, выявить православие делом в борьбе с современными сектантами и раскольниками.

Девизом жизни духовенства служат слова Христа: «По плодам узнаете дерево» и Ап. Павла: «Благочестие на все полезно». Мир и любовь стремится восстановить духовенство

в людях. С этой целью белое духовенство признает соборное синодальное управление, — заповеданное издревле Святыми Апостолами и христианской жизнью. Такое управление соответствует и современному государственному строю. Это вполне канонично.

По тернистому пути идет современное белое духовенство в достижении своих целей в деле духовного развития и спасения своей паствы. Оно твердо верует, что сила Божия и немощи совершается. Посему оно неуклонно шло и будет идти своей дорогой в исполнении Апостольского долга и нелицемерно служить Христу и Его Церкви не за страх, а за совесть.

«Не принужденно, но охотно, не для тнусной корысти, но из усердия; и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду».

«Бог нам прибежище и сила».

Протопресвитер А. Юницкий.

Каноны и церковная организация.

В вопросе о соборе, как и в вопросах по церковной реформе вообще на первую очередь должно быть поставлено выяснение принципов, на которых должны осуществляться реформы. В своем развитии Церковь (я буду говорить только о Церкви восточной) черпала нормы из трех источников: 1) из Писания, 2) постановлений соборов и правил апостольских (каноны) и 3) из распоряжений светской и церковной власти, не опирающихся на Писание и каноны и не имеющих канонического авторитета. Примерами действий этих трех факторов могут быть, напр., таинства и иерархия, имеющие прямое подтверждение в Писании, институт митрополитов и патриархов, брачное право, правила для монашествующих, основанные на канонах, хотя и не имеющие себе подтверждения в Писании; наконец, митры и другие награды, не имеющие никакого основания ни в Писании, ни в канонах, но подтвержденные особыми актами и указами духовного правительства.

Это многообразие источников церковного права чревато очень важными последствиями, между прочим, и в вопросе о церковных реформах. Наши церковные охранители взяли себе привычку апеллировать к канонам, но по странному недоразумению они не видят крайне неприятных последствий такой апелляции для них же.

Когда проснувшееся религиозное сознание потребовало от правящей Церкви оправдательных документов, Святейший Синод показал «книгу правил». Паспорт оказался чужим. В паспорте написано: диакониссы, а у православной Церкви пьяные дьячки; в паспорте ежегодные соборы, а у Синода — обер-прокурор; в книге правил — «аще кто епископ... некому от клира нуждающемуся не подаст потребного, да будет отлучен, закосневая же в том, да будет низвержен, яко убиваяй брата своего» (Ап. 59), а у Синода в послужном списке «голодающее духовенство», замерзающие псаломщики и т. д. И дальше все наоборот: и о мирских начальниках, и о перемене кафедры, и о монашествующих, которые у синодальной Церкви решительно не желают слушаться 4-го правила IV вселенского собора и, вместо поста и безмолвия, вмешиваются не только в церковные дела, но и в «народные управления».

Весь церковный строй оказался бы окончательно не соответствующим канонам. Если бы нашлась какая-нибудь внезапная власть, которая захотела бы применить к православной Церкви все каноны, такая власть оказалась бы в затруднительном положении: в Церкви не оказалось бы ни одного объекта, к которому можно было бы применить хотя один канон; епископы были бы отлучены и извергнуты из сана, и общение с ними было бы запрещено до самой смерти — за то, что они поставлены светской властью (Ап. 30) за перемену кафедры (Антиох. 14, 21; I Ник. 15), за несобирание соборов (7 собор, 6), за оставление нуждающихся клириков без помо-

щи (Ап. 59). Пресвитеры и диаконы были бы отлучены за взимание денег за требы (VI собора, 23) и за бесконечное количество других грехов, в роде устройства пиров (Лаод. 55), поручительства за кого-нибудь и т. д. Многие диаконы подвергнутся извержению, если их скажется в городе больше семи (Неокесс. 15); наконец, все миряне — прежде всего за нарушение 9-го апост. правила: «всех верных, входящих в церковь и писание слушающих, но не пребывающих в молитве и святом причащении до конца, яко безчинные творящих, отлучати подобает от общения церковного».

Если, наконец, оказался бы какой-нибудь пустынник, не подходящий ни под одно из этих правил, то он наверное был бы отлучен по 64 апостольскому правилу: «аще кто из клира усмотрен будет постящимся в день Господень... да будет извержен. Аще же мирянин, да будет отлучен».

Этот пример наглядно показывает, к каким нелепостям приводит буквальное применение канонов. Но, может быть, это оттого, что наш церковный строй уж слишком отделился от канонов и надо действительно начинать снова воздвигать внешнюю организацию церкви так, чтобы она совпала во всех своих частях с канонами?

Увы, это неисполнимо. Каноны, т. е. постановления св. вселенских соборов и девяти поместных, вместе с так называемыми правилами св. апостолов, представляют такую самопротиворечивую систему, вернее, хаос ничем не связанных правил, что строить какое-нибудь церковное общество на основании канонов невозможно. Выражение «канонический строй» — бессмыслица.

Мыслим ли церковный строй, где обязательным возрастом для диаконисс было бы 60 лет и 40, где епископы были бы женаты (ап. 5) и не смели бы изгонять от себя жены под видом благоговения, где категорически повелевалось бы возводимому в епископы постригать свою жену в отдаленном монастыре (VI вс. с. 43); где пресвитеры и диаконы женаты, и вместе с тем действует постановление «да пресвитеры и диаконы воздерживаются от жен, которых уже имеют: аще же не сотворят сего, да будут удалены от церковного чина» (Карф. 81); где в списке канонических книг числятся Климентовы послания (Ап. 85) и вместе с тем отвергаются (VI вс. с., 29), где считается святотатством низводить епископа на пресвитерскую степень (IV вс. с. 29) и где предписывается производить это святотатство как меру наказания (IV вс. с. 20); где строго предписывается собирать соборы два раза в год (Ант. 20; ап. 37; I Ник. 5; IV вс. с. 19), и где не менее строго предписывается делать то же, но один раз в год (VI вс. с. 8)?

Одновременно осуществить этот ряд взаимоисключающих друг друга правил нельзя. И понятно почему. «Книга правил» не свод законов, а сборник правил, частью действующих во всей Церкви, частью только в каких-нибудь африканских общинах третьего-четвертого века.

¹⁾ Восстановить уплату по рукописи.

Поэтому, рядом с правилами, в которых дышет евангельский дух (напр., пр. Карф. сообщ. о защите бедных от притеснений богатых), в канонах замечается множество правил или нелепых или прямо возмутительных. Как, по крайней мере, отнестись христианину к неоднократным запрещениям молиться вместе с отлученными? Или к правилу (Ап. 82), запрещающему возводить рабов в клир с согласия господ, потому что от сего происходит расстройство в «домах», т.е., иными словами, автором этого правила порядок в каком-нибудь рабовладельческом хозяйстве был дороже интересов Церкви. В этом роде правило 40 из 2 послания Вас. Вел.: «против воли господина своего предавшаяся мужу, блудодействует. Аще после сего по дозволению пользуется браком: то признается вступившей в супружество». Таким образом, воля господина заменяет здесь благословение Церкви. Таковы же все правила, продиктованные страхом пред иудейством и язычеством, или основанные на признании в женщине низшего существа (Лаод. 44), настоящая боязнь оскверниться от евреев и язычников, требования разрушать языческие храмы (Карф. 79, 95); все это идет вразрез с Евангелием, примером Христа и апостольской церкви.

Может быть выход из этих затруднений в том, что более поздние каноны упраздняют бывшие раньше. Но по самому свойству вечных священных и неизменных канонических правил категорически запрещающих такое изменение (напр., 2-е правило VI в. соб.); а затем, если каноны оказываются чем-то, с течением времени подлежащим отмене, то вся их авторитетность падает, и всякий волен по своему усмотрению считать одни каноны годными к действию, другие устаревшими. Практически, Церковь так и делала. Громко и назойливо крича о священных, неизменных и вечных канонах, синодальная церковь великолепно отменяла своей практикой большинство их, сохраняя неизменными только те, которыми можно удалять из церковной ограды все живое и поддерживать мертвое, отжившее.

Но откуда же у синодальной Церкви право распоряжаться соборными постановлениями? Права нет никакого, потому, что, если уж допустить отмену «вечных» канонических, то делать это могут только вселенские соборы.

Иерархия православной Церкви стоит перед дилеммой, оба решения которой губительны для нее. Или признать все каноны целиком и тогда объявить, что вся история и тепершнее существование Церкви есть нарушение канонических, или отказаться от них и остаться без всякой санкции, без всякого вселенского авторитета.

За последнее время в русской иерархии замечается некоторый психологический переворот. Из смиренных и покорных всякому человеческому начальству иерархи становятся воинственными и задорными. Результат ли это ослабления центральной власти (вспомним поведение Никона при мягком Алексее Михайловиче), или другие причины, но только мы имеем перед глазами целый ряд решительных действий правящей Церкви и служителей (преследование прогрессивных священников, поведение черносотенных епископов и священников) и не менее решительных заявлений. И действия и заявления совершаются в славу православной Церкви и часто под прикрытием канонических; на точном основании канонических лишены сана множество священников; во имя тех же канонических арх. Антоний изгоняет из церкви всех непокорных.

Строгие князья Церкви воображают или хотят вообразить, что они блюдут какой-то православный, канонический строй, где все санкционировано неоспоримым авторитетом канонических, где священная иерархия пасет благочестивое стадо и надежным жезлом отгоняет волков.

Ничего подобного нет на самом деле.

Здание церковное (в смысле внешней организации) разрушено, над всеми нами давно нет кровли храма и ограды крутом, и поэтому жуткое впечатление каких-то бредовых действий производят покушения иерархов кого-то изгонять из церковной ограды, отлучать, извергать.

«Ты говоришь, я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды, а не знаешь, что я несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг». Единственное спасение в возвращении к строго соборным началам церковного управления и церковного строительства!

А. Ельчанинов.

Из жизни московской богословской академии.

Московская Богословская Академия, впитавшая в себя немало живых сил Церкви, как в лице прежней профессуры Академической, так и многих стремившихся к Христову знанию юношей, к 4-летию своего существования стала не только рассадником богословски подготовленных и всесторонне развитых пастырей, но и источником живой мысли и живого дела. Так, еще с прошлого года, начавшиеся в среде студенчества доклады, диспуты и собеседования, за последнее время не только участились и приняли еще более серьезный характер — но стали интереснейшими религиозно-богословскими собраниями, на которых-то дебатировались вопросы церковно-общественной жизни, то провозглашались новые оригинальные мысли и раскрывались в новом освещении старые, уже известные истины. Участниками и основными докладчиками на всех этих воскресных собраниях «Содружества», — являются всегда сами же студенты, а их содокладчиками и оппонентами — присутствующие на этих собраниях профессора Академии, а также и члены Свящ. Синода, во главе с Высокопреосвященным Митрополитом Вениамином, Архиепископом Николаем Гдовским и целым рядом др. лиц.

Так одним из предшествующих докладов, вызвавшим оживленный обмен мнений со стороны проф. С. М. Зарина, протопресвитера П. Н. Красотина и присутствовавшего на собрании преосвященного Епископа Сергия, — был доклад студ. III курса М. Морозова на тему: «Может ли современное нам Богословие держаться прежнего взгляда на вечность мучений в связи с отменой Англиканской Церкви учения об аде». Не менее оживленно прошли также и два последующие доклада по вопросу о предоставлении прав женщине в Церкви. При чем в первый раз основной докладчицей была студентка

III к. П. Крамаренко и содокладчицей А. Жирнова, а на втором собрании студентка I к. — А. Тистрова, давшая всестороннее освещение вопроса о положении женщины в церкви.

«Я уверена, — говорила в заключение своего доклада А. Н. Тистрова, — что именно представители обновленческого движения, как наиболее передовые люди, не только не будут препятствовать женщине, но наоборот, всемерно помогать ей в ее стремлении начать церковно-общественную работу. Не тушить надо огонь, горящий в ее душе, а помогать ему разгораться в яркое пламя».

Попутно, как А. Н. Тистрова, так и А. П. Жирнова, высказали и ряд практических соображений относительно предоставления прав женщине в церкви. Так женщина-диаконалиса, по их мнению, должна быть человеком без семьи, так как апостол Павел определенно говорит, что «не замужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святой и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу» (I Кф. 7 гл.). Что это значит? Брак — это погоня за счастьем. В основе всякого брака лежит личное желание — быть счастливым. Поэтому диаконалиса ни в коем случае не должна быть связана семьей. Она в полном смысле этого слова должна иметь одну семью — это Церковь, у нее должны быть одни только близкие — это ищущие утешения. Она уже не та женщина, о которой мыслит обыденное представление, она во Христе (Посл. Гал. III, 28). И это не насилование природы, не лицемерие. Это внутренняя работа, работа, которую так высоко ставили наши подвижники и о которой так прекрасно сказал покойный митрополит Антонин, что это «самовыкорачивание из натуральных влечений, одухотворение вещества, преодоление инстинкта, метафизика, сверх-

естественность, подвиг»... «Око за око, — говорил он далее, — натурально. Не сделать зла врагу, преодолеть инстинкт —сверхестественно». Вот такой аскетизм, аскетизм духовный, не аскетизм тела, истязание его, а рост духовный, горение духа, углубление — и должно быть целью жизни тех, которые решатся всецело отдать себя на служение Церкви. При чем тот страх, который питают некоторые перед работой женщины в Церкви и рисуют картины, что семья рушится, мужья покинуты и т. д. Однако, много ли женщин пойдет на этот путь? Ведь та немаленькая армия мужчин-аскетов не разрушила же семейные устои, — так почему же все единицы из женщин, которые пойдут тем же путем, могут как-то повлиять на семейное счастье других... Надо дать нам свободу, проверить наши силы, произвести переоценку наших ценностей и тем самым предоставить женщине возможность исправить ошибку ее предков, путем самоотверженного служения в церкви Христовой»...

Выступавшие по этому докладу оппоненты также приветствовали предоставление прав женщине в Церкви, но в то же время большинство (ст. А. Самонов, Н. Сумароков, В. Лещенко и др.) указывали на прямую обязанность женщины в сфере материнства и воспитания подрастающего поколения с правом миссионерской и благовестнической деятельности. Другие уже отстаивали крайнюю точку зрения, вплоть до принципиального, на первых порах, предоставления женщине прав пресвитерш.

«У нас есть Марфы», говорил со своей стороны проф. Академии Ю. Ф. Геккер и должны быть Марии. Ведь подумайте, если бы вдруг снова сошел бы на землю Божественный Учитель, то разве бы Он, приглядевшись к окружающей нас действительности, не изгнал бы своим бичем всех тех, кто подчас в нетрезвом виде дотрагивается до святого престола и совершает величайшее таинство нашей Святой Православной Церкви — таинства Св. евхаристии, и разве бы Он не отвел на середину церкви какую-нибудь чистую сердцем женщину, по своей скромности забившуюся куда-нибудь в угол»...

Однако, сознавая справедливость некоторых высказанных положений, проф.-прот. П. Н. Красотин все же предупреждал присутствовавших от этих «благочестивых мечтаний». Ведь если бы, говорил он, все наши верующие стояли бы на таком именно умственном развитии, если бы все они держались таких чистых и возвышенных представлений, то я первый бы поднял руку за предоставление всевозможных прав женщине в церкви. Но при нашей косности и отсталости, не давшей нам даже возможности провести в жизнь, хотя бы новый стиль, можно ли рассчитывать на успех в деле предоставления прав женщине в Церкви. Я даже, более того, уверен, что какие бы мы им права ни предоставили, хотя бы самые минимальные и подчас уже фактически осуществляемые в церкви, то сами же женщины против этого восстанут. Нужно предварительно подготовить к этому сознание массы, не

столько теоретически, сколько примерным поведением самих же женщин-благовестниц, заручиться доверием верующих — и только тогда возможно рассчитывать на дальнейший успех дела.

То же самое говорил в своем слове проф. С. М. Зарин, давший, как специалист в области Нового Завета, весьма ценный разбор высказанных разнообразных воззрений по поводу слова ап. Павла «жены ваши в церквях, да молчат» (I. Кор. 14, 39). Попутно С. М. Зарин указал и на ряд других допущенных в обмене мнений неточностей, отметил необходимость считаться и конфессиональной точкой зрения при решении вопроса о служении женщины в церкви, но в конце-концов, вместе с владыкой Николаем Гдовским, все же признал возможным и даже необходимым предоставление некоторых прав женщине в церкви и ратовал за организацию при Академии специального кружка жен-благовестниц Правды Божией.

В заключение Высокопреосвященный Митрополит Вениамин Ленинградский приветствовал стремление женщин к служению их в Церкви, но в то же время призывал их быть осторожными и в особенности скромными по примеру вспоминаемой в тот день Приснодевы Марии. Что же касается предстоящей роли женщины в Церкви, то Высокопреосвященный Митрополит Вениамин вполне основательно указал на всю несправедливость упрека, будто церковь препятствовала женщине проявлять какую бы то ни было деятельность на благо и пользу Церкви Христовой. Наоборот, не говоря уже о сонме мучениц, из которых многие названы «равноапостольными» (женщинами), но даже вплоть до последнего времени, женщина имела возможность послужить делу распространения Христова учения. И, если мы имеем теперь не малую часть общества просвещенным и не мало среди них людей искренней и горячей веры, то в этом отношении мы во многом должны быть обязаны женщине, которая — то в лице матушек, а то в лице их дочерей и сестер с самозабвением отдавали себя в работу церковно-приходских школ. Правда, они не говорили о себе, они не носили какого-либо особого звания диаконов, но они бесстрашно исполняли то именно доброе, святое дело, которое должно быть совершаемо и современными женщинами»...

В результате всех этих высказанных точек зрения, в день Благовещения Пресвятой Богородицы при Московской Богословской Академии был организован небольшой кружок, поставивший своей главной целью — теоретическую разработку вопроса о предоставлении прав женщинам в Церкви с точки зрения истории и канонов, а также и практическое их осуществление в самом недалеком будущем, — что дало бы женщине возможность «быть не дилетанткой, а работницей в церкви и участвовать в молитвенном творчестве». Это стремление стало одним из девизов горящих Христовым духом женщин. И это, вполне нормальное и здоровое течение оформляется с особенною силою в Московской Богословской Академии.

МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ.

Типы современного сектантства.

(Из доклада на Всесоюзном Миссионерском Съезде 4 февраля 1927 г.).

Общая судьба религиозных движений всех времен та, что отторгнувшись от единства ортодоксальной Церкви и положившие в основу своей жизни крайний индивидуализм и рационализм, они начинают распадаться на мелкие толки, секты, разделяться по частным вопросам доктрины. Такова судьба и русских сект. Исходя из общего протеста против господствующей Церкви, в связи с государством уклонившейся от чистоты жизни первохристианства, усвоившей исторические наслоения, закрывавшие от мира подлинный лик Христов, царящий в Церкви, сектантство скоро же поделилось на многие отдельные секты. Определить число этих сект с точ-

ностью невозможно, потому что сектантство гибко, постоянно меняет свою физиономию, и при кажущемся сходстве, часто видимом тождестве секты, имеют тонкое, едва уловимое критическим взглядом, отличие.

Но в научных интересах, а также в интересах полемики с сектанством полезно было бы установить типы сектантства. Прошлое, прочно укрепившееся в богословской науке деление сект на рационалистические и мистические, должно быть в настоящее время оставлено, как устаревшее. Можно только отметить, что в некоторых сектах преобладают рацио-

чество действительно православием, конечно, очень серьезен. Православие. Последний вопрос о том, является ли обновленнистические элементы (не в строго научном, а в научно-богословском понимании термина «рационализм»), в некоторых этих элементов меньше, а в других — преобладают мистические элементы. Но во всех сектах мы можем установить смешение обоих элементов, поскольку сектанство всех течений проповедует принцип индивидуализма.

Возьмем так наз. «рационалистические» секты по прежней терминологии. Разве у них нет элементов чистого мистицизма? Не только есть, но как то удивительно непонятно они сплетаются с рационализмом. С чисто старообрядческим упорством отстаивая букву библии, предоставляя в то же время права каждому толковать библию, стремясь далее, в выработке точных исповеданий веры, — печатается исповедание веры Председателя Всемирного Союза Баптистов, в журнале «Баптист» за 1926—27 г., у Евангельских христиан, в № 6 журнала «Христианин», за 1924 г. и в календаре на 1927 г.). Эти секты в тоже время часто говорят и пишут о чудесах, новых пророчествах, новых откровениях. Особенно ярко сказывается это у т. н. «евангельских христиан», которые в настоящее время фабрикуют у себя праведников, каждый шаг жизни коих предусмотрен в Ветх. Завете (Проханов и его фотографии и с соответствующими комментариями в № 4 «Христианина», за 1926 г.), в каждом № журнала сообщают о чудесах, о непредусмотрен в Ветхом Завете (Проханов и его фотографии и с соответствующими комментариями в № 4 «Христианин», за 1925 г.), в каждом номере журнала сообщают о чудесах, о необходимости пророчеств, о равноценности внутреннего откровения с откровением внешним, записанным в библии, о внутреннем, мистическом, возрождении человека и т. п. Появление в среде рационалистических сект с мистическим уклоном также говорит о невозможности держаться прежней группировки сект. Возьмите, напр., пятидесятников — новую секту, распространяющуюся в среде баптизма и евангелизма. Стоя на общественном взгляде на спасение человека, сектанты по целым ночам «ревнуют» о том, чтобы Бог дал им Духа Святого, а последний — дар языков. Разве это не мистицизм чистейшей воды?

С другой стороны, и в строго мистических сектах мы видим элементы рационализма. Возьмите хотя бы хлыстов. Если им нужно пользоваться библией, они пользуются ею чисто по рационалистически, отличаясь от баптистов и евангелистов тем, что последние требуют буквализма в понимании библии, не прочь прибегнуть иногда и к приточному пониманию Писания, а хлысты стремятся всю библию понимать иносказательно. Но метод то ведь один. По внимательном изучении истории и вероучения главнейших сект, существующих в настоящее время в СССР, я полагаю возможным (хотя, конечно, и не совсем точно) установить 4 типа современного сектанства.

1. Секты евангельского направления: штундо-баптизм, евангелизм, пятидесятники и др. Типическими чертами их является учение о спасении человека через веру во Христа, учение о св. Писании, как единственном источнике вероучения, чисто протестантское понимание Церкви, отвержение обрядов, внешнего богочтения, призвания святых, — одним словом упрощение христианства, стремление реставрировать жизнь первохристиан, культ их и даже быт.

II. Секты библейско-эсхатологические: адвентисты, еговисты и др. Хотя и секты первой группы признают библию в целом, но они преимущественно внимание уделяют Новому Завету, в то время как эти секты главное внимание уделяют Ветхому Завету, его пророчествам, и стремятся соединить христианство с иудаизмом, первые — несо-

знательно, а вторые — намеренно. Отсюда — с у б б о т а и отвержение христианских праздников, отсюда синагогальные приемы проповеди, отсюда некоторые черты еврейского быта. Главное же, что выделяет эти секты из числа других, это болезненное увлечение пророчествами и, как вывод из этого, стремление каждый шаг в жизни человека истолковать как исполнение пророчеств. Отсюда до болезненности странное ожидание второго пришествия Спасителя. Сходясь в изложенном, эти секты в отношении одна к другой занимают непримиримую позицию, т. к. адвентисты в учении о спасении стоят на рационалистической точке зрения, в то время как еговисты представляют из себя явление, достойное внимания психиатров.

III. Секты толстовствующего направления: толстовство, молоканство, духоборство и т. д. Отличительными чертами этих сект является: отсутствие твердых и определенно-христианских понятий о Боге, о Иисусе Христе, стремление превратить религию только в мораль; отсюда переколка евангелия ножницами и методами толстовства; стремление во всей полноте одухотворить христианство: отсюда полное отрицание и тех остатков внешнего богочтения, обрядов «церковных установлений», какие сохранились у остальных сектантов (водного крещения и преломления хлебов); большое внимание уделяется переустройству политической и социально-экономической жизни на сектантских началах; толстовские принципы морали, особенно принцип «непротивленчества».

IV. Секты хлыстовского направления: хлысты, скопцы, новый израиль, иоанниты, малеванцы и многочисленные хлыстовские течения трезвеннического характера.

Отличительные черты этих сект: чрезмерное уважение и почтение к своим руководителям, основанное на учении о перевоплощении, дуализм в морали; лицемерие в отношении к православию; показное благочестие и стремление, — выдавая себя за православных, выделяться в самостоятельные общины и течения.

Конечно, такая группировка сект не будет полной, и исчерпывающей все секты. Найдутся секты, которые могут быть отнесены к двум из указанных групп. Но все таки нам кажется, что изучивший типические черты указанных мной 4 групп, легко будет разбираться в учении отдельных сект, а для полемики с ними это много облегчит дело.

В последнее время в сектанстве необходимо отметить два крупных явления.

Более крупные и жизненные секты стремятся к поглощению и объединению с собой мелких сект, сходного направления. Такое явление наблюдается в баптизме и молоканстве. Даже больше. Можно установить, что в настоящее время происходит борьба за преобладание между сектами евангельского направления и толстовствующими. Кто победит в этом соревновании, — сказать трудно.

С другой стороны за последние 10 лет мы видим 2 факта, когда сектанты почти всех течений объединились для защиты общих интересов сектанства. В 1919—20 г. они объединились для защиты своих привилегий по отбыванию воинской повинности, считали себя юридическим лицом и проводили мысль, что право экспертизы в Нарсудах при разборе дел об освобождении от воинской повинности принадлежит только Совету этого объединения. В конце 1925 г. они опять объединились, когда баптисты, евангелики, адвентисты, духоборы и молокане подписались под известным заявлением толстовца И. М. Трегубова в газете, «Безбожник» (№ 42—50) под заглавием: «социально-революционная роль русского сектантства».

Детальные вопросы о группировках сектантов будут разрешены на страницах журнала в следующих номерах.

Проф. В. Белоликов.

Миссионерско-обновленческие курсы.

(Вступительная лекция профессора С. М. Зарина в конспективном изложении).

Предметом наших занятий является вопрос об идеологии и обновленчества. Требуется несколько пояснить эту тему. Что такое идеология обновленчества? Есть ли это нечто, отличное от православия, или — совершенно тождественное с ним? И, в последнем случае, для чего же говорить особо об идеологии обновленчества, если это есть то же самое православие? Нас могут спросить, — почему мы посвящаем

указанному вопросу особое внимание, и не собираемся ли мы раскрывать все православие, а это для нас и не осуществимо было бы, в наших условиях, потому что предмет этот не только серьезен и важен, но и широк и глубок. Вот первый вопрос, с которым нам приходится встречаться. Я думаю, всем вам приходилось слышать убежденные и горячие доказательства того, что обновленчество есть не что иное, как подлинное

Мы привыкли ценить православие по традиции, по преданию; привыкли относиться с опаской, с враждой ко всему, что может нас отвлечь от православия, — ко всему, что может хоть несколько затемнить чистоту этого православия. И хотя в отношении к обновленческому движению совершенно не требовалось поднимать вопроса об измене православию, все же этот вопрос поднимался нашей церковной публикой, да еще такой, которая очень часто совершенно равнодушна к действительному православию, — к тому, что составляет его подлинную, настоящую сущность. Публика эта иногда, очень тревожится по поводу какой-нибудь мелочи. Иногда эта мелочь представляется сущностью православия. Для примера можно указать случай из истории нашей русской церкви. У нас в русской церкви был целый спор о том, как ходить в крестных ходах и вообще при исполнении церковных обрядов — по солнцу или против, как петь аллилуия — двойное или тройное. Конечно, вопрос этот может быть и не лишен некоторого значения, но вся беда в том, что подобный вопрос хотели возвести в догматический вопрос, которым обуславливается сама сущность веры и спасения. Вообще, мы знаем, что по нашему исконному невежеству в предметах веры, — о причинах которого говорить сейчас неуместно, — даже среди интеллигентного общества не было ясного представления о том, что такое догмат и что такое обряд, в какой степени тот и другой изменяемы и являются обязательными. Отсюда происходила масса недоразумений. Мне самому приходилось слышать от людей, получивших высшее образование, людей, которые, в свое время, изучали Закон Божий в средней школе, и Богословие в высшей, — они не отличали миропамазание, как таинство, от елеопомазания, которое совершается по праздничным дням. И хотя елеопомазание является одним из средств получения милости Божией, но во всяком случае, не является таинством. По этой причине мы не можем осуждать попытки разобраться в том, — что есть православие, но на ряду с теми причинами, о которых приходится пожалеть, — в указанных запросах бывают и причины иногда очень серьезные, именно искренняя любовь к христианской правде, глубокое, хотя не всегда сознаваемое, стремление к тому, чтобы не помрачить истины. Если мы сказали, что обновленчество это подлинное православие, то для того, чтобы идти нам дальше правильным путем, следует остановиться на пояснении значения православия. Как показывает самое его наименование православие есть правое, надлежащее, достойное прославление Бога и напоминает нам, апостольские слова: «Прославьте Бога и в телесах ваших и в душах ваших, кои суть Божии» (I Кор. VI, 20), напоминает слова и самого Господа, который говорил об обязанности христианина «своими добрыми делами прославлять Бога (Мф. V, 16). Стало быть, уже самое наименование — Православие — указывает на его глубокую и неотъемлемую связь с жизнью. У нас же часто понятие православия упрощают, и это основное понятие сводят к исповеданию только истин веры и притом, исповеданию официально, исповеданию по долгу, по обязанности — не проникающему в сердце, и не оправдываемому жизнью. Православно лишь то, что ни одной буквы из старого, из прошлого не изменило, — так понимают «православие». Такое понятие, конечно, неправильное. Православие следует и должно сохранять и ценить, как зеницу ока, но надо знать, что под ним разуметь, и здесь не только следует вспомнить слова ап. Иакова: «что и бесы веруют и трепещут» (11, 19), но и особенно слова Господа: «что вы мне говорите, Господи, Господи, а не творите того, что я вам заповедал». Приближаются ко мне люди и устами своими чтут меня, сердца же их далеко отстоят от меня» (Мф. VII, 21; XV, 8—2). Над этими словами Господа люди очень мало задумываются, и идут обычно, как говорится, по линии наименьшего сопротивления. Люди привыкли усваивать не только и в обыкновенной жизни и в обычных житейских делах, но и в религии и вере, то — что наиболее легко дается, что требует наименьшей ломки принятого направления жизни. Вот почему у нас, в нашей русской жизни, и получилась слепая привязанность к внешнему, к обрядам, боязнь за каждую букву; это было бы, пожалуй и хорошо, если бы все это сопровождалось углублением, расширением и завоеванием внутреннего существа человека. Тогда можно было бы вполне применить слова Господа Спасителя, что и то надлежало творить и этого не оставлять (Мф. XXIII, 23), что и внешняя мелочь — при известных условиях ценна и нужна. Никто из православных не будет говорить против обрядов церковных, если правильно их понимать

и давать им должное применение, — чтобы не нарушалось поклонение Богу в духе и истине (Иоан. IV гл.). Пресвященный Феофан затворник, когда-то писал: православие наше обвиняют в том, что слишком в нем много форм, слишком много обрядов. На это он — великий аскет, подвижник, глубокий знаток святоотеческой письменности и мистик, — отвечал: «это не плохо, а хорошо, что у нас много обрядов; это все равно, что в хорошем хозяйстве много посуды и утвари, что нибудь да пригодится, и у нас в хозяйстве церковном, все хорошо и на своем месте». Но нельзя же, скажем, — посуду поставить на место, если угодно, вычистить, чтобы она блестела, да этим и ограничиться, и любоваться, кичиться этой посудой. Нет, все это хорошо, когда служит известному содержанию, когда наполняется этим содержанием, когда служит для нужд и потребностей облагодатствованного, обновленного по духу Христову человека. И вот, чтобы не было недоразумения и мы говорим: в православии все ценно и важно, но лишь постольку — поскольку служит выражением подлинного христианского духа, поскольку не противоречит ему. У нас же, как мы знаем, случилось, по ходу всей нашей истории, как раз обратное. У нас получилось т. н. обрядоверие, привязанность к внешнему с забвением внутреннего. Это на наше измышление: Христос Сам разъяснил: Кто творит волю Божию, хотя бы словесно и не исповедывал ее, может быть выше того, кто на словах исповедует Бога, а делами отрекается от Него (Мф. XXI, 28—31). Подобно тому, как, если сын всеми уважаемого отца будет вести скверную жизнь, да еще говорить, что он — сын знаменитого отца, этим он, конечно, доставит неприятность отцу не меньшую, а может быть даже большую, чем сын, ведущий порядочную жизнь, но скрывающий, по каким-либо соображениям, имя своего отца. Итак, «православие» говорит нам о необходимости исповедывать Господа не только устами, но и делами, не только хранить предания, но и — прежде всего — слово Самого Бога. А это дает нам мысль о тесной неразрывной связи между верой нашей и жизнью, между содержанием веры нашей и содержанием жизни христианской.

Христиане, исповедующие троичность лиц в Боге, обычно, не дают себе отчета в том, что это есть исповедание жизни нашей, это есть основной духовный источник и основа духовной жизни. Троица для них — это может быть, истина и священная, и высокая, и важная и великая, но от жизни то далекая, к жизни не приложимая; как будто бы догмат или исповедание веры касается чего-то далекого от нас, совершающегося где-то на небе, а для нас имеет только то значение, что мы должны признавать это и устами своими исповедывать. И редко кто сознает, что между истинной верой и жизнью есть необходимая и теснейшая связь. Когда Христос Спаситель призывал веровать в Него, как в Сына Божия, веровать в посланного его Отца, веровать в Духа Утешителя, которого Он пошлет (Иоан. XXV гл.), — Он не говорил, что эта вера — что-то далекое. Он, наоборот, говорил, что истину Троицы переживут непосредственно сами христиане, что образ этой троичной Божественной жизни самым тесным, самым глубоким, непосредственным образом связан с жизнью христианской. И не говорил ли Христос Спаситель, что кто будет исполнять Его заповеди и прежде всего, заповедь любви, то: «Я и Отец к нему придем и обитель у него сотворим» (Иоан. XIV, 21—23). Здесь — тесная связь между догматом троичности и религиозным опытом верующего, и, конечно, истинный православный христианин познает Св. Троицу и не из слов, потому что из слов он не постигнет эту тайну, а получит только некоторый намек на нее, приобщается же к ней только тем, что будет исполнять волю Божию и жить жизнью церкви во взаимной братской любви. Тогда он, в своей жизни, будет воспринимать общение Св. Троицы. Даже догмат искупления — учение, что мы искуплены Господом Иисусом Христом, Его страданиями, смертью и воскресением — обычно переживается как-то холодно, теоретически, отдаленно от жизни. Одно дело — исповедание, другое — наша жизнь, как будто бы это не находится в тесной связи. А между тем в церковных песнопениях поется: «Вчера спогребохся тебе, Христос, совопаша днесь, воскресу Тебе». Этим показана тесная связь и единство между христианской верой и христианской жизнью, и эту тесную связь и указывает, совершенно ясно и определенно, самое наименование «православие». Поэтому недостаточной окажется принадлежность к организации истинной церкви, если эта принадлеж-

ность ограничивается только согласием с исповеданием веры, это очень мало значит, и не только мало, а сам Христос прямо сказал: «Все (напрасно) чтут меня». Богу и Господу Иисусу Христу нужно сердце человеческое, нужен новый человек, новая тварь (2 Кор. V, 17) создаваемая по Богу в правде и истине, — новая тварь, обновляемая, та, что являет собой новое творение Св. Троицы по силе искупления. Такова тесная связь в учении Христа Спасителя, в учении Св. Апостолов, в учении Св. Отцов Церкви между догматами и жизнью. Интересно, какое определение дается тем, кого мы так чтим после апостолов, именно, — отцам Церкви, как хранителям и выразителям святого православия. Самое лучшее, по моему мнению, определение, что такое отец церкви, есть такое: Отцы церкви это те, которые умом своим уподобились уму Христову и по жизни уподобились жизни Христовой. Это определение, хотя вы его не встретите ни в одном учебнике, будет самым правильным, оно выражает сущность православия и неразрывную связь правой веры и правой жизни. Вот почему Св. Церковь высокое наименование — отец церкви — дает только тем, действительно, великим и облагодатствованным личностям, которые и ум свой направили по уму Христову и жизнь свою построили в совершенном согласии с жизнью Христовой. Отсюда получается указание на главные признаки православия: сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера вселенную утверди, — веры, проистекающей от апостолов, как свидетелей Христа, стало быть от самого Христа Спасителя, от Св. Отцов и учителей церкви, как преемников апостолов. Мы знаем, что многие теперь называют себя христианами и оспаривают это право у других, говоря, — что только они имеют эту привилегию, что только они достойны этого наименования. Смотрите, на первый взгляд, получается что-то — непонятное. Как будто бы имя Христа не только не объединило, а разединило многих. Однако, смущаться этим мы не должны потому, что о Христе, как вы

помните, ясно предсказано, что он явится «предметом пререканий» (Лк. 11, 34). Христос послужит знаменем, которое каждая сторона желает отнять у другой, как это часто бывает во время войны. Христос Спаситель — с одной стороны приносит мир и любовь, а с другой, — как он сам сказал, — меч разделения. Почему? Да потому, что к миру и любви нельзя притти без разделения. По свойству нашего греховного мира, греховной природы мы разделение должны прежде всего пережить в самой природе своей. И Ап. Павел учит: Дух, воюет на плоть, а плоть на Духа, и каждая сторона старается взять друг у друга первенство (Галат. V, 17). Далее, происходит разделение в семье и обществе. Христос говорит: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее, и враги человеку домашние его». Не сам христианин враг, а те становятся его врагами, ради того что он является носителем истины Христовой. Истина Господня широка и необъятна. Возьмите для примера, солнце, оно отражается всюду: и в бриллианте, и в океане и в лужице — везде отражается, но важно, чтобы оно отражалось возможно полнее, и, очищало миазмы. Так вот почему мы видим разделение во имя Христа и желание у людей оспорить друг у друга право быть подлинными последователями Христа. Здесь нужно избегать двух крайностей — того, что называется полным безразличием к истине, это одна крайность, это теплохладность. А то бывает другая крайность — фанатизм; человек становится нетерпимым к убеждениям своего ближнего. Православие же, не делает нас безразличными, но не делает и фанатично-нетерпимыми, чтобы мы не желали бы выслушать других людей, иначе мыслящих. В этом случае мы напоминаем ап. Павла, который говорил: как бы ни проповедывали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться (Филип. 1, 18). Глубокая убежденность ведет христианина к тому, что он проникается любовью, терпением к ближнему, что он научается носить «тяготы» другого.

Мнение о текущем церковном моменте.

(Идея установления праздника обновления).

На минувшей пасхальной неделе «случайно» (скорее Промыслом Божиим) пришлось натолкнуться на замечательное поучение св. Григория Богослова: «О духовном обновлении», произнесенное им в нед. о св. Фоме (нед. антипасхи и отпечатанное в проповеднич. прилож. к «Рук. для сл.» за 1896 г.). Это поучение, в котором «Фомин» воскресенье названо днем Обновления (курсив книги), произвело на меня сильное впечатление, и я использовал его в названный день, прочтя в храме за литургией для того, чтобы парализовать то «смущение», какое наводит тихоновцами на наших прихожан словом «обновленец».

Вот выдержка из этого поучения: (с самого начала) «Древний и с доброю целью установлен закон — чтить день Обновления (курсив не мой), лучше же сказать, — с днем обновления, чтобы чтить новые благодеяния и чтить не однажды, но многократно, всякий раз, как с новым обращением года возвращается тот же день, дабы дарованное благо современем не изгладилось из памяти и не исчезло, потерявшись в глубине забвения (подчеркивания мои). Обновляются, как читаем у Исая, «Острова к Богу» (41, 1). Обновляется, у другого пророка стена медяна (Иерем. 1, 18). Мы имеем повеление петь Господи песнь нову (пс. 149, 1). Обновляется и царство Давидово — даже не однажды, но в первый раз при помазании, а в другой раз — при провозглашении Давида царем. Была же обновления во Иерусалиме, и зима бе (Иоан. 10, 22), т.е. зима неверия. Обновление, обновление — наш праздник, бр. и какое еще обновление. День Пасхи был день спасения, а это — день воспоминания спасения. Тот разграничивает собою погребение и воскресение, а этот есть чисто день нового рождения. Вот слово о дне обновления.

Но и сами обновитесь, и, совлекись ветхого человека во обновлении жизни (Рим. 6, 4), жительствуйте, наложив узду на все, от чего бывает смерть... (чрез 8 строк): из ветхого стань новым и праздной обновление души... (чрез 19 строк): Да обновится у тебя вся жизнь, да обновятся все пути своей деятельности... (чрез 11 строк до конца). Так обновляет-

ся человек, так чествуется день обновления. Да не явись, сказано предо Мною тощ (Исх. 23, 15), но принеси с собою что-нибудь доброе. А теперь явись нов, с иными правами, всецело изменен. Древняя мимо идоша, се быша вся нова (2 кор. 5, 17). Это плодоноси празднику, изменись добрым изменением, но и в таком случае не думай о себе высоко, а скажи с Давидом: сия измена десницы Вышнего (пс. 76, 11), от Которого все благоуспешное в людях: Слово Божие хочет, чтобы ты был совершен новоздан и, если благоуспеваешь, еще более напрягай силы. Вчера вера твоя была сообразна с обстоятельствами времени, ныне познай веру Божию. Вчера был ты злоречив, нагл, ныне говори одно доброе и будь кроток. Вчера предавался ты пьянству, — ныне служи целомудренно. Ныне пьешь вино, завтра пей воду. Ныне ласкосердствуешь на одрех от костей слоновых и мажешься первыми вонями (Амос. 6, 4, 6), — завтра ложись на голой земле и бодрствуй. Из смеющегося сделайся задумчивым, вместо щегольских одежд надень рубище, вместо высокомерного и напыщенного вида прими простую наружность, из златопоса стань нищетолюбом, из высоковышнего — поникшим к земле. Если так будешь рассуждать и поступать, то будет небо новое и земля новая для тебя. Аминь».

А вот справка из «Истории вселенских соборов», проф. А. Лебедева. ч. 1-я, 1904 г., стр. 153—157: «Затем, выразив неудовольствие на членов собора (речь идет о 2-м всел. соб.) Григорий Богослов, пишет о них, т.е. о членах собора: «и не правился вводителем новых учений (речь идет, несомненно, о самом Григории-слова Лебедева): так дерзкие называют благоразумных, но и они не поправились благоразумному (т.е. Григорию). И вот Лот и патриарх Авраам (т.е. собор и он сам — слова Лебедева) идут один в ту, а другой в противоположную сторону».

Не высказывал ли он (т.е. Григорий), что Духа нужно славословить в символе Богом. Не встретил ли он противодействие своему предложению. Замечательно.

что в символе Дух св. не назван Богом, хотя чистота веры отцов собора чище лучей солнечных. Нет ничего невероятного в том, что Григорий действительно настаивал на соборе на том, чтобы положено было в символе именовать св. Духа Богом..., но не встретил сочувствия своему предложению... Быть может, Григорий разошелся с собором по указанному вопросу... и... оставил заседания соборные».

Тщательный анализ поучения св. Григория Богослова и приведенной исторической справки дает все основания для оправдания выдвинутых Русским Церковным Обновлением задач.

Для сопоставления не могу не привести еще одной справки. В двух проповедях приснопамятного прот. Иоанна Кронштадского, произнесенных в 1897 и 1900 г.г. на новый год, проводится обновление с особенным подчеркиванием, причем это слово сказано 14 раз, и сам Иисус Христос именуется «Обновителем».

При размышлении, в связи с вышеизложенным у меня, «настойчиво» напросилась след. идея: не назревает ли время на грядущем Вселенском Соборе переживаемый сейчас исторический момент церковного православно-обновленческого сдвига с тенденцией вселенского характера ознаменовать установлением в нед. антипасхи («новой» недели) постоянного обще-церковного торжества под названием «недели обновления», как это было в 842 г., когда восторжествовавшая после длительной борьбы идея «православия» была отмечена установлением общеобязательного праздника, так называемой «недели православия». Это было бы выполнением завета Св. Григория Богослова, выраженного в след. словах его поучения: 1) «и праздн. обновление»..., 2) «так чувствуется день обновления»..., 3) «Обновление, — обновление — наш праздник, — и какое еще обновление».

При этом поучение или слово Св. Григория Богослова должно сделаться неотъемлемою частью самого Богослужения в неделю Обновления на подобие бессмертного слова Св. Иоанна Златоустого в первый день Пасхи.

За жизненность указанной идеи (установления праздника обновления) говорят след. мотивы, имеющие значение фактов.

Во 1-х, идея обновления — обновленческая струя — является основой или залогом «нестареющего мнения», крепости, неодоленности и вечности Христовой Церкви. Во 2-х, эта идея в сознании лучшей части церковного общества сначала таилась, потом раскрылась, а теперь развивается, укрепляется вплоть до «пламенения». В 3-х, Ею. (т.е. идеею обновления) захватывается церковное сознание уже во вселенском масштабе, о чем свидетельствуют такие факты, как общение с Прав. Востоком, сочувствие других церквей... В 4-х переживаемый сейчас период борьбы обновленчества с «староцерковничеством» склоняется к торжеству победы.

Из указанных мотивов с логической необходимостью должно вытекать «сконцентрирование» мыслей, желаний и чувств обновления, каковое, преломляясь чрез призыв соборно-вселенского разума, как победное торжество, должно внешне завершиться установлением именно «недели обновления», зафиксировав таким образом «историческую дату» на память и в назидание потомкам, согласно завета того же Св. Григория: «Празднуй обновление... всякий раз как с новым обращением года возвращается тот же день, дабы дарованное благо современем не изгладилось из памяти и не исчезло, потерявшись в глубине забвения».

Если эта идея о «неделе Обновления» являет из себя правду-факт, а не утопию, то она (идея), как подмеченная и брошенная в виде семени-зерна в землю — человеческие сердца, — должна проявиться и развиться более сильными умами и сердцами — христианской веры и истинно-православного духа, дабы «дорости» до грядущего Вселенского Собора уже близкой к «зрелому плоду»...

Борьба должна завершиться торжеством победы! Порукой тому св. Григорий Богослов, «слово» которого, сказанное более 1.500 лет тому назад, кажется, слишком современно и своевременно для настоящего момента.

18 мая 1927 г.

Настоятель Иоанно-Воинской ц., станицы Старо-ниже-Стеблиевской Кубанской обл., протоиерей Иоанн Орлов.

Алтайская церковная жизнь.

I.

Досточтимые братья!

«Не враг поносит меня, — писал я в 1925 году в своей брошюре — «О Соборе и мире», — это я перенес бы, не ненавистник мой величается надо мною, — от него я укрылся бы, но ты, который был для меня то же, что я, другой мой и близкий мой, с которым мы разделяли искренние беседы и ходили вместе в дом Божий» (Пс. 54, 13—15).

Мир Церкви. Мир Православия. Мир Христов.

Вот та основная линия, которая красной нитью проходила через всю работу Синодальной Православной Церкви, нашу работу, за отчетный период 1925—1927 гг.

Моя задача: изобразить перед высоким вниманием Епархиального Собрания Алтайскую церковную жизнь в ее многообразии действующая и преломления: нашу благовестническую и административно-организационную работу, нашу борьбу за веру и внутреннюю церковную борьбу, работу мест, здоровую линию, наши нездоровые уклоны, наши радости, печали и пр., и пр.

Вот — тема и основная схема моего доклада.

Мой доклад коснется, конечно, жизни не одной Алтайской епархии, а жизни русской Церкви — вообще, постольку, поскольку наша церковная жизнь является параллельною струей того всероссийского, я скажу больше, мирового потока, имя которому: всеправославное обновительное движение.

Я с радостью отмечаю, как основную предпосылку нашей работы, тот факт, что перед нашим обновленческим сознанием в процессе работы, был всегда, по слову апостола, «кровавым знаменем начертан Иисус Христос, как бы (вчера) распятый (Гал. 3, 2).

Мы неизменно молились Господу, чтобы Он дал нам силу «непоколебимо стоять» в одном духе, подвизаясь единомысленно за веру евангельскую (Фил. 1, 27), православную, апостольскую, вселенскую, соборную.

«Мы, — по апостолу, — не боялись ни в чем противника (Фил. 1, 28) широко открывая двери своих служений, собраний, с'ездов для всех желающих познать Господню истину. Мы широко открыли двери и настоящего Епархиального С'езда представителей духовенства и мирян для всех жаждущих воды живой, целебной, приводящей в жизнь.

Зачем бояться света?

Любят мрак и боятся света хищные звери, пресмыкающиеся: волки, ядовитые змеи, летучие мыши и пр., и пр.

«Всякий, делающий худое, ненавидит свет, — говорит друг Христов Иоанн (Иоан. 3, 20).

Христос не распределял по билетам своим единомысленникам, как это сделали братья староцерковники на своем Барнаульском Епархиальном С'езде, — Свой свет, Свою истину, Он говорил всем и каждому: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою Вас» (Мтф. 11, 28) и черпайте обильно чистую воду «из кладезя бессмертия» (Иоан. 4).

Особым об'явлением на Окружном тихоновском с'езде, бывшем 15—18 февраля с. г. в г. Барнауле, мы приглашали всех братьев староцерковников на наш С'езд в качестве слушателей, совопросников, содиспутантов и пр., и пр.

И какой горькой и злой иронией звучат вот эти слова повестки староцерковников: обновленцев на С'езд (староцерковнический в Барнауле) просят не беспокоиться.

А мы все же беспокоимся, ибо знаем, что за нас и за них пострадал один и тот же Христос, мы всегда и всюду носим с собою, в своем сердце, гнетущую скорбь о нашем православном разделении.

Мы говорим всем вместе и каждому в отдельности:

Пойди и посмотри.

Пойди и посмотри (Иоан. 1, 46), — так говорил Филипп Нафанаилу, когда звал его к Истинному Мессии.

Пойди и посмотри, — говорим мы, — когда зовем к евангельской правде и истинной, апостольской Церкви Божией.

Пойди и посмотри, — говорили мы, тихоновцам в 1925 году, когда звали всех на объединенный Всеправославный Собор в Москву в октябре месяце 1925 года для взаимной ликвидации нашего разделения.

Ибо грозное евангельское предупреждение: царство, разделившееся само в себе опустеет, и всякий город или дом разделившийся сам в себе не устоит (Мтф. 12, 25), — ставило и теперь особенно грозно ставит перед христианским вниманием роковую проблему: быть или не быть.

— Страшны эти слова.

Это ключ от врат гнуснейшего царства Антихриста.

II.

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1925 ГОДА.

По пути к Собору 1925 года, Епархиальным Управлением, на основе указаний Священного Синода, и всеми вами, низовыми работниками, была проделана громадная работа в позапрошлом году для привлечения тихоновцев в г. Барнауле, в эти стены Петропавловского собора, на объединенный Епархиальный Съезд.

«Говорят мир, мир, а мира нет (Иер. 6, 14), — писали мы староцерковническому епископу Никодиму.

«Как сослужитель Ваш в Господе Иисусе Христе, я братски приветствую Ваше Преосвященство, и призываю на общую спасительную работу по установлению мира церковного.

Наша Святая Церковь вся изъязвлена ранами современного церковного раздора, хитон Христов снова обгагрятся кровию страдания, и нет нам избавления (Пс. 7, 3).

Пора одуматься, подать братски друг другу руки и путем взаимной договоренности прекратить междуусобную рознь.

... Вы должны согласиться, Ваше Преосвященство, что созывом долгожданного объединенного Всероссийского Поместного Собора Св. Синод положил великое начало великому делу спасения погибающей церкви.

И если мы не используем данного благоприятно сложившегося момента для объединения Церкви, — таковой момент может не наступить никогда, и грех наш не будет прощен Господом «ни в сей век, ни в будущий» (Мтф. 12, 32).

Мы должны создать смешанное организационное бюро из представителей той и другой стороны для подготовки к Епархиальному Съезду...

Пусть «Бог мира да сокрушит сатану (наш раздор) под ногами нашими вскоре» (Рим. 16, 25).

Как Вам известно, в Алтайской епархии, единственной из всех сибирских епархий, удалось 14 сентября 1925 года созвать объединенный Епархиальный Съезд, в количестве 110 делегатов, из них православно-синодального течения 91 и староцерковников — 19, плюс — два тихоновских благочинных: Высоцкий и Сперанский.

Тихоновские делегаты юридически и морально представляли собою до 80 тихоновских общин.

И все же, несмотря на то, что староцерковные делегаты единогласно пели, по предложению своего лидера, упорного тихоновца, благочинного Михаила Высоцкого, Многая Лета Всероссийскому Священному Синоду (факты — тоже упорная вещь), несмотря на то, что тихоновцы единогласно избрали в Москву на Собор двух делегатов — староцерковников: избранные делегаты все-же на Соборе не были.

Оно и понятно. Руководители тихоновщины не даром отталкивали своих избранников от основных истоков церковного дела: они смертельно боялись, что народ в Москве узнает правду и подлинные причины церковного разделения и не скажет спасибо нарушителям церковного мира.

Уже здесь, на месте, командующая верхушка тихоновщины воочию с ужасом видела, что в девственном нетронут мозгу мужицких делегатов происходил переворот, некий залом мозгов, сдвиг справа налево — к барьеру обновления, ибо наслойка тихоновской систематической лжи, как бельмо, была снята с глаз землеробов острым ножом искреннего, душевного взаимного обмена мнений и доводов.

Так один из тихоновских делегатов, типичный старик-сибиряк, крестьянин, села Маралихи, представитель 12 тихоновских приходов, после Съезда задушевно говорил мне:

«Я уезжаю домой с другими мыслями о вас. Нам говорили наши священники, что вы — еретики, безбожники и проч.

Внимательно слушая вас здесь, на Съезде, и приглядываясь к вам, я пришел к выводу, что вы вовсе не враги Православной Церкви и не безбожники, а просто — умные люди.

Пока те (тихоновцы) кричат на своей и заграничной улице, караул, машут кулаками и расшибают себе головы, вы (обновленцы), как муравьи, по бревнышку стаскиваете и складываете разрушенную Церковь.

Ваше дело у нас налицо.

У вас и школы, и управление, добрый порядок, печатное духовное слово.

Спасибо вам».

— Ну и тебе — спасибо, добрый дед Илья Петрович, за правдивое слово.

III Поместный Собор не дал мира.

Почему? Слишком были противоположны наши прицелы: обновленцы целились по позициям дьявола, в церковную склоку, вражду, за дело церковного мира, тихоновцы же заграничными бомбами по нашим позициям, облекая наши попытки к миру удушливым кожухом всевозможных клевет, насилия, провокации и пр. и пр.

Где же причины такого поведения тихоновцев?

Где причины этой фанатической вражды тихоновцев к нам и нашему делу? В нашей ереси, что ли? В измене, порухе веры? В семейном епископате, второбрачии и пр?

О, ничего подобного!

Тихоновцы, не менее нас понимают, что старую веру мы блюдем неизменно, семейные епископы не менее каноничны, чем архиереи монахи, ибо неотменно слово Божие: «епископ должен быть единыя жены мужем» (I Тим. 3, 2—4).

К тому же семейные епископы не самовольно захватили, а подняли лишь из придорожной пыли те святительские жезлы, которые побросали «канонические» архиереи, убегая от своих паств в купе мягких пульмановских вагонов за границу, оставив нас, простых, и должно быть уж очень неканонических деревенских иереев и диаконов рассчитывать своими головами и сиротскими слезами за их политиканство, в которое они нас насильно вовлекали, и беспечальную жизнь.

Мы призываем в свидетели кровавые ряды убитых братьев наших, всех этих утопленников сибирской реки Алей, покойников одиноких степных крестов и курганов: мы призываем все эти дорогие нам и вместе страдальческие тени и кровавые призраки встать сожигающим факелом и бичем гнева Божьего перед всезаграничною совестью беглецов-архиереев и сказать им:

— Ваши Высокопреосвященства и Ваши Преосвященства!

Ваши слова о вашей каноничности и хриstopреданности после вашего постыдного бегства от своего духовного стада — есть величайшее кощунство и позорная ложь. Бросьте вы смущать и морочить голову православному верующему народу. — Вы не пастыри добрые, а только наемники; может быть, по-вашему, и каноничные, постольку, поскольку может быть каноничен наемник вообще.

«Пастырь добрый душу свою полагает за овцы, а наемник не пастырь, наемник бежит, потому что наемник» (Иоан. 10, 11—13).

Дорогие братья и сестры! Белому епископату Сам Бог вручил святительский жезл через законопреемственное апостольское рукоположение законных святителей для охраны Церкви в опаснейший момент ее бытия, когда канонические охранители ее разбежались в разные стороны, оставив Божие достояние на поток и разорение.

Злословя нас и наше святительство, бойтесь быть Богопротивниками (Деян. 5, 39).

Я обращаюсь снова к Собору 25 года.

Итак, почему же Собор 25 года не принес мира Церкви?

Об этом на Соборе характерно говорил не кто иной, как простой деревенский мужик, кубанский казак Лукьяненко, который еще до Московского Собора, по поручению Кубан-

ской народной громады, приезжал в Москву искать, где обретается настоящая законная церковная власть.

Так вот этот самый мужицкий делегат, возвышаясь в своем священном гневе за разрушаемую Церковь до бурно пламенного пафоса, изрек пророческое слово бичующего обличения.

«Меня, — говорил казак, — прислала сюда Велика Народна Кубанска Церковна Рада:

правды доискаться.

Народ измучился церковным расколом. Когда здесь на Священном Соборе я воочию увидел всю эту массу верующего народа, пастырей и святителей, убежденных седидами, с которыми молились еще наши отцы, я сказал себе: здесь не может быть порухи нашей старой веры.

Здесь роковое недоразумение.

Нужно идти друг к другу и мириться.

И мы здесь всей Освященной Всероссийской Радой протянули руку братского Христова единства и получили, вместо подаяния, роковой удар в сердце.

Мы выплакали слишком много слез, наши поклоны были слишком низки, и пора теперь распрямить народную спину и сказать гневное слово тихоновским святителям.

Мы здесь, в Москве, только поняли вас, и наши очи раскрылись. Ваши слова о порухе старой веры — лживы: старая вера стоит нерушимо. Не старая вера вам пала на сердце: за спиной народа вы затеваете новую кровную хмару. — Вашей клевете мы больше не верим. — От имени Народной Кубанской Церковной Рады, от имени всего трудового казачества, я заявляю вам, что вы — враги народа и Церкви Христовой.

Народ за вами не пойдет.

Народу не нужна кровь. Довольно народных страданий».

Но это было так давно: 1, ½ года тому назад, когда тихоновщина была монолитно едина. Теперь же, увы... она раздроблена на Сергиевщину, Григорьевщину, Агафангелевщину, Серафимовщину и пр., скоро, вероятно, появится, как у старообрядцев, — тихоновщина глухая, поющая, нетовщина и т. д.

По линии отношений к Советской Власти и социальной революции сегодняшняя тихоновщина, пораженная в голову, запела совершенно иные песни. Но об этом после.

III.

ЧТО ДАЛ ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1925 ГОДА.

Если мы на Московском Соборе не пришли к церковному миру, то Собор этот все же внес железобетонную спайку в среду работников обновленческого дела и показал наш удельный вес.

Священный Поместный Собор 25 года выявил для широкого церковного сознания, что Синодальная Церковь есть мощная организация, сумевшая в течение 4-х лет тяжелой борьбы выковать тысячные кадры убежденных высокочестных пастырей, прошедших суровую школу жизни, и непреклонных колени перед черносотенным Ваалом, — и миллионную массу церковников.

Кроме выборов Священного Синода под председательством высокопочтенного иерарха митрополита Ленинградского Вениамина, Священным Собором проработан целый ряд насущных организационных вопросов, вопросов о духовном просвещении, издательстве и пр.

IV.

РОССИЙСКАЯ СИНОДАЛЬНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.

(Конспективно).

Синоды: Всероссийский, Украинский, Белорусский. Их взаимоотношения.

Состав и конструкция Всероссийского Синода. Епископат: вдовы, монахи, семейные; возраст, образовательный ценз; количество клириков, синодальных приходов.

V.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СО ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ.

На Поместном Соборе 25 года мы имели духовную радость получить грамоту Всевышнего Отца, Вселенского Патриарха Василия III, от 11 сентября того же года.

«Шествуйте, — писал нам Вселенский Святитель, — твердо по стопам благочестия. Дух и любовь нашей и прочих братских церквей смотрит на вас и поможет вам благополучно закончить дела».

После Помесбора 25 года наша Святая Синодальная Церковь приобрела еще нового молитвенника — Блаженнейшего Патриарха Святого града Иерусалима Дамиана, приславшего в июле прошлого года известную вам грамоту, где старец-патриарх, более 30 лет с честью восседающий на кафедре врата Господня, апостола Иакова, — в четких и ясных словах пред лицом всеправославного мира подтвердил, что «благодать Божия в полноте и неприкосновенности хранится в Великой России в святой и чистой православной вере нашей» и что он считает «вполне правильным путь, избранный Священным Синодом для обеспечения Православной Церкви мирной жизни в пределах Советской России».

Две последних грамоты от Патриарха Дамиана а) с праздничным рождественским приветствием Священному Синоду и б) с просьбой о братской помощи Св. Иерусалимской Церкви (от 25 декабря 26 г.) лишний раз свидетельствуют о неизменном благоволении Святейшего Патриарха к Синодальной Церкви.

Мы считаем лишним напоминать вам, как о факте общеизвестном, что представители Святейших Вселенских Патриархов Константинопольского и Александрийского состоят почетными членами нашего Синода.

Тем симптоматичнее было молчание тихоновцев на своем окружном Сезде, бывшем две недели тому назад, о Вселенской Церкви и о своем общении с нею.

Молчание — понятно.

Ибо Русская пословица говорит что в некоторых случаях слово — олово, а молчание — золото.

(Многолетие Патриархам).

VI.

О ВСЕЛЕНСКОМ СОБОРЕ.

(Конспективно).

Вселенского Собора мы ожидали с великим нетерпением, ибо полагали им: первое — ликвидировать, или найти подходы к ликвидации нашей церковной смуты, второе — практически завершить ту основную идею соборности, которая положена в основу обновленческого движения.

Что такое соборность.

Грамота в 1924 году Вселенского Патриарха Константина VI о Соборе в день Св. Пятидесятницы 25 года в Иерусалиме.

Организация при Синоде РПЦ Предсоборной Комиссии на январском Пленуме 25 г. Состав Комиссии.

Высылка инициатора Вселенского Собора Патриарха Константина турецким правительством из Константинополя. Избрание Василия III. Послание, от 9 декабря 25 года № 2922, о созыве Собора на Афоне в день Пятидесятницы 26 года. — Анкеты автокефальных православных Церквей по вопросу о месте и сроке созыва Вс. Собора (Украинск. Благ. № 24). (Большинство отзывов — созвать предварительно Вселенское Предсоборное Собрание). — Грамота Вселенского Патриарха, от 5 мая 26 г. — о созыве Вселенского Предсоборного Собрания (время и место Собрания будет оглашено особой грамотой). — Невежественные крики наших противников. Незнание истории созыва древних Вселенских Соборов и длительных путей подготовки к ним. — Современные трудности на пути созыва Вс. Собора. Взаимно пересекающиеся между собою разнородные политические влияния, как главный и основной фактор неудачи современного созыва Собора. — Необходимость созыва до Вс. Собора Предсоборного Собрания для ликвидации русской церковной смуты.

Отказ тихоновщины от участия во Вселенском Соборе. (Украинск. Благ. № 24).

Значение этого факта для удельного веса Вселенского Собора в нашей Церкви.

Вселенское Предсоборное Совецание своим всеправославным авторитетом должно внести корректив в русский вопрос, найти точки соприкосновения для враждующих сторон, сделать попытку к примирению их до Вселенского Собора, хотя бы для того только, чтобы участие русской Церкви на предстоящем Вселенском Соборе было целокупно и организовано во всей ее полноте. Наша обновленческая «навязчивая идея» — мир нашей родной Церкви, и мы с этого начинаем и этим кончаем каждую свою молитву к Богу.

Можем ли мы, нося в сердце великую скорбь о родной погибели, говорить о вселенском благоденствии и разрешать вселенские вопросы православия, когда гниет хребет вселенского православия — православная российская Церковь?

Предсоборное Совецание до Собора необходимо. Вселенский Собор отнюдь не отменен, да и «может ли он в настоящее время быть отменен, когда вся вселенская жизнь сосредоточена на этой идее» (У. Б.).

«Прилипни язык наш к гортани нашей», если мы, обновленцы забудем тебя, наш Иерусалим — Вселенский Всеправославный Собор.

Дорогие братья! При помощи Господа, мы преодолеем тысячи препятствий, мы пойдем методически шаг за шагом, но все же пойдем и все же придем к завершению соборности — Вселенскому Собору.

Дай Бог, чтобы через него — и к собору всехристианскому.

За 5 лет героической жертвенной и голодной борьбы мы, обновленцы, научились терпеливо и молча страдать, но мы научились также крепко держать свое знамя и не опускать занесенной ноги с той позиции, которую нам нужно взять для победы нашего дела.

VII.

МЕСТНАЯ ЦЕРКОВНАЯ РАБОТА. ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ СТАБИЛИЗМ.

Теперь мы перейдем в область чисто местной епархиальной организационно-административной работы.

Ни Алтайское Епархиальное Управление, ни Алтайская епархия, в общем и целом, не может похвалиться особенно интенсивной работой по линии лучшей организации приходского дела, евангельского благочестия, пастырской организации, самопомощи, благотворения и пр.

Оно и понятно.

Все внимание и творческую энергию мы тратили за истекшие годы на бесплодное дело внутренней борьбы с тихоновщиной, яростно и методически, посредством невежественных масс и лжи, атаковавшей наши приходы.

Однако, пятилетняя тихоновская баталия нам принесла, в конечном подсчете, несомненную прибыль: ибо, уменьшившись количественно, мы возросли качественно.

В процессе борьбы от нас отделился сор случайных «попутчиков» — теплохладных обновленцев и идейных двурушников.

Выкристаллизовался обновленческий актив.

Как характерное явление данного момента, я должен отметить стабилизацию обновленческих общин, т. е. устойчивость, налаженность с каждым из приходов нашей связи, большую дисциплинированность нашего внутреннего состояния: теперь каждый синодальный православный приход прекрасно знает, что он не тихоновский, а обновленческий; знает, что Церковь управляется Синодом; знает элементарные основы обновительного движения и при всех напорных «зазываниях и завываниях» тихоновщины не желает слагать с себя обновленческого звания.

Все это сделано той долгой, упорной, методической, титанической и высоко-героической работой, которую мы, обновленцы, в окружении тихоновских вспышкопускателей, проделывали изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Как характерную иллюстрацию работы наших низовых работников, мы приведем письмо к нам одного из крестьян-землеробов Белоярского района Н. И. Фескова, псаломщика тихоновской церкви, нашего единомышленника и лучшего друга, который писал нам о своей работе.

Я не могу себе отказать в удовольствии прочитать вам несколько строк этого глубоко характерного и радостного письма.

«... Я почти безвыходно работаю дома в мастерской. Живем тихо. Вот только с жуланчиком у меня нелады. Долбит и долбит в стену мастерской. Я сначала считал его глупым: что он сделает, пичужка, моей двенадцатиаршинной мастерской. А он сделал: вытаскал в одном месте мох и паклю, сидит да греется. Я взял кудели, забил его работу: он в другом месте долбит. Скандалист.

Однако же жулан мой принес мне, в конце концов, пользу. Он, очевидно чувствовал, что у меня в гонимой воздух тяжелый, сырой, вредный для здоровья; надобно его выпустить и впустить туда воздух чистый, оздоравливающий. Теперь мы с жуланчиком — друзья. Однако же, я решил вам о нем написать. Он точь в точь, как наш обновленец в тихоновской общине. Долбит, долбит верующий обновленец в глухую стену тихоновщины, и к дверям души близенько подойдет — постучит, не внемлют, заперлись. Опять стучишь, упорно стучишь. Пробьешь скважину, через которую начал уже освежаться воздух в народном сознании, смотришь — тихоновские дельцы куделей всевозможной лжи и пугающих страхов усердно уже забивают скважину. Сидите, дескать, в духоте... Простите, дорогой Владыко, за пустяки с жуланом, писать нечего. Наша литература быстро расходуется, а сознание тихо растет, а все же заметно растет, а не стоит».

— Дорогой и милый Никита Иванович! Твое «нечего писать» принесло мне бурную радость, ведь «не стоит, а растет обновленческое сознание».

VIII.

ЦЕРКОВНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Я перевожу ваше внимание к нашей прессе. Мы здесь тоже не стоим, а растем: тихо, эволюционно, а растем. Если мы в 1924 году имели слабую возможность печатать один единственный тощий журналец в Рязани: «Церковное Обновление», с перепечаткой в него церковных заметок из советской повременной печати, то в настоящее время мы имеем два солидных журнала — официозы Синодов Всероссийского и Украинского: «Вестник Священного Синода» и «Украинский Благовестник» с исчерпывающими статьями по вопросам современной церковной жизни и богословского знания, и целую серию провинциальных изданий: «Иркутский Церковный Вестник», «Православный Церковный Вестник» в Казани, «Пермские Епархиальные Ведомости», Самарское издательство, «Церковная жизнь», Кубанские листовки и пр.

Епархиальное Управление, понимая могучее действие слова, старалось как можно больше бросить обновленческой литературы в массы церковников: обязывало общины выписывать такие журналы, как «Вестник Священного Синода», «Иркутский Церковный Вестник», «Церковное Обновление», в каждую общину, организовать частную и коллективную годовую подписку (годовые подписчики крестьяне в с. Хлопуновском); само ЕУ через свой аппарат: посредством рассылки в себе, продажу в городских киосках, даже в одно время в развозку на санках, — распределяло ежемесячно до 250 экз. «Иркутского Церковного Вестника» (напр. №№ 11—12 1925 г., № 1, 2, 3—26 г.) до 50 экз. «Ц. О.», до 20 экз. «Вестник Св. Синода» и пр.

ЕУ старалось, заколачивая последние гроши, рассылать нашу литературу по тихоновским священникам и отдельным мужичкам-церковникам, способным что-нибудь усвоить из посланной им пищи.

В конечном счете, результаты по этой последней линии оказались добрыми, ибо на прошедшем тихоновском Барнаульском С'езде враждующие между собою партии Сергиевцев и Григорьевцев, доказывая взаимную неканоничность, самозванность и безблагодатность, оперировали нашей обновленческой литературой, нашей эрудицией, которой они в достаточной степени, очевидно, самоотравились.

Значительная часть тихоновских делегатов на С'езде, по нашему обследованию, достаточно прилично была осведомлена о нашей обновленческой организации и делах, напр. наших духовных академиях, печати, составе Синода и пр. и пр.

После III Поместного Собора, АЕУ были изданы с агитационной целью брошюры «О соборе и мире» — Алтайского Архиепископа Александра в 2000 экз., и брошюра Приход-

ских Советов г. Барнаула «К. судебному процессу тихоновских церковников» в 1000 экз. Эти брошюры, особенно первая, охотно разбирались другими епархиями Сибири и России и с таким успехом, что спрос на нее значительно превысил предложение. Предложенный к печати еще ряд брошюр и листовок, как напр., брошюра прот. М. И. Вяткина «Кому дорог церковный мир», не увидела света по независящим от АЕУ обстоятельствам.

В 1926 году АЕУ было возбуждено ходатайство перед Советской Властью о разрешении в г. Барнауле своего церковного органа печати для борьбы с тихоновщиной, расколо-сектантством и неверием, под названием «Алтайская Церковная Жизнь», с тиражом на первый случай в 1000 экз., но удовлетворения на ходатайство не получено.

Епархиальный Съезд, в виду органической необходимости создания своего церковного органа печати в г. Барнауле, особенно для борьбы с расколо-сектантством (напр., баптизмом, прочно засевшим в Рубцовском округе), должен от своего имени возбудить ходатайство пред ВЦИК-ом, через Св. Синод о разрешении издания периодического журнала в Алтайской епархии.

IX.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ, МИССИОНЕРЫ-КНИГОНОШИ И ПР.

Для расширения организации и нашего обновленческого влияния, АЕУ старались создать кадр, особенно в тихоновских приходах, корреспондентов-крестьян, с которыми Архиепископ Александр и отдельные сотрудники ЕУ вели частную переписку, снабжали их даровой литературой, листовками, грамотами Патриархов.

В 1925—26 г. ЕУ сделан опыт—послать в приходы епархии миссионера-книгоношу Е. Н. Радченко (книгоношу Херсонской еп., из кадра известного миссионера Кальнева), снабдив его молитвенниками, псалтырями, часословами, евангелиями, крестиками, венчиками и пр.

Е. Н. Радченко, работал небольшое время в Павловском районе Барнаульского округа, особенно большой пользы не принес, и мы прервали с ним связь. Задачами Е. Н. Радченко были намечены: вести православно-обновленческую пропаганду по домам, выступать с беседами против расколо-сектантства, продажей же печатного и иного богатства поддерживать свое существование при приварочной помощи наших общин на местах. Опыт с миссионером-книгоношей не удался, конечно, благодаря персонально неудачному выбору книгоноши, другим разным обстоятельствам, а, главным образом, нашей хронической бедности, я скажу больше, нищете, что постоянно грузилом давит вниз и бьет по рукам.

X.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ВЫПИСКА ЖУРНАЛОВ, ШЕФСТВО И ПР.

Информацией о текущих церковных делах, ответами на запросы, распоряжениями и циркулярами Синода—духовенство наше и приходы снабжались в достаточной степени, принимая во внимание, что пишущая машинка у нас методически стучала каждый день и наша маленькая «центро-армия» в 3 человека (епископ, делопроизводитель, а в последнее время—секретарь прот. П. В. Поломонов) нажимала на все педали, а делопроизводитель ЕУ достопочтеннейший и преданнейший нашему делу, о. диакон А. Н. Спасский для поддержания своего бренного существования в то же время клеил помянники, переплетал книги, мастерил для базара картонки и проч.

Я предлагаю Епархиальному Собранию почтить нашего героя труда А. Н. Спасского в воздаяние его отлично-усердных заслуг в деле обновленчества возложением на него двойного протодиаконского ораля. Наша задача, досточтимые отцы и братья, боевая задача: если мы хотим жить, а не гнить, то мы должны поднять организацию нашей религиозной пропаганды на возможную высоту.

Мы должны поставить в обязанность каждой обновленческой общине ежегодно выписывать хотя бы в одном экземпляре два органа: «Вестник Священного Синода» и митрополитанский областной «Церковный Вестник» из Иркутска.

Кроме того, каждая обновленческая община должна взять «шефство» над какой-либо ближайшей тихоновской об-

щиной, завести с нею методическую и постоянную связь посредством отдельных сознательных церковников из прихода и обязательно выписать для своей «подшефной» общины, хотя бы один годовой экземпляр такого дешевого органа, как «Иркутский Церковный Вестник», равно как посылать туда всю нашу деловую информацию.

Итак, обязательный минимум—для каждой обновленческой общины два журнала: «Вестник Священного Синода» и «Иркутский Церковный Вестник» и, для подшефной общины—«Иркутский Церковный Вестник». А самое большое, выписывать регулярно всю выходящую в свет церковно-периодическую литературу, книги, отдельные листовки (напр., Самарского издательства), календари, молитвенники, служебники (напр., на русском языке, прот. Адаменко, Н.-Новгород) и распространять все это в самом большом количестве среди народа, вербуя по возможности годовых подписчиков.

Епархиальный Съезд должен установить один или два специальных тарелочных сбора, или сбор иного вида, в году для образования фонда при ЕУ бесплатной литературы, которая при организационной работе нужна, как воздух.

XI.

БИБЛИОТЕКИ.

Необходимо немедленно приступить к организации епархиальной, приходских и благочиннических библиотек. Такой добрый пример устройства благочиннических библиотек из повременных и др. изданий мы видим у окружного уполномоченного, прот. М. И. Вяткина, у некоторых других окружных благочинных и отдельных священников. Особенно хорошо подобрана библиотека у благочинного Колыванского района, нашего лучшего обновленческого работника, В. И. Дмитриева. Вот, напр., комплекс его обновленческого и другого литературного богатства: журналы «Вестник Священного Синода», «Украинский Благовестник», «Церковное Обновление», Иркутский Церковный Вестник, со дня их выхода в свет, набор самарских листовок и книги: митр. Александра Введенского: «Церковь патриарха Тихона», «За что лишили сана б. патриарха Тихона», «Церковь и Государство», проф. Б. Титлинова «Молодежь и революция», «Церковь во время революции», «Православие на службе самодержавия», А. Луначарский: «Христианство или коммунизм», «Отделение церкви от государства», 3 изд. П. Гидулянова, «Наука и религия в современной философии» Эм. Бутру, «Мозг и душа»—проф. Челпанова и др.

Вся сила тихоновщины—в религиозной темноте и невежестве масс. Эта темнота, в связи с революционной ломкой устоев социального и народного быта придавила обывательскую голову, упав тяжелым камнем на его психику. Тяга к старому для косного церковного обывателя является каким то мистическим призывным гласом Божиим и шарахает его в сторону от всякого нового, но здорового и весьма нужного, церковного дела. Тихоновские агитаторы-духовенство, монашеские, разные салонницы прекрасно использовали эту запуганность церковной толпы и ее боязнь всякого новшества. Они, пожинают большие успехи, прикрывая разглагольствованиями о старой вере, канонах и пр. свои подлинные и единственные намерения—использовать церковь в качестве политического орудия в их политической борьбе с современной властью. Эти подлинные воцеления тихоновщины иногда сами собой вскрываются, как гнойник, при случайном и неосторожном ударе по нарыву.

Так напр., во время моей последней поездки по общинам епархии во время одного из диспутов с тихоновцами, в селе Устьянском Локтевского района, мой содиспутант, богатый мужик, когда все его типично-тихоновские доводы «от писания» были опровергнуты мною все без остатка, и он был прижат к стене в полемическом задоре, ударил меня последним доводом, который он до сих пор тщательно скрывал.

«Мы вас обновленцев, — сказал он, — не любим за то, что вы льете пушки вместе с Советской Властью, воевать дуемате, а мы (очевидно, тихоновцы) воевать не будем».

В ответ моему вчерашнему откровенному содиспутанту, мы сегодня скажем:

Наше обновленческое преимущество—постоянство. 5 лет, с момента нашей организации, мы уже «льем пушки советские». И вчера, и сегодня, и завтра.

Не спорим: у тихоновцев более почтенный стаж—10 лет и «пушки противосоветские».

Но прокляните день вашего рождения, устьянцевский гражданин, ибо, сегодня ваша староцерковная тихоновщина, ущемленная в голову, увь, уже громадные «советские пушки отливает»: искренно или неискренно, это—вопрос другой.

Одна беда в том, что Советской Власти ни обновленческих, ни тихоновских пушек совсем не требуется.

В последнее время тихоновцы берут обывателя «на панику»: весна, война и обновленцам... ох, страшно и сказать... виселица.

Не запугаете, братцы!

XII.

СИНОДАЛЬНЫЕ ОБЩИНЫ, ИХ РОСТ И УБЫЛЬ.

В настоящее время в Алтеепархии числится 78 обновленческих общин. За отчетный период перехода обновленческих общин в тихоновщину почти не наблюдалось. Переход нескольких общин—фактически трех—компенсировался тем приращением, которое мы сделали за то же время за счет староцерковничества. (Переход к нам трех тихоновских общин).

О причине перехода общин, как массовом явлении, я уже достаточно говорил до сего.

Я должен доложить Епархиальному С'езду, к великой радости нашей, что ни один из наших братьев пастырей-обновленцев (за исключением двух, о которых будет речь ниже) в послесоборный период не пошел вслед за своим приходом в тихоновский раскол, хотя это были люди пожилые, у них были семьи, и перед ними стоял воочию гнетущий призрак голода. Двое первых (Ломашков и Равковский), после С'езда, обратно вернулись на свои приходы, ибо их паства скоро поняла, что она была гнусно обманута, и гонит из приходов прочь своих («канонических и сверхблагодатных») новых отцов, кормящих Господней истиной.

Мне вспоминается глубоко-трогательное, и, как всегда, проникновенно-блестящее слово нашего русского Златоуста Митрополита-Благовестника Александра, сказанное им делегатам Помсобора 25 года в Москве:

— Я готов плакать от того, что вижу здесь вас, собравшихся вместе, потому, что я видел, как вы работаете. Когда я вижу епископов седовласых, которым подносятся злословия, когда гляжу на мирян, постигнувших ценност: обновления Церкви, — я им всем поклоняюсь.

В этом — наша сила моральная и это, радость свободной Православной Церкви.

Я не скрою от вас, что после Помсобора 25 года были два случая перехода наших священников в тихоновщину, вместе с общинами.

Один перешел, как «тать в нощи», как в воду канул, растаял: о фамилии его я помолчу.

Второй—священник с. Курья, Аркадий Ащеулов.

Курья, как вам известно, большое торговое село, опорный пункт обновленческого дела в прошлом.

Мы в свое время провели здесь большую работу по организации и закреплению нашего дела.

Ряд архиерейских посещений, удачные и всегда людные «до отказа» беседы, уездный С'езд в этом селе, большой диспут с антирелигиозниками, ликующие толпы народа, толпы местных монахинь, встречающих и провожающих «со славой» семейного епископа и пр., и пр.

Мы создали здесь твердый обновленческий церковный совет из 30 обновленцев, местных крестьян с большим удельным весом, со слабой примесью тихоновской лигатуры, в виде двух тихоновцев.

Так в чем же дело? Почему же все-таки приход перекочевал в тихоновщину.

Причиной этому: ренегатство и самое позорное лицемерие священника.

После Поместного Собора 25 года, не принеся мира с тихоновщиной, о. Аркадий решил, что настал самый удобный случай переселиться на «лоно» тихоновщины.

И он резко скривил линию направо.

Церковный Совет протестовал, жена обновленца грозила разводом, дочь плакала горячими слезами (это все—факты), а он, опираясь на кучку крикунов, «чудища, обла, озорна, стозевна и лаяй», перемахнул в тихоновщину.

Одновременно о. Аркадий написал мне письмо, где уверял меня в своем огненном обновленчестве, клял тихоновщину, просил обновленческого прихода и... одновременно договаривался с тихоновцами.

Что, это? Гефсиманский поцелуй в тихоновской инсценировке? Как назвать этот позорный факт?

Название ему,—нет, не название даже, а клеймо: «нравственная проституция».

Мы ведем связь с Курьей, имеем там значительное число определенно выраженных сторонников (до 200 человек), и полагаем, отвоевать Курью обратно.

В нашей практике был и такой факт, когда ныне тихоновский благочинный, священник с. Ново-Крюшчинского, Адриан Головачев, прежде чем идти к тихоновскому епископу Никодиму,—отречься от «обновленческой ереси» и горько плакаться у тихоновского забора,—был у меня в канцелярии Епархиального Управления и просил благословения на сие дело, на которое он шел, по его словам, в порыве отчаяния, отталкиваясь от грядущего голода и разорения семьи.

Если моя рука иногда инстинктивно поднималась вверх с бичем обвинения для удара по ренегатам от обновления, то пальцы этой же самой руки бессильно разжимались, и бич выпадал вон, когда я видел действительный трагизм притиснутой в угол величайшим насилием пастырской души.

Некоторые из о.о., у меня есть их письма, на другой день постыдного публичного покаяния, письменно просили у меня прощения их голодной слабости и благословения на крестный путь тихоновской подкадальной жизни.

Вот, напр., одно из характерных писем из тихоновского плена нашего обновленческого иерея с университетским образованием, фамилию которого мы отметит знаком X.

От 24 апреля, 1925 г.: Дорогой Владыко! Христос Воскресе! Как Вы беспредельно счастливы, ибо у Вас в душе Христос Воскрес. У нас же в З., преимущественно у меня, Христос лежит еще во гробе—измученный, изъязвленный и оплеванный... хотя уже прошел шестой день Пасхи. Ведь Вы не можете себе представить, как тяжело и безотраднo, быть военно-обязанным в тихоновском лагере.

От 2 февраля 1926 г... Заброшенный волею судеб в противный лагерь, я не мог изменить своих убеждений, слагавшихся во мне почти целыми десятилетиями. Ведь поступление мое на службу в Синодальную Церковь, никакой другой необходимостью не вызывалось, как той, что Синодальная Церковь вполне удовлетворяет моим взглядам и убеждениям...

Священник X., заброшенный волею судеб в тихоновский лагерь, согнут, но не смят: он до сих пор ведет индивидуальную-четкую обновленческую линию и, не скрывает своих убеждений.

Вода точит камень, а время работает на нас: приход отца X. уже — на полпути к обновлению.

Характерный штрих для тихоновского охло-плена.

После перехода в тихоновщину кучка тихоновских верховодов-кулаков особенно зорко следила за «древним благочестием» своего «староцерковно-обновленного» отца. Так, напр., когда одну из своих воскресных проповедей о. X., вместо традиционного: «Во Имя Отца и Сына и Святого Духа», начал возгласом «Господи, благослови»,—один из членов церковного совета здесь же в церкви публично остановил своего духовного отца: «Ты это свое,—Господи благослови,—нам, отец, не говори, а начинай, как следует по старой вере».

Это, не сказка, а родная боль города З.

XII.

ТИХОНОВСКИЕ ПЕРЕРУКОПОЛОЖЕНИЯ.

Я не буду говорить здесь много о тихоновских покаяниях, перерукоположениях обновленческих клириков,—одним словом, о всей этой «благочестивой подлости», как образно выразился один из наших повременных журналов.

Мы еще вернемся к вопросу о тихоновских перерукоположениях по специальному докладу прот. М. И. Вяткина, когда мы этот вопрос осветим с бытовой, нравственной и формально-канонической стороны.

С каким кощунственным легкомыслием перерукополагались, позабыв апостольское прещение (68 ап. пр.) разные рясофорные отбросы обновленчества,—показывает следующий факт.

Вот перед нами проходит лик такого «пресвята» священника с. Боровского, Кассиана Сопина. Кассиан в прошлом году перерукоположен. Касьян довольный и под хмельком возвращается из Ново-Сибирска, от тихоновского архиерея Никифора. Касьян на вокзале ж. д., неожиданно сталкивается с нашим обновленческим архимандритом (б. пом. Нач. Киргизской миссии) Афанасием. Он смущен: «что, с новой благодатью, Касьян?» — вопрошает архимандрит.

— Прости, пожалуйста, о. архимандрит, — лепечет Касьян.

И растерянный, сбитый с толку всеми этими переосвящениями, перерукоположениями, невежественный, вчерашний сохач-Касьян, позабыв «чины и ранги», после вчерашнего «канонического рукоположения» и «очищения от обновленческой скверны» благочестиво складывает лодочкой руки и подходит под благословение к обновленческому архимандриту. Пробовал его архимандрит стыдить. Касьян мнетя с ноги на ногу и тянет: «Люди мы, о. архимандрит. Человеки мы: пить, есть хотим. Полиял я, что ли от ихнего перерукоположения. Покрутили, да отпустили».

Эх, ты, брат российский, Касьян, — только и можно сказать, — с сокрушением.

Конечно, это невежественная публика, у которой нужно, по русской пословице, два кола затесать на голове, чтобы никакого толка не добиться, и вдвое больше, чтобы дорубиться до совести, — в ответе же те тихоновские верховоды, которые сознательно проделывают «благочестивые комедии» над несчастными головами и судьбою наших пресвятов от обновления, и которым евангелие обещает жернов на шею и пучину морскую за нравственное развращение младенствующих простецов в вере и хулу на Духа Святого Божьего.

ИЗ ЖИЗНИ МОСКОВСКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ АКАДЕМИИ.

Архиерейская визитация.

Дальше — об епархиальной работе. По линии личного архипастырского общения: Архиепископом Александром совершен ряд поездок по приглашению отдельных общин и целых благочиннических округов.

Мы не будем говорить здесь о той несомненной пользе, которую принесли эти поездки нашему общему делу служения Господу, ибо вы сами самовидцы, что «свидетельство наше о сем неложно» (3. Иоан. 12). Во время наших поездок: наше служение, евангельское благовестие, диспуты с безбожниками, беседы с тихоновцами и сектантами, везде и повсюду вызвали подъем религиозной, духовной энергии, устремления к Господу и собирали полные храмы молящихся.

Остальные члены ЕУ выезжали на места со специальными поручениями (прот. В. В. Климов в район 3 округа, прот. С. Хонин в район 21, прот. П. Поломошнов в район 2 округа).

XV.

БОРЬБА С НЕВЕРИЕМ И РАСКОЛО-СЕКТАНТСТВОМ.

По линии борьбы с неверием, проведены Архиепископом Александром два организованных больших диспута, по вызову известного безбожника Калиновского и по одному диспуту в с. Курья, Рубцовского округа, и с. Володарское, Барнаульского округа. Группой священников, во главе с миссионером о. Клавдием Фокиным проведен массовый диспут с антирелигиозниками в с. Калмыцких Мысах. Дальше идет дробная и неорганизованная борьба одиночками.

По линии борьбы с расколо-сектантством: прот. М. Вяткиным и К. Фокиным, проведена в нынешнем году большая полемическая беседа с ев.-христианами, баптистами в г. Рубцовке, центре сектантства, где проживает союзный проповедник баптизма Попова.

Ликвидировано расколо-сектантство удачною борьбой приходских священников о.о. Шевелкова, Сутормина, Лупенко в селах: Александровском, Краснощековском, Успенском. Велась интенсивная борьба с сектантством и в других приходах. Вся беда наша заключается в нашей бедности и порою невозможности для наших благовестников передвижения в другие приходы.

Но все это слишком недостаточно против той могучей волны неверия и особенно напорного в последнее время рас-

коло-сектантства, которое старательно захлестывает приходы и души наших пасомых. Наша борьба с неверием и расколо-сектантством должна принять массовый и организационный характер; мы должны подтянуть полемическую квалификацию каждого нашего рядового обновленческого пастыря, препоясав его мечем нужных знаний. Для сего, в первую очередь, — мы должны позаботиться об организации краткосрочных миссионерско-апологетических курсов, с приглашением, в качестве руководителей, лекторов с достаточными знаниями и опытом.

Нужно позаботиться об организации квалифицированного института благовестников на местах.

Постановление нашего Курьинского окружного Сезда об организации миссионерско-апологетических краткосрочных курсов в 1925 году не было проведено в жизнь из-за разноречия на местах в последний перевальный момент дела, хотя ЕУ уже был приглашен из Москвы лектор, проф. В. З. Беликов, имелось принципиальное разрешение Соввласти, была даже собрана часть средств на организационные расходы и т. д.

Провал дела в то время был понятен, ибо это была пора самой ураганной тихоновской атаки, мертвая хватка, и нам было, увы... не до курсов. Теперь у нас — обстановка иная, а потому теперь Епархиальный Сезд должен подойти вплотную к осуществлению нашей давнишней мечты.

Священный Синод в данное время обращает особенное внимание епархиальных работников на необходимость организации краткосрочных курсов.

XVI.

ПРОПОВЕДЬ.

На этом Сезде мы должны подойти вплотную и к вопросу лучшей постановки евангельского благовестия.

Ибо в эту полосу церковного развала каждый пастырь — и тихоновский и синодальный — должен «водвинуть» в свое сердце, подобно пушкинскому пророку, как «угль, пылающий огнем» великий пастырский завет благовестника языков, блаженнейшего Павла апостола: «Итак, заклиная тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, который будет судить живых и мертвых в явление Его и царствие Его: проповедаю слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием» (2 Тим. 4, 1—2). Пастырская проповедь в наше время должна быть сделана основной органической составной частью православного богослужения и молитвы.

Она должна звучать немолчно, как призывный набат, и в храме за богослужением и при совершении церковных треб и в застольных домашних беседах. Не казенно-елейная проповедь, на которой присяжный цензор написал бы: слову Божию не противоречит и прилично случаю, а живое, горящее живой верой и искренностью помазанное слово, раскрывающее основы Христова учения и церковно-общественной дисциплины. Везде в любой организации, как светской, так и религиозной слову отведено самое главное и почтенное место, тогда как в православии этого пастырского слова совсем не слышно. В журнале «Звонарь» приведен исторический ответ одного кафедрального протоиерея на вопрос молодого иерея: почему так редко проповедают рясофорные «чиновные особы». Мы, батенька, уже проповедали. Будет. Пусть другие проповедают. — Дальше такого цинизма в отношении евангельского благовестия идти некуда.

— Благовестите, дорогие отцы и братья, непрестанно благовестите о Господе.

Но дело евангельского благовестия, а также вся сумма пастырской работы, в сложнейших современных условиях, требует опытной умелой подготовки, чего у нас нет на 70 %, ибо пастыри с богословской подготовкой или в могиле, или ушли от церкви в «далекую страну», а на ниву Божию плавающую, на церковную стройку, жизнь выдвинула из нутра народного молодых строителей, вчерашних землеробов, с обушными топорами, без школьной подготовки.

Горит в них святой огонь Господень, есть желание работать, но участь горькая: топор не берет, точки требует.

Други, на точило его, скорее на святое точило знания!

Я давно лелею мысль в душе о периодических самокурсах, пастырских конференциях (в масштабе епархии, уездов, благочиннических районов), на которых мы своими собствен-

ными епархиальными силами (а таковые у нас есть, ибо в обновленчестве и сгруппированы лучшие силы Алтайской епархии), должны поднять квалификацию наших молодых пастырей, дав им нужные знания.

Учебная установка самокурсов такова: св. Писание, библейская история, апологетика, сектоведение и миссионерская практика, пастырская практика, каноника, патристика, основы обновления, обществоведение и пение.

XVII.

БАРНАУЛЬСКИЙ ОКРУЖНЫЙ С'ЕЗД СТАРОЦЕРКОВНИКОВ. ТИХОНОВСКАЯ МЕЖДОУСОБИЦА.

Я не исчерпал бы всей суммы Алтайской епархиальной жизни за отчетный период, если бы не доложил Вам о таком крупном факторе нашей церковной жизни, как тихоновский окружный С'езд, бывший с 15 до 18 февраля сего года в гор. Барнауле.

Это был один из заключительных аккордов той вселенской панихиды, которую поет заживо над собою умирающая в конвульсиях тихоновщина. Для того, чтобы Вам был понятнее ход событий на окружном староцерковническом С'езде, я должен познакомить Вас, вообще, с состоянием современной тихоновщины, избегая повторений тех фактов и положений, которые я имел честь уже докладывать Епархиальному Собранию.

XVIII.

СЕРГИЕВЩИНА И ГРИГОРЬЕВЩИНА.

(Конспективно).

12 апреля 1925 г. скончался б. патриарх Тихон. Завещание б. патриарха Тихона, датированное 7 января 1925 года, в отмену прежнего ноябрьского распоряжения 1923 года о передаче власти пятерке. Власть передавалась усердно: Мм. Кириллу, Агафангелу и Петру. Из наследников в Москве — Петр (Полянский). Отзыв Серафима Тверского: «Не могло быть хуже преемника». Кто такой Петр? До 1917 года мирянин, статский советник, чиновник Синода. Доверие Саблера, связь с Распутиным. В 1917—18 г. — транспортная контора «Богатырь».

Предсмертное воззвание Тихона. Направляющая политическая линия. «Мы призываем церковно-приходские общины, особенно их исполнительные органы, не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питая надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская Власть действительно народная рабоче-крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая. Письмо опубликовано в газ. «Изв. ЦИК'а», от 15 апреля 1925 года митрополитом Петром Крутицким, Тихоном Уральским и Серафимом Александровым.

Линия Петра Крутицкого: связь с зарубежной эмиграцией; апробация за границей его местоблюстительства и основная директивная направляющая линия. Письмо Николая Соловья. Статья Теляковского в «Известиях», от 15 ноября 1925 г. Смена политических вех и расслоение тихоновщины. Начало «Григорьевщины» — Ультиматум в Донском Петру Крутицкому: оправдаться в политических обвинениях, и созвать собор епископов (Григорий Екатеринбургский, еп. Борис Можайский и Иннокентий Каменский). Повторение истории: майская делегация в 1922 г. к Тихону — обновленцев, декабрьская 1925 г. «Григорьевцев» — к местоблюстителю Петру. «Григорьевцы», по меткому замечанию Митрополита Александра Введенского, «опоздавшие пассажиры на корабле советской государственности». Резолюция Петра. Собрание епископов (по одной версии — 11, по другой — 30 ч.) в Донском монастыре. Выборы ВЦС. Состав ВЦС. Передача власти м. Петром компании из трех архиереев: М. Сергию Нижегородскому, Иоасафу, архиепископу Ростовскому, Михаилу, б. экзарху Украины. Кто такой Сергей? Вчерашний обновленец. Вхождение Сергия во ВЦУ. Воззвание трех — Сергия, Евдокима, Серафима. Высказывался за второбрачие в 1905 г. (Отзывы епарх. арх. по вопросу о церковных реформах т. III, СПб, стр. 444). Делегация «григорьевцев» к Сергию в Нижний. Ответ Сергия от 29 января: запрещение в священнослужении Григория и ВЦС. Резолюция м. Петра на докладе

«григорьевцев», послужившая основой для дальнейшей тихоновской путаницы (от 1 февраля). Условная передача — и вместе непередача власти ВЦС и аннулирование полномочий Сергия. В резолюции Петра, от 4 марта 26 года, — ВЦС называется лишь только «спроектированной коллегией», ВЦС в сущности — нет: Николай Владимирский отказался от вхождения в ВЦС, Дмитрий Беликов Томский на тихоновский окружный С'езд прислал извещение, что он и сам не знает, «какая у них власть». Нет «кворума» и у Сергия: м. Михаил отказался от вхождения в местоблюстительскую коллегию, Иоасаф оказался «недостаточно известным Советской Власти». (Из резолюции м. Петра, от 1 февраля).

Ответ Сергия на извещение ВЦС об аннулировании его полномочий (письмо, от 8 февраля).

Мотивы:

а) Продолжает считать ВЦС неканоничным и самозванным и после резолюции Петра Крутицкого,

б) резолюция условна: если требуется для успокоения верующих...

в) для успокоения верующих требуется роспуск самозванного ВЦС;

«Теперь уже никакой авторитет, даже авторитет самого местоблюстителя, не сделал бы законным в сознании верующих начатого столь незаконно».

д) Григорий запрещен в священнослужении; власть управлять сопутствует власти священнодействовать. Местоблюститель не имел права без собора епископов его разрешить (ап. пр. 2, Ант. 6); за разрешение Григория Петр должен быть сам запрещен.

Арх. Григорий, как слышно, запретил Сергия. Скачка анафем. Взаимоотношения Сергиевцев и Григорьевцев: скандал, устроенный Сергиевцами Григорию и Борису Можайскому в Донском монастыре, при попытке отслужить панихиду на могиле б. патриарха Тихона.

Послание Кунгурского тихоновского епископа Аркадия Ершова (Сергиевца). Аркадий пишет: «Дьявол не хочет успокоиться и выдвигает против Христовой церкви нового врага, в лице бывшего архиепископа Екатеринбургского Григория». Далее Аркадий говорит, что Григорий был православным, но «захватил власть, увлек за собою несколько епископов, внес раскол в церковь» и т. д. «Похоть властолюбия, уподобила его сатане, а приспешников его бесам, — тем подражателям, которые явились у дьявола, когда сей последний был изгнан с неба, и навсегда отошел от познания истины».

Предел тихоновского безумия.

Раввин Гамаллил: «если дело от человек — погибнет» (Деян.).

Барнаульский окружный с'езд староцерковников.

Торжественно гудели тихоновские колокола в день Сретения Господня в Барнауле.

Партия Сергиевцев и Григорьевцы мобилизовали свои силы для грядущего боя.

Сергиевцы еще за несколько недель до С'езда посылали в соседний город Бийск за «своим» архиереем Никитой лидера местной Сергиевщины, городского протоиерея Николая Заводского.

«Ветхий денми» протоиерей Анемподист Заводовский, почетный председатель окружного С'езда, накануне С'езда целых полдня толкался на ж.-дорожном вокзале, поджидая своего «григорьевского» архиерея, посланного из Москвы.

«Нет ли между вами нашего владыки», — вопрошал полуслепой старик, каждую кучку длинополых пассажиров.

Но тщетно!

Ни почетный председатель С'езда, ни тихоновский С'езд никакого архиерея ни сергиевского, ни григорьевского, — не дождались, как, вообще, вся тихоновщина не дождалась и не дождет много того, что щедро обещают им и о чем рассказывают, забивая голову народу, тихоновские главари.

Деловые заседания С'езда начались с капитального вопроса: где наша голова.

Все дальнейшее направление и течение дела на С'езде определяется этой основной линией окружного староцерковнического собрания: поисками своей собственной головы.

Отсюда понятно: почему так шумно и бестолково было на С'езде братьев староцерковников,—что же можно было ожидать путного от людей потерявших голову?

Голов — целый арсенал.

Ведь перед нашими глазами прошла эта трагическая «местоблюстительская чехарда»: м. Сергей передал власть Иосифу Ленинградскому, Иосиф—Фаддею, Фаддей—Серафиму Углицкому и так далее, до бесконечности.

Милое Пошехонье, наивное и забытое, оно вновь воскресло перед нами воочию, как старая сказка.

Ну, ставь,—благосклонно разрешает председатель С'езда. Лидер Сергиевщины, торопливо суетясь, схватывает обеими руками голову «своего» местоблюстителя и наспех прилаживает к тихоновскому туловищу.

Наша голова, — кричит Сергиевщина. Не наша, — орет оглушительно молодая и крикливая поэтому Григорьевщина, только что выпешшая на свет Божий из староцерковнических пеленок.

Наша, не наша, нет наша, не наша... Освободи место. Приставляется григорьевская голова...

Но это слишком грустная сказка, дорогие друзья!

Братья тихоновцы совершенно забыли, что главою Церкви Божией на земле, благодатию и милосердием Господа, являются не отдельные местоблюстители патриарших престолов, ни заместители местоблюстителей, (ибо никому, никому не разрешается «господствовать над Божиим наследием» (1 Петр 5, 3), а православные епископы и православные пресвитеры, осуществляющие свое право управления Церковью, совместно с телом Церкви)—остальным клиром и православным народом,—в моменте церковного собора.

Эта голова—самая прочная и она никогда не отвалится от тела, ибо неложно слово евангелия: «Создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» (Матф. 16, 18).

Бюро по созыву окружного с'езда тихоновских церковников еще до С'езда запрашивало разных архиереев сибирских и российских о «голове».

Ответы пришли разные и малоутешительные.

Иннокентий, архиепископ б. Бийский, проживающий в настоящее время на ст. «Люберцы», Московско-Казанск. ж. д., дал уклончивый ответ, сославшись на заведывающего Московской епархией, архиепископ Алексей Серпуховский, сообщил, что высшая церковная власть в настоящий момент принадлежит епископу Серафиму Углицкому.

Ех-член коллегии Высшего Церковного Совета архиепископ Дмитрий Томский ответил, что «он и сам не знает, какая у них власть».

Кстати, об этом Дмитрие Томском.

Старичок—тоже, как местоблюститель Сергей, со значительной обновленческой лигатурой.

Так, напр., 14 сентября 23 года, в ответ на предложение Синода занять место по обновлению, он писал: «В своем глубококом, искреннем душевном желании братского согласия и мира в верующем населении, долженствующем составлять единое тело Церкви Христовой, и после долговременных настоячивых размышлений, я пришел к заключению, что указанные дисциплинарные постановления (постановления Собора 23 года,—о семейном епископате и пр.), не могут быть безусловной причиной, оправдывающей скорбное церковное разделение, и это тем более, что назревшие нужды в жизни русской Церкви, несомненно, требуют удовлетворения в духе и направлении церковного возрождения».

Недурна идеология для архиерея, совершающего в 24 и последующие годы «канонические» перерукоположения!

Дальше о поисках.

Сергий не удостоил тихоновских вопрошателей ответом.

Но зато Высший Церковный Совет прислал за подписью арх. Могилевского Константина обширное письмо, в котором уверял тихоновцев, что единственной, законной, канонической и преемственной властью является он, ВЦС, что ВЦС строго держится канонических правил и церковной традиции и состоит в каноническом общении с заместителем патриаршего престола Петром Крутицким, которого и считает за своего верховного главу.

Член оргбюро, священник городской церкви Пульхов, оглашая григорьевскую «энциклику» (между прочим, без печати, что послужило предметом оживленной дискуссии

о.о. С'езда), как и следовало благовоспитанному докладчику-пресвитеру, заметил:

«Если он (т.-е. Высокопреосвященный Константин, архиепископ Могилевский), врет, то и я вру».

Самым характерным и ярким выступлением на С'езде была речь почетного председателя С'езда митрофорного протоиерея Анемподиста Антоновича Заводовского.

Рассматривая и расценивая создавшееся положение, протоиерей Анемподист Заводовский, матерый тихоновец, пионер тихоновщины в Барнауле,—на основании имеющихся в его распоряжении документов, приходит к катастрофическому выводу, что у староцерковников, в сущности, нет законной и канонической власти, ибо все местоблюстители, каждый в отдельности и все вместе взятые, неканоничны по апост. правилу 76 и Апост. 23, строго осуждающим передачу епископства и церковной власти по завещанию наследникам. Высший же Церковный Совет, возглавляемый архиепископом Григорием, неканоничен, потому что сей совет самовольно захватил власть. Констатируя этот печальный вывод, почтенный оратор все же склоняется больше в сторону признания высшим церковным органом—ВЦС, как легальной организации, имеющей возможность созвать Поместный Собор, и тем самым ввести староцерковническую жизнь в каноническое и здоровое русло.

Оратор со слезами на глазах рекомендует С'езду умолять своих архипастырей о скорейшем созыве объединенного староцерковного собора и мире между собою.

Ах, собор, собор... Но зачем, вы, братья староцерковники, так долго плевали в соборную идею, постыдно и преступно долго; в сердце свое вы плевали.

После долгих и шумных дебатов и взаимных препирательств, той и другой стороной были предложены следующие резолюции о власти:

Григорьевцами: «Признать Высший Церковный Совет, на основе соборных определений Собора 1917—18 г.г., (возглавляемый каноническим), о неканоничности которого григорьевцы, между прочим, только что перед тем свидетельствовали местоблюстителем Петром Крутицким или митрополитом Агафангелом Ярославским».

Сергиевцами: «Признать Высший Церковный Совет, возглавляемый заместителем патриаршего местоблюстителя Серафимом, архиепископом Углицким. Если архиепископ Серафим не найдет возможным возглавить существующий Высший Церковный Совет, то создать новый».

Григорьевская резолюция принята большинством всех против 61 (шестидесяти одного) голоса.

И, таким образом, в Барнауле воцарилась Григорьевщина. Создан центр и опорная база ВЦС в Сибири.

Епископом на Барнаульскую кафедру избран архимандрит Владимир Юевич, б. офицер, преподаватель военной школы в г. Бийске, до 1923 года—мирянин, в 23 году принявший монашеский постриг и в том же году возведенный архиепископом Иннокентием Бийским в сан архимандрита.

Архимандриту Юевичу постановлено условием получить рукоположение в Екатеринбург у Григория.

Церковная ориентация Юевича, равно как его отношение к выборам на Барнаульскую кафедру, до сих пор тихоновцам неизвестны.

На случай отказа Юевича, избраны: епископ Прокопий Титов, б. Елизаветградский викарий Одесской епархии, и протоиерей г. Бийска, Григорий Дагаев, вдовец, б. священник села Ординского, из неокончивших курс Семинарии.

Последние двое избраны также без их согласия.

При избрании епископа Прокопия на С'езде произошел забавный казус. Перед с'ездом стал вопрос: жив Прокопий или мертв. Одни из делегатов уверяли, что Прокопий помер, о чем будто бы сообщалось в «Известиях ЦИК», другие—жив и проживает в Москве.

Братья тихоновцы невольно натолкнули на воспоминание о незабвенном Павле Ивановиче Чичикове, бессмертном покупателе мертвых душ, помещике Коробочке, приписавшей в своем реестре окладных мужских душ лишнюю мертвую душу Елизавет-Воробей.

Мы не будем долго задерживать вашего внимания на

тихоновском съезде, ибо ничего ни отрадного, ни радостного на нем мы не видели.

Староцерковнический съезд нам, обновленцам, в конечном подсчете, не принес вреда.

Пока тихоновщина была в подпольи, не имела возможности широкого организованного публичного выступления, пока на весах рядового церковника было: на одной чашке — обновленчество, а на другой — неизвестный — Х (икс), обыватель рассуждал.

— Там, в этом неизвестном Х, — оплот православия, сила могучая, по рукам связанная, стусит лучшей церковности.

И, наконец, пришел момент, и «стуситки» трянули своей непочтой душевной и мозговой силой.

Обыватель устыдился и накренился налево... к обновлению. Типичная реплика Барнаульских церковников о тихоновском съезде:

— Ругались по билетам.

В самом деле, там не было сказано ни одного слова о мире церковном, о котором так изболелась христианская душа, о духовном просвещении, об организации пастырства, о духовной проповеди, о борьбе с неверием и сектантством, о приходской работе и пр., и пр., — одним словом, о всем том, что значительно важнее и ценнее наших споров о внешних признаках нашей каноничности.

Взаимные насмешки, укоры, даже аплодисменты в Божием храме, и клубы табачного дыма вокруг храма — вот атмосфера съезда.

К нашему общему стыду, староцерковные пастыри, очевидно, потерявшие всякое понятие о церковной дисциплине, называли своих архиереев не иначе, как Петр, Сергей, Серафим, Фаддей и пр. Вспоминается нам приезд в XIX ст. в Белую Криницу к старообрядцам родоначальника Белокриницкой иерархии греческого митрополита Амвросия Босносараевского из Константинополя.

Когда спутники Амвросия сын Георгий и серб Огнянович (переводчик) запели на греческом языке «исполня эти деспота», а приезжий митрополит стал благословлять обеими руками, по чину «иудейскому», как писал еще поп Лазарь, то старообрядцы-липование герестно восклицали:

— Господи, Спас Милостивый. До чего мы дожили. Какая же это старая вера: это настоящие турки, прости Господи.

Обновленцам вход на съезд был абсолютно воспрещен.

И вообще к ним на съезде была проявлена большая нетерпимость.

Делегаты съезда были разбиты на два лагеря: на саддукеев-тихоновцев чистой воды, и на мытарей-тихоновцев с обновленческой лигатурой, т.е. ренегатов обновления.

Бывшие обновленцы были лишены права избрания на все должности в президиум, управление и пр., одним словом, на ихней карьере по тихоновской линии был поставлен большой крест.

Всех ораторов, неугодивших съезду, немедленно приносили к лицу обновленцев и непочетно стаскивали с кафедры.

Так напр., старика делегата, позволившего при обсуждении одиннадцатитысячной сметы ЕС указать, что обновленческий архиерей, по общему признанию, достойный человек, живет очень скромно и ходит частенько пешком, что не мешало бы принять в пример и христианский образец, тихоновскому архиерею-монаху, — немедленно стащили с кафедры и обвинили в восьмом смертном грехе: обновленчестве.

В григорьевский Епархиальный Совет избраны: священник Матфей Меркулов (с «Житием» о. Матфея можно познакомиться в уголовном отделении местного суда), священник Иоанн Ломов (с Восторговских курсов), граждане: Спасивцев и Фалалеев.

Еще — один характерный штрих.

На тихоновском съезде замечался повальный и панический отказ делегатов от выборов в Епархиальный Совет.

Очевидно, вступление на путь легальности и лояльного отношения к Советской власти казалось для основной массы делегатов, при тихоновском общем «нелегальном» настроении, делом мало надежным и даже рискованным.

Один из делегатов внес предложение подвергнуть всех отказавшихся медицинскому освидетельствованию.

Но это предложение «унтера Пришибеева» от тихоновщины было провалено.

На содержание епископа ассигновано: из средств епархии 2.800 рублей, из средств духовенства — 400 рублей, на содержание ЕУ — 2.300 рублей, и 2.140 рублей на содержание протоиерея, иподиаконов и архиерейского хора, а всего 7.800 рублей, из них: 1.000 рублей платят городские церкви и 6.840 руб. — деревенские.

Кандидат Сергиевщины: епископ Петр Савельев Белебеевский был съездом провален, что, конечно, не исключает возможности его приезда в г. Барнаул.

Кто такой Петр Белебеевский.

Епископ Петр был назначен на Барнаульскую кафедру митрополитом Сергием Нижегородским, о чем Сергей известил двумя письмами в октябре месяце местного тихоновского благочинного прот. Николая Заводовского.

В ноябре месяце местный благочинный протоиерей Николай Заводовский издает распоряжение о поименовании Петра.

«Всечестного отца, епископа Петра Барнаульского» поминают в течение трех слишком месяцев все староцерковные храмы города и епархии.

И что же на проверку оказалось?

Докладчик от григорьевщины И. Д. Побединский, на основе имеющихся в его распоряжении документов, доложил об епископе Петре ряд любопытных сведений.

Петр — архиерей (к стыду нашему) «обновленческого постановления». Изгнанный обновленцами, еп. Петр в г. Стерлитамаке фабрикует подложную телеграмму от б. патриарха Тихона, и принимается тихоновцами в общение. В настоящее время изгнанный и обновленцами и тихоновцами из Стерлитамака и Белебея еп. Петр временно проживает в г. Уфе, околачивая пороги тихоновского епископа Иоанна Пояркова. Об остальных «стыдных» делах владыки Петра докладчик почел неудобным докладывать в храме Божием.

Побединский покорнейше просил Сергиевцев привлечь его за клевету к суду.

Съезд был пришиблен разоблачениями Побединского.

Что же это, братцы? Теперь, выходит, мы все неканоничны и безблагодатны; храмы наши осквернены и требуют освящения; за эти три месяца: наши таинства — не таинства, крещение — не крещение, а паче осквернение, — горестно жаловались друг другу встревоженные делегаты, «оскверненные» общением со вчерашним «Всечестным отцом нашим Петром, епископом Барнаульским».

Вот она — тихоновская епархия.

Здесь мы поставим точку.

Я вспомнил вчерашний случай.

Наш протоиерей о. П. вчера на дверях церковных наклеивал объявление о нашем съезде. Подходит старушка, узнает, что завтра съезд и спрашивает:

— А «мертвым» то, батюшка, можно к вам на съезд притти.

— Приходи, бабушка, — сказал ей наш почтенный протоиерей, — может быть и оживешь.

И горько стало мне: мертвые мы все и кругом себя мертвящие.

И представилось мне Иезекиилю поле, усеянное мертвыми костями.

И некий таинственный голос спросил меня:

— «Сын человеческий, изрек пророчество: оживут ли кости сии» (Иезек. 37).

И я последний из рабов Господних имею великое дерзновение изречь пророчество:

— Не оживут.

Все есть: скелет, сухожилия, плоть, кожа; вся внешняя видимость; главной сути нет: любви горящей в нас нет, Духа Святого Божьего Животворящего нет в нас, сердце у нас пусто.

И вот, когда от «четырех ветров пройдет дух и дохнет (Иез. 37, 9) на труп нашего сердца и оно загорится любовью, — мертвый человек оживет».

Тогда соберутся все вместе, сегодняшние враги, а вчерашние дети одной матери Православной Церкви, и обновленцы, и сергиевцы, и григорьевцы, сложат сердца свои в одно общее большое христианское сердце, разум свой — в один общий христианский разум, и воскликнут победную песнь бурной радости: «С нами Бог, разумеете языцы и покарайтесь, яко с нами Бог».

С нами Бог, ибо в нас вновь загорелась потухшая любовь, дорогие братья и сестры о Господе.

Что же нам делать для окрыления нашего сознания, души нашей, сердца нашего, Христовой Божией любовью — залогом святым и истинным, и вместе залогом нашего всеправославного объединения и примирения?

Что же делать. Как быть?

Роковой и вместе с тем трагический вопрос.

Богу молиться нужно. Молиться нужно.

Ибо невозможное у «человека, возможно у Бога».

«Если в данный момент, — говорит христианский писатель Эрн, — по общему плану всемирно-исторического процесса необходимо, чтобы церковь Христова, возродившись, была тем, чем она была при апостолах, то она обновится и воссияет, как бы ни были слабы, малосильны и ничтожны те люди, с которых и в которых началось это обновление, ибо историю делают не только люди, но и Бог, «из Которого все, и к Которому все (I Рим.), Которым мы живем, движемся и есмы» (Деян.).

Архиепископ Александр Алтайский.

г. Барнаул. 1 марта 1927 года.

Р. П. Ц. СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛИ КАЗАНСКО-БОГОРОДИЦКОЙ ЦЕРКВИ, СЕЛА МАРКОВА, НОЛИНСКОГО УЕЗДА, ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ. МАЯ 4-го ДНЯ 1927 г. № 4. В СВЯЩЕННЫЙ СИНОД РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

От Священника села Маркова, 2 окр., Порезкой вол., Нолинского у., Вятской епархии **Иоанна Димитриева Парфенова**

РАПОРТ.

Посылая одновременно с сим чрез Порезкое П/О деньги в сумме 5 руб. 50 коп. (3 р. личных и 2 руб. 50 коп. собранных в храме нашем после проповеди в праздник Входа Господня в Иерусалим за литургией), прошу Священный Синод передать их как пожертвованные в Совет Московской Богословской Академии на нужды таковой и содержание педперсонала от нашей маленькой захолустной обновленческой церкви (с числом 50 хозяйств) прихода с пожеланием плодотворной деятельности Б. Академии по духовно-нравственному просвещению верующего простого сельского народа СССР, проявляемому сотрудниками глубокоуважаемого журнала Вашего «Вестника Св. Синода». О чем просьба Приходского Совета пропечатать в Вестнике Синода. Да, мы захолустные сельские пастыри, к числу которых и я принадлежу, окруженные тихоновскими приходами, кругом на расстоянии 50 верст нет ни одного Синодального села. Во всем Нолинском уезде из 58 сел, только остались твердыми на своих позициях 4 села; очень и очень нуждаемся в теперешнее время в духовной поддержке чрез печатный орган, а посему лично сам и от лица Церковного Совета своего выражаю глубокопризнательную благодарность сотрудникам Вашего Вестника за назидательно-руководственные

слова, и речи, и статьи, печатаемые в журнале благодаря выписыванию которого, а также Украинского Благовестника наша община и по сие время находится на Синодальной платформе. Весьма было бы желательно иметь для нашего объединения хотя бы по два или одному благовестнику-миссионеру на епархии, ибо в нашей Вятской епархии, благодаря инертности ЕУ дело синодальных приходов находится в печальном положении, и только своим неустанным разъяснением прихожанам, приходится отстаивать свое положение от вмешательства тихоновских батюшек. А если бы приехал благовестник, лицо чужое, в приход, безусловно оказал бы поддержку пастырю прихода и моральное воздействие на прихожан и даже на некоторых тихоновских батюшек, которые, скрепя сердце, и по сие время находятся под влиянием крикунов — Церковного Совета, тихоновцев, оставаясь в душе сочувствующими обновленцам, читая у нас журналы Синод. издания — бояться сами их выписывать. Простите, за высказанное, что наболело на душе. Конечно, нам никто не даст миссионера, сами должны изыскать средства на него, но ведь было высказано на Еп. Собрании в 1925 и 1926 гг. пожелание, но некому его провести в жизнь.

К сему подписуюсь нижайший послушник Священник с. Маркова, Нолинского у., Вятской г. **Иоанн Парфенов.**

4-го мая 1927 г.

М. П.

В ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ ПРИ СВЯЩЕННОМ СИНОДЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Уральской обл., Свердловской епархии, села Кочневского, Богоявленской Церкви, священника, **Николая Десницкого**

ПОЧТИТЕЛЬНЕЙШИЙ РАПОРТ.

Сочувствуя нуждам богословского просвещения и высших богословских школ (Москов. академии и Ленинград. Инстит.), церковно-приходский совет Кочневской Богоявленской церкви, по настоянию своего приходского пастыря, предпринял сбор пожертвований среди своих прихожан, во время хода со Святыми Иконами по домам верующих с пасхальными молебнами, на нужды выше названных школ, при чем оказалось собрано 10 рублей, которые одновременно с сим посылаются переводом по почте по принадлежности в просветительный фонд при Священном Синоде.

Желательно было бы означенный факт отпечатать в вестнике Священного Синода, как пример для подражания другим общинам верующих; тем более, что наша Кочневская община — местность глухая, народ весьма малокультурен, всякие предприятия с большим трудом удается проводить, а иногда и вовсе неподдаются выполнению.

Свердловской Епархии, Кочневской Богоявленской Церкви Священник **Николай Десницкий.**

1927 г., 30 мая.

19601